

Игорь

Безрук

Ловушка
для
призрака

Игорь Бéзрук

**Ловушка
для призрака**

(повесть, рассказы)

Иваново
ИПК «ПресСто»
2009

ББК Ш6(2=Р)74/75-644.05
Б 405

Печатается в авторской редакции

Безрук И.А.

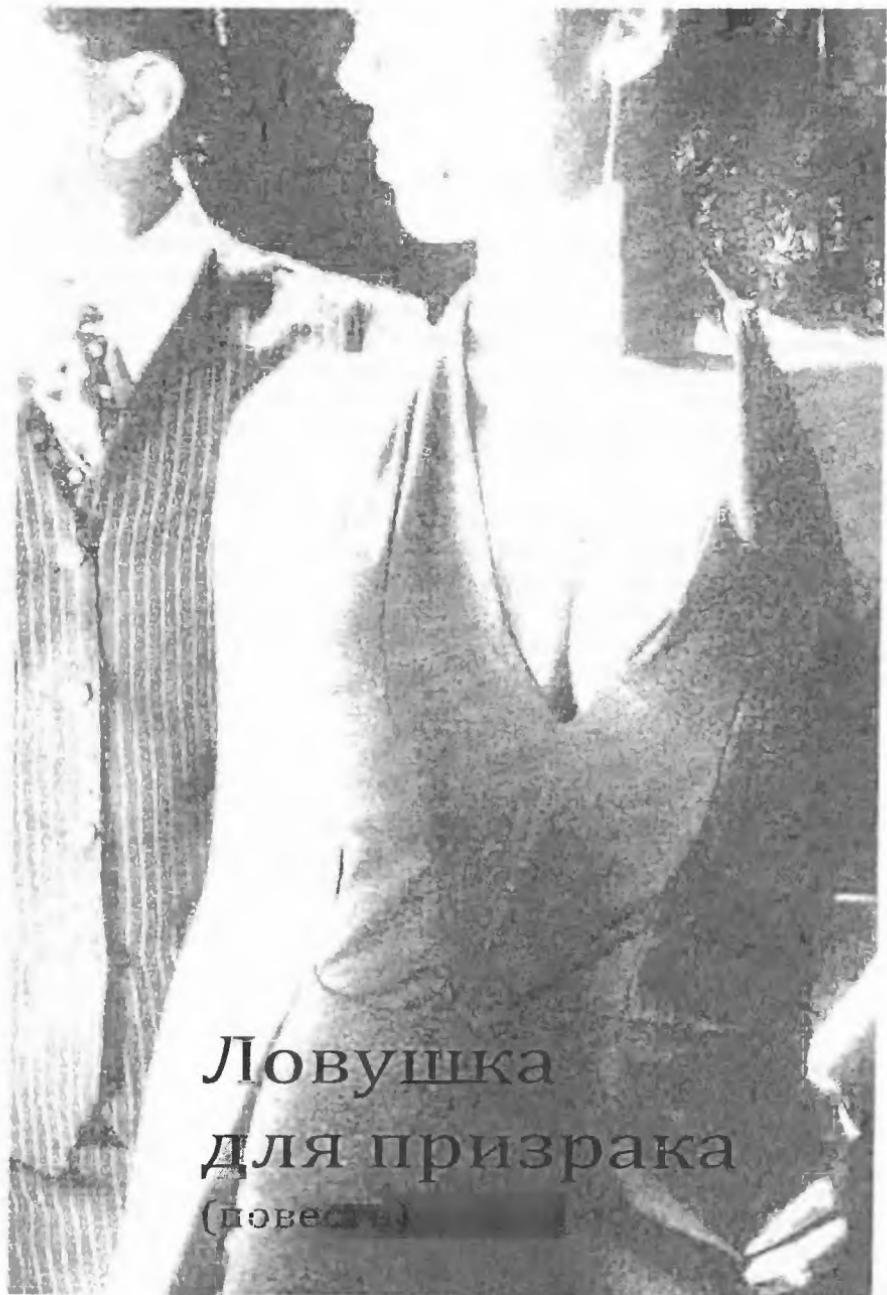
Б 405 Ловушка для призрака: (повесть, рассказы). – Иваново: ИПК «ПресСто», 2009. – 144 с.
ISBN 978-5-903595-32-7

Мистические повести и рассказы Игоря Безрука печатались в различных периодических изданиях в Москве, Киеве, Риге, Атланте (США) и всегда обращали на себя внимание. В новый сборник вошли небольшая повесть и мистические рассказы последних лет.

ББК Ш6(2=Р)74/75-644.05

ISBN 978-5-903595-32-7

© Безрук И.А., 2009

Ловушка
для призрака
(повесть)

1

По узкому, но достаточно освещенному коридору одной из небольших загородных клиник Блэкстоуна уверенной и твердой поступью двигалась девушка.

Мимо неё взад и вперед сновали какие-то люди: посетители, медсестры и обслуживающий персонал, и все нет-нет, да и обращали внимание на эту, несомненно, броскую двадцатипятилетнюю шатенку с непроницаемым решительным выражением лица, придающим её тонким и правильным чертам еще большую красоту и выразительность.

Даже в сером, не слишком бросающемся в глаза, но, бесспорно, дорогое костюме она задерживала на себе взгляды, как мужчин, так и женщин. Женщин отчасти своей отстраненностью и надменностью, мужчин – привлекательностью и недоступностью.

Только слепой или чрезмерно привередливый мог пройти мимо такой девушки и не обернуться, не проводить её взглядом до конца коридора, не залюбоваться на мгновение стройными длинными ногами, небольшими плотными бедрами и узкой талией, скрыть которую был не в состоянии даже пиджак, собирающийся в талии едва заметными складками. Но опытному взгляду и этого было достаточно, чтобы ощутить всю прелест скрывающегося под ним тела.

После себя эта девушка оставляла не только пьянящий аромат весеннего букета, но и какую-то невидимую ауру, от которой можно было сойти с ума. Может, поэтому все сразу же расступались перед ней – мужчины жались к стенам, женщины проходили боком, и все – почти все – заворожено оборачивались, пыла недобрыми мыслями: кто с завистью, кто с презрительностью, кто с ненавистью, а кто и с вожделением – но только не с равнодушием.

Бросалась в глаза встречным и её серая – такого же цвета, как и костюм – шляпка, сдвинутая кокетливо набок. Но бросалась только издали, вблизи же всех поражали блещущие решительностью и негодованием выразительные глаза девушки – можно было подумать, что она несется на всех парах в один из кабинетов клиники, чтобы внезапно застать своего неверного мужа в объятьях его секретарши-любовницы.

И лишь немногие из теперешнего персонала знали истинную причину появления здесь миссис Рэнделл, однако никто из них не горел особым желанием встретиться с нею или даже просто сказать по-приятельски: «Привет», как говорили они раньше, еще в те недавние времена, когда никому не известная мисс Оливия Метью практиковала в этих стенах

обыкновенной медсестрой. Виной тому были отчасти вырвавшиеся у нее после замужества из силков стыда надменность и презрение, какое нередко появляется у так называемой категории «выбившихся» женщин. Хотя никто из знающих её никогда не станет отрицать, что всего в жизни, о чём можно только мечтать – богатства, респектабельности и неравнодушия со стороны окружающих, – она добилась исключительно своим неженским умом и напористостью. Уж ей поперек дороги не станешь: сотрет в порошок, испепелит – огонь, а не женщина. Да оно и так видно: по её решительной поступи, по непроницаемому взгляду, даже по той манере, с которой она вскользь отвечала на кивки и поклоны, приветствия и улыбки случайно встреченных в коридоре знакомых.

Вскоре Оливия приблизилась к кабинету, на стеклянной двери которого в серебристом металле была выполнена надпись: «Доктор Макферсон, главврач».

Не останавливаясь и не задумываясь ни на мгновение, Оливия так же решительно, как и шла сюда, отворила дверь и оказалась в небольшой приемной Клайда Макферсона.

Секретарша Макферсона, мисс Инга Морис, женщина в том возрасте, когда седину все чаще приходится скрывать краской для волос, увидев Оливию, приняла такое отсутствующее выражение лица, что миссис Рэндэлл даже улыбнулась про себя. Поговаривали, будто она тайно влюблена в Макферсона, но черт с ней – Оливию это мало интересовало.

Несмотря на то, что мисс Морис демонстративно уткнулась в лежащую сбоку неё стопку бумаги и деланно надула накрашенные губы, Оливия нарочито громко поздоровалась с ней и тут же двинулась к двери кабинета Макферсона, твердо уверенная, что тот находится у себя. Она не ошиблась. Макферсон сидел в глубоком кресле у массивного дубового стола и так увлеченно листал какую-то брошюруку, что даже не заметил, как к нему вошла Оливия. Только когда она прикрыла за собой дверь, доктор Макферсон поднял глаза и тут же улыбнулся, почувствовав, как начинает колотиться сердце. Он не мог без волнения оставаться наедине с Оливией, и сейчас, с трудом взяв себя в руки, поднялся со своего места.

– Боже, Оливия! Неужели это ты? Как я рад.

– Я тоже, Клайд, очень рада, но я здесь не затем, чтобы выслушивать твои комплименты.

– Помилуй бог, Оливия, я не сказал тебе еще ни одного комплимента.

– И не надо. Мне, знаешь ли, сейчас не до них.

– Не понимаю. Твоему мужу стало хуже?

– Клайд, давай начистоту. Ты прекрасно знаешь, зачем я пришла: Рик вчера отказал Милтону в его услугах. Нам теперь нужен другой врач.

– Постой, постой, Оливия. Милтон хороший врач, у него богатая практика, опыт...

– Клайд, я же тебе ясно сказала: Рику нужен другой врач.

Макферсон под руку подвел Оливию к креслу. Мягко надавив на ее плечи, усадил в него, а сам присел на кончик стола.

– Подожди, Оливия, успокойся, может, выпьешь кофе?

Оливия слегка кивнула. Макферсон на секунду выглянул в приемную и попросил секретаря сварить пару чашек.

Когда он вернулся, Оливия сказала:

– Этот твой Милтон... Рик сразу почувствовал к нему неприязнь. Ты же знаешь, он терпеть не может бес tactности.

Когда Оливия упомянула о бес tactности, Макферсон едва заметно улыбнулся – только круглый идиот рядом с такой девушкой мог думать о такте.

Оливия заметила его ироничную улыбку.

– Чему ты улыбаешься?

Макферсон слегка дернулся плечом.

– Смотрю, ты похорошела. Сколько мы не виделись: месяца четыре? пять? полгода? Может, поужинаем где-нибудь, как в старые добрые времена?

– Об этом не может быть и речи, Клайд. С тех пор, как произошла эта нелепая трагедия, сам понимаешь – мы не можем больше встречаться. И я тебе тысячу раз говорила об этом – не начинай, пожалуйста, снова.

– Даже если я очень попрошу?

– Даже если очень. Давай останемся просто друзьями. Хорошими, добрыми друзьями.

Макферсон не стал пререкаться.

– Итак, Рик против кандидатуры Милтона?

– Совершенно верно, – подтвердила Оливия.

– И он, естественно, требует другого доктора?

– Просит, – поправила Оливия.

Макферсон ехидно улыбнулся.

– А тебе не кажется, дорогая, что ему доктор совсем ни к чему. Ты не пыталась показать его психиатру?

– О психиатрах он и слышать не хочет.

– Но зачем ему доктор? Приглядывать за ним может и обыкновенная сиделка. А доктор – это уже прихоть. И глупость, как мне кажется.

– Но ты же знаешь Рика, – как-то неуверенно произнесла Оливия.

– Конечно, знаю. Хотя после того несчастного случая он, как я понял, сильно изменился.

— Даже очень, — сникла Оливия.

— Ладно, — поднялся со стола Макферсон. — Попробую тебе помочь и в этот раз. Только кого порекомендовать — ума не приложу. За год с небольшим Рик сменил уже, если не ошибаюсь, трех или четырех докторов. У меня и на примете-то больше никого нет...

Макферсон задумался. В кабинет вошла мисс Морис с подносом с кофе в руках. Макферсон поблагодарил, взял у нее поднос, поставил на край стола, одну из чашек передал Оливии и сказал:

— Мисс Морис, в ближайшие десять минут никого ко мне, пожалуйста, не впускайте.

— Хорошо, доктор Макферсон, только пришел доктор Котмен, как вы ему назначили.

Макферсон недовольно скривился.

— Попроси его, пожалуйста, зайти после обеда.

— Хорошо, — сказала мисс Морис и направилась к выходу.

— Доктор Котмен? Кто это? — спросила Оливия, когда секретарша вышла.

— Доктор Котмен? — переспросил Макферсон. — Наш терапевт. Ты его совсем не знаешь, он у нас совсем недавно: третий месяц, но в своем деле собаку съел — огромный практик.

Оливия призадумалась, потом сказала:

— А можно мне на него взглянуть?

— Он совершенно не в твоем вкусе, Оливия, — с усмешкой сказал Макферсон.

— И все же я хотела бы посмотреть на него.

— Как тебе будет угодно. Мисс Морис, — запросил он секретаря по селектору, — доктор Котмен еще здесь? Уже ушел? Нет, нет, не беспокойтесь.

Макферсон отключил селектор.

— К сожалению, он вернулся к себе в отделение.

— А мне туда доступ уже закрыт?

— Что ты, Оливия, сама знаешь, для тебя в клинике все двери нараспашку.

— Тогда, может, пройдем в отделение?

Макферсон улыбнулся:

— Как всегда напориста. Хорошо, я проведу тебя.

Они вышли, поднялись на второй этаж. Макферсон спросил у первой попавшейся им на глаза сестры, где доктор Котмен.

— Был в восьмой палате, — ответила та, не моргнув. — Разыскать его?

— Если вам не трудно. Мы будем в его кабинете.

Они прошли по коридору и вошли в небольшой и скромный кабинет заведующего терапевтическим отделением. Оливии он приглянулся: светлый, чистый, аккуратный.

– Все комнаты, Клайд, у тебя, как близнецы.

– Это больница, милая, здесь пестрота отвлекает.

– А может, наоборот, будет только стимулировать?

– Не знаю, не знаю. По правде говоря, я никогда не задумывался над этим.

Дверь отворилась, и в кабинет вошел высокий стройный мужчина лет тридцати восьми-сорока в белом халате и белой цилиндрической шапочке.

– Доктор Макферсон, здравствуйте? Я заходил к вам.

– Доктор Котмен, – представил Макферсон вошедшего Оливии. – Миссис Оливия Рэнделл.

Доктор Котмен слегка кивнул головой. Оливия, не поднимаясь с места, пристально посмотрела на него. Мужчина смущился, отвел глаза, но она успела заметить в них что-то такое, что сразу же заставило ее заволноваться.

Между тем доктор Макферсон продолжал:

– Миссис Оливия – жена одного из наших пациентов, находящегося сейчас на лечении после аварии. Миссис Оливия...

Оливия поднялась и твердо сказала:

– Я хотела бы, чтобы вы по совместительству стали домашним врачом моего мужа. Много времени у вас это не займет, с оплатой, я думаю, мы договоримся.

Доктор Котмен такого не ожидал.

– Не знаю... Я, собственно говоря, никогда домашним-то врачом и не был. И потом – у меня практика, – будто извиняясь, произнес он.

– В этом нет ничего страшного, Макс, – по-приятельски произнес доктор Макферсон. – Вы просто раз в неделю-две, в удобное для вас время будете посещать мистера Рэнделла и наблюдать за его состоянием.

– Но... – попытался отнекаться доктор Котмен, однако миссис Рэнделл его перебила:

– За оплату не беспокойтесь, этот вопрос мы решим сразу же при первом вашем визите.

Ее поддержал и доктор Макферсон:

– Соглашайтесь, доктор Котмен, мой вам добрый совет. Я бы и сам не пропустил проследить за здоровьем мужа миссис Рэнделл, но вы же знаете, сколько у меня дел. И потом – дополнительный заработок. Разве помеха?

– Надеюсь, вы подумаете? – настаивала миссис Рэнделл. – Я не тороплю, но в четверг хотелось бы вас видеть. Вот наш адрес, – посчитала свой вопрос решенным миссис Рэнделл.

Доктор Котмен еще колебался.

– Я несколько удивлен. Почему именно мне вы делаете такое предложение?

– Не знаю, – горячо ответила Оливия и прямо посмотрела ему в глаза. В ту же секунду какая-то тонкая жилка внутри доктора Котмена дрогнула и мелко завибрировала, заглушая туманные сомнения, возникшие чуть ранее: стоит ли вообще связываться со всем этим. Ясного ответа не было, но та странно вибрирующая жилка, казалось, одурманивала его.

– До скорой встречи, доктор Котмен, – сказала миссис Рэнделл.

– До встречи, – ответил он.

Доктор Макферсон и миссис Рэнделл вышли. Доктор Котмен остался один. Он все еще не мог прийти в себя, готов был вот-вот отказаться от столь лестного предложения, но что-то его удерживало. То ли на него так сильно подействовало очарование миссис Рэнделл, то ли что другое, – он не хотел себе признаваться в этом, ему ведь не двадцать лет, чтобы с первого взгляда влюбиться в женщину; слава богу, уже за тридцать – возраст, когда человек не строит больше иллюзий и, как кажется, живет вполне трезвым рассудком. Тогда что же?

Доктор Котмен подошел к окну. За окном вовсю разгулялось лето. На чистом небе висели редкие перистые облака, на осинах мелко трепыхались листья, в кронах шумно галдели галки.

Он мог бы отказаться – роль домашнего доктора совсем не для него, но мысль увидеть еще раз эту привлекательную девушку не давала покоя. Наверное, что-то действительно есть в первом слепом случае. Зайдется сердце и подскажет – твой выбор верен, этот человек может быть тебе близок. В чертах лица проступает нечто знакомое, будто родное, ты начинаешь умиляться наклоном головы, упавшей на глаза челкой, аккуратными ушками, а через час подобное мгновение безвозвратно уходит...

– Доктор Котмен, – просунулась в отвор двери смуглая мордашка дежурной сестры. – Мистер Джонсон из пятой палаты опять возмущается. Может, дать ему чего-нибудь?

– Хорошо, Элен, я сейчас приду, успокойте его покамест.

Дверь закрылась. Макс Котмен снова посмотрел в окно. Сомнения все еще теснились в его душе.

– Ну как, Оливия, что ты думаешь о докторе Котмене? – спросил доктор Макферсон миссис Рэнделл, едва они вышли из кабинета.

Оливия пристально посмотрела на главврача.

– Клайд, ты ведь прекрасно знаешь: я только выполняю причуды Рика, а не подбираю себе любовников, как думают некоторые.

Доктор Макферсон смешался:

– Прости Оливия, я не хотел тебя обидеть. Все верно, – уныло произнес он. – Ну, а как мы, Оливия?

– Что мы, Клайд? Я ведь ясно тебе сказала: между нами все кончено.

– Но ты же не можешь так просто вычеркнуть меня из своей жизни.

Оливия удивленно взглянула на него:

– Клайд, по-моему, эта тема давно закрыта? Давай не будем снова возвращаться к ней?

Оливия направилась по коридору. Доктор Макферсон замер в растерянности, потом словно очнулся, догнал девушку и засеменил рядом.

Весь оставшийся путь они не произнесли больше ни слова. Только у выхода из клиники Оливия сухо попрощалась с доктором Макферсоном и тут же забыла о нем. Он долгим взглядом с сожалением проводил её до самой машины. Малиновый «бьюик» Оливии тихо завелся, тронулся и вскоре быстро скрылся из виду.

2

В четыре часа, как обычно в это время дня, Макс Котмен пил кофе в кафе «Ламартин». Солнце медленно сползло на запад, жара понемногу спадала.

Едва он переступил порог кафе, как стоявший за стойкой бара его владелец, Мишель Ламартин, низкорослый тучный весельчак, расплылся в неизменно-любезной улыбке и крикнул в сторону кухни:

– Франческа, горячий кофе господину Максу!

Макс приблизился к стойке и поздоровался:

– Здравствуйте, Мишель.

– Здравствуйте, доктор Котмен. Присаживайтесь, пожалуйста, на любой свободный столик, сейчас Франческа подойдет.

– Спасибо, Мишель. Вы как всегда внимательны и предусмотрительны. Если мне будет кто-нибудь звонить...

– Само собой разумеется, доктор Котмен. Насчет этого могли бы и не предупреждать. Вы у нас завсегдатай, а для постоянных клиентов у Ламартина особые услуги.

– Вы так любезны, Мишель. У вас случайно не найдется свежей прессы?

Ламартин достал из-под стойки газету и протянул её Максу:

– Пожалуйста.

Макс поблагодарил Ламартина и, взяв газету, прошел к столику у окна. Сев за него, развернул ее и углубился в одну из статей.

Он познакомился с Мишелем буквально на следующий день своего приезда в клинику доктора Макферсона. Это был обаятельнейший человек. Когда впервые Алекс привел сюда Макса, ему сразу понравилось и кафе, и хозяин, и две его очаровательные дочери, Аделаида и Франческа, работающие у отца официантками. Да и сам Макс как-то приглянулся Ламартину, и уже вскоре он, увидев Макса, приподнимал свою шляпу и приветствовал его издали. Впоследствии Макс даже лечил старшую дочь Ламартина, ту самую Франческу, которая сейчас должна была принести ему кофе.

Не успел он прочитать и одной заметки, как Франческа в синем плаще и белом фартуке подошла к его столику и поставила перед ним небольшую чашечку парящего кофе, произнеся негромким приятным голосом:

– Ваш кофе, мистер Макс.

Макс оторвался от газеты, посмотрел на девушку и улыбнулся:

– А, Франческа? Спасибо.

Он чувствовал, что нравится девушке, но заводить с ней интрижку не собирался. И дело было даже не в разнице возрастов. Макс не хотел привязывать ее к себе, не хотел сделать ей больно. К тому же сейчас его мысли были целиком заполнены Оливией. После первой встречи он думал о ней, можно сказать, день и ночь.

Макс надеялся, что Франческа тотчас же уйдет, но девушка спросила:

– Вы сегодня спешите, мистер Макс?

– Ты что-то хотела, Франческа? – он уже пожалел, что заговорил с ней.

После того, как в клинике Франческа решила, что влюблена в Макса, она прохода ему не давала.

Франческа смущенно потирала большим пальцем поверхность подноса, прижатого к ногам.

– Может, вечером поужинаете со мной?

Макс снисходительно посмотрел на неё.

– Франческа, – как можно мягче начал он, потому что совсем не хотел обидеть. – Я правда занят каждый день. В особенности по вечерам, как ты не поймешь. К тому же, я намного старше тебя. Поверь, тебе со мной будет скучно и неинтересно. Да и твой отец...

– Вы нравитесь ему, правда, правда. И... И мне тоже, – горячо вырвалось у неё в который раз.

Максу стало неловко. Откровенное признание Франчески несколько смущило его. Казалось, он ни разу не подал серьезного повода к возник-

новению таких чувств. И в клинике, занимаясь лечением Франчески, старался быть в меру холодным, в меру вежливым и обходительным с нею. Откуда вдруг такая страсть? Макс уже не знал, куда деваться. Выручил его Алекс Видал, стремительно, что соответствовало его непоседливому характеру, ворвавшийся в кафе.

Поприветствовав на ходу Ламартина, нескольких своих знакомых и самого Макса, он облегченно плюхнулся рядом с ним на кресло, небрежно бросив Франческе:

– Дорогая, мне, пожалуйста, то же самое, – огорчив её так, что она даже не смогла скрыть набежавшей на лицо печали.

Макс с жалостью проводил девушку взглядом. Алекс иронично бросил ему:

– Ну ты ловкач: уже и эту завлек в свои сети?

– Пустое, Алекс, – Макс нисколько не обиделся на него – они знали друг друга целую вечность. Макс Котмен и Алекс Видал учились в одном медицинском колледже, вместе стажировались в центральной клинике Уинхеда, затем их пути разошлись и вот, спустя время, вновь случайно встретились на одном из семинаров врачей-терапевтов. Так как дела Макса в тот час были неважны – развод с Кати, осложнения на работе, – Алекс предложил другу перебраться в Блэкстоун, в клинику доктора Макферсона.

– Заочно он с тобой немного знаком, да и я замолвлю словечко, и там ты, поверь мне, забудешь все свои невзгоды и передряги, – сказал ему тогда Алекс, и Макс после недолгого раздумья согласился.

Вскоре Макс переехал в Блэкстоун. Был самый разгар весны. Как в природе, так и в его душе происходили немалые перемены. Во-первых, он начисто позабыл о неприятностях, которые преследовали его в Пенсильвании; во-вторых, надышаться не мог свободой, окружавшей его теперь.

С помощью Алекса Макс быстро нашел себе дом, обставил его, купил новую машину. Он с удовольствием практиковал в клинике – Макферсон не ограничивал своих врачей. Нравились и здешние люди: своей открытостью и непосредственностью – не то, что пенсильванские снобы.

За четыре месяца работы у Макферсона Макс заметно посвежел, набрался сил, прибавил в весе. Даже Алекс и тот заметил это.

– Тебе бы еще подругу найти – и все твои дела были бы решены, – частенько повторял он, когда они оставались вдвоем или по четвергам «расслаблялись» в кафе дядюшки Ламартина.

У самого Алекса подруга сердца была, с ней он встречался регулярно два раза в неделю.

– Нет уж, уволь, – отнекивался от него Макс. – Мне еще не надоело мое одиночество.

Так говорил он каждый раз, когда Алекс соскальзывал на эту острую, по его мнению, тему.

Что же теперь случилось? Он влюбился?

Нет, просто мимолетное чувство, нормальное чувство любого мужчины, встретившего красивую женщину, на некоторое время возобладало над ним.

Поначалу Макс думал, что через день-два это чувство уйдет, как уходило раньше – мало какие женщины попадались ему на глаза. Но прошел день, другой, а образ Оливии Рэнделл так и не покинул его. Оливия в воображении снова садилась в его кабинете на стул, снова поднимала глаза и, не моргая, долго смотрела на него.

– Я, кажется, влюбился, Алекс, – признался Макс, наконец, другу.

Алекс, услышав признание Макса, обрадовался:

– Искренне рад за тебя. Наконец-то твое заледеневшее сердце растаяло. И, если не секрет, кто твоя избранница? Надеюсь, не Франческа? Ей ведь нет и девятнадцати?

– Нет, не Франческа. Некто Оливия Рэнделл. Нас с ней познакомил Макферсон.

– Оливия Рэнделл? – не сдержал удивления Алекс. – В своем ли ты уме, братец? Да знаешь ли ты, что это за женщина?

– Ты с ней знаком?

– Знаком? Да её знает вся клиника!

– Естественно: как мне сказал доктор Макферсон, её муж работал здесь.

– Да, да, пока не угодил в автомобильную аварию.

– Хочешь сказать: из-за неё?

– А ты как думаешь? Видел её – из-за такой разве не потеряешь рассудок? Но это только верхняя часть айсберга. Сыпал популярный анекдот о леди, которая выбирает в любовники домашних врачей своего мужа?

– Не только слышал, но и смеялся над ним.

– Так вот – это не анекдот, а чистейшей воды правда. И леди эта – не кто иная, как сама миссис Оливия Рэнделл.

Макс отказывался верить. Подобное представить невозможно.

– У неё такие чистые, безгрешные глаза...

– Они обманчивы, Макс, поверь мне.

– Да нет, все это сплетни, я уверен, – никак не хотел воспринимать услышанное Макс. – Ты хоть сам-то в них веришь? Я понимаю: ухаживать за прикованным к постели мужем сможет не каждая: для этого нужны

самоотдача, преданность... Любовь, в конце концов. Нет, что хочешь говори, не поверю. Тот анекдот не про неё.

– Да ты слепец, Макс, просто слепец! Я знаю Оливию столько, сколько не знает её никто, даже Рэнделл. Она работала у нас медсестрой, при мне они познакомились, при мне обручились. А потом их жизнь превратилась в кошмар, и Рэнделл после аварии получил инвалидность.

– Но Милтон, доктор Милтон – он же не спал с ней!

– Не спал, согласен, иначе об этом знали бы уже все. Но спроси, зачем она примчалась в клинику – не за новым ли доктором? Ты спросил её?

Макс промолчал.

– А я уверен на все сто: она явилась туда, чтобы подобрать своему муженьку другого врача: Милтон не удовлетворил её желаний. Быть может, даже не приглянулся ей.

– А я, значит, приглянулся? – неожиданно вырвалось у разозленного Макса.

– Что ты сказал? – Алекс был поражен. Он уставился на Макса, не отрываясь. – Выходит, она выбрала тебя? Тебя, доктора Котмена, в домашние врачи и любовники?

Вопрос повис в воздухе. Макс не знал, что на него ответить. Выручила его Франческа. Она подошла к их столику, поставила перед Алексом кофе и снова расстроено взглянула на Макса. Макс не посмел поднять глаза, которые он спрятал, как только девушка приблизилась. Казалось, любой сейчас мог прочитать в них все, о чем он думает.

Алекс словно почувствовал его состояние, легко тронул Франческу за локоть, давая понять, чтобы она поскорее оставила их.

– Принеси нам чего-нибудь выпить, Франческа. Только покрепче. Мне что-то не по себе.

Макс еле дождался, когда девушка отойдет от них.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь.

– Что? – спросил Алекс.

– Что Оливия... Что миссис Рэнделл ищет себе любовников. Да и я... Я буду только изредка наведываться к ним и просто осматривать ее мужа. Это займет каких-нибудь полчаса-час в неделю – не больше. По-моему, ничего страшного, а тем более порочного в этом нет.

– Это тебе так кажется, Макс, потому что ты просто ослеп и твои мозги начинают плесневеть. Хотя, поступай, как хочешь, раз советы друга для тебя пустой звук. Франческа, Франческа, – крикнул Алекс официантке. Ему уже не терпелось выпить. – Куда ты запропастилась?

К столику подошел сам Мишель Ламартин.

– Никогда не думал, что вы можете так ссориться. Ваш разговор слышно даже на кухне.

– Прошу прощения, дорогой Мишель, но я пытался вдолбить этому упрямцу, что доверять своим чувствам, особенно в его возрасте, крайне опасно и нелепо.

– И что же, получилось?

– Он меня не убедил, – ответил за друга Макс.

– Да, чувства – штука сложная, – философически протянул Ламартин. – Порой они совсем не подчиняются нам.

– Но для чего тогда голова! – продолжал возмущаться Алекс. – Бог дал этому двуногому существу и голову, и мозги. И что я вижу: что эти самые светлые мозги моего лучшего друга куда-то просто улетучиваются. Не знаю, как их удержать.

– А может, не надо и удерживать? – спросил Ламартин.

– Тогда в два счета сойдешь с ума.

– Но не сошел же еще? – улыбнулся Макс. – Не сошел?

– Долго ли? – отмахнулся от него Алекс и взял из рук Франчески принесенную стопку с виски. – Не удивлюсь, если через неделю ты приберишь ко мне и станешь вопить о помощи.

– Надеюсь, этого не произойдет, – приглушенno сказал Макс.

Домой он добрался слегка опьяневшим. В конце концов они с Алексом помирились. Скрепили свое примирение несколькими рюмками спиртного.

Вернувшись, Макс забрался под теплый душ, постоял под ним минут десять и, почувствовав себя легче, отправился в постель. Не хотелось ни слушать музыку, ни смотреть телевизор – только поскорее заснуть и во сне увидеть ту, о которой он не мог забыть весь день – Оливию Рэнделл.

Засыпая, Макс твердо решил, что снова увидится с ней. Когда там она говорила, что ждет его: в четверг, пятницу? Кажется, в четверг. А сегодня что? Понедельник или вторник? Совсем память потерял.

Макса словно окутывало облако нежности. Нет, все-таки в этом что-то есть: увидел – и ощутил. Любовь с первого взгляда?

Макс провалился в сон. Спал как убитый. Утром встал бодрый и высавшийся. Принял холодный душ, почистил зубы, позавтракал.

Погода с утра порадовала. Приятное в этом году лето: не жаркое, не душное. Хорошо бы еще, конечно, дождя, – хоть пыль прибрить, а то порой от нее просто спасения нет: лезет и в глаза, и в рот, и в ноздри.

Макс медленно вывел из гаража машину. Ему нравился этот неприхотливый «ягуар» 77-го года выпуска. С ним он себя чувствовал, как одно целое...

Макферсона Макс встретил перед входом в клинику. Тот приветливо улыбнулся и дружелюбно пожал Максу руку.

– Я смотрю, вы начинаете преуспевать не только на поприще медицины, – с улыбкой сказал он.

– Вы о миссис Рэнделл? – недоуменно спросил Макс.

– О ней, о ней, вы же прекрасно понимаете. Кстати, вы обдумали её предложение? Что мне сказать, если вдруг она позвонит?

– Скажите, что я не против.

– Очень хорошо, – сказал Макферсон, улыбнувшись, – только предупреждаю: будьте осторожны – такая женщина, как миссис Рэнделл, может свести с ума.

– Я уже не в том возрасте, доктор Макферсон, чтобы сходить с ума от женщин.

– Надеюсь, что так, и наша клиника не потеряет столь ценного работника.

– Я в этом просто уверен.

– Мне остается только пожелать вам удачи, доктор Котмен.

– Спасибо, доктор Макферсон, – сказал напоследок Макс, и они расстались в коридоре. Макс пошел в отделение, Макферсон в свой кабинет.

3

В четверг Макс подъехал к Рэнделлам. Дом супругов оказался двухэтажным, окруженным пышной зеленью. Запах жимолости приятно щекотал ноздри. Газон перед домом аккуратно подстрижен. Выступающее немного вперед крыльце увито сочным плющом.

Макс припарковался у обочины, прошел по тротуару, поднялся на крыльцо. Дверь открыла служанка Рэнделлов, невысокая хрупкая женщина средних лет. Проводив Макса в гостиную, оставила там одного. Макс с любопытством стал осматриваться.

На первом этаже размещались прихожая, гостиная, кухня, комната служанки и ход в подвал. На втором – три спальни и ванная комната, как он потом узнал. Обстановка в гостиной особой роскошью не отличалась – все выглядело скромно, но не без вкуса: посередине – полукругом мягкий диван из серого флока, у дивана низенький журнальный столик, напротив – телевизор. На стенах – копии кубистов, несколько пейзажей импрессионистов, сочные растения в горшках (какие-то пышные папоротники, – Макс совсем не разбирался в них). Высокие окна выходили на небольшой дворик с бассейном, ярко освещенный и ухоженный. Вода в бассейне переливалась радужными бликами. Налюбовавшись солнечным

пейзажем, Макс перешел к картинам, однако не успел их рассмотреть. Неожиданно откуда-то сверху раздался голос Оливии Рэнделл:

– А, доктор Котмен, здравствуйте.

Макс обернулся. Оливия в длинном синем платье спускалась со второго этажа. В этот раз она показалась ему еще привлекательнее. Сердце его гулко забилось.

Подойдя к Максу, Оливия слегка улыбнулась и протянула свою тонкую хрупкую руку:

– Очень хорошо, что вы согласились принять наше предложение. Я уж боялась, вы передумаете, и мне снова придется идти в клинику и унижаться перед этим несносным Макферсоном. Как вы его там все выносите, он такой ужасный зануда, не находите?

Максу стало неловко от того, что так открыто поносят его шефа, поэтому он попытался уклониться от продолжения этого разговора. Слегка пожав теплую ладонь миссис Рэнделл, он улыбнулся ей в ответ.

– К счастью, я не так давно знаю доктора Макферсона, чтобы судить о его достоинствах и недостатках, поэтому ничего не смогу ответить на ваш вопрос. А что касается вашего предложения, моя задержка с ответом объясняется только тем, что я, признаться честно, никогда не практиковал домашним врачом.

– Пустяки, доктор Котмен. Со временем вы убедитесь, что это не такое уж сложное и обременительное занятие.

Она предложила ему сесть. Он мягко опустился на диван. С другого края присела сама хозяйка.

– Я вообще-то не очень понимаю, по какой причине... – начал было Макс, но миссис Рэнделл его перебила, удивленно сказав:

– Разве вам доктор Макферсон ничего не объяснил?

– Упоминал о каком-то договоре.

– Вот именно: договоре. После того, как с мистером Рэнделлом произошел несчастный случай, мы с доктором Макферсоном заключили договор, по которому все расходы на лечение и уход за ним клиника берет на себя.

Макс недоуменно заметил:

– Несколько странный, согласитесь, договор.

– Нисколько, – ничуть не удивляясь, продолжила миссис Рэнделл, – если учесть, что клиника и лично доктор Макферсон многим обязаны мистеру Рэнделлу.

– Значит ли это, миссис Рэнделл, что я также буду работать по договору?

– Нет, доктор Котмен. Домашний врач – это уже прихоть мистера Рэнделла и в бумагах он не оговорен, поэтому оплату его осуществляет сам мистер Рэнделл. Надеюсь, она вас устроит.

Оливия замолчала, давая возможность Максу все обдумать, но у него вырвалось непроизвольно:

– Я, собственно, не ради денег взялся за это.

Он посмотрел прямо в глаза Оливии, но она будто ничего не поняла, даже бровью не повела. Тогда Макс спросил:

– Я могу сейчас осмотреть мистера Рэнделла?

– Пока нет. В такое время он обычно спит. Вы пришли немного раньше. Но может, это и к лучшему, мы познакомимся с вами поближе.

Ответ миссис Рэнделл польстил Максу, и все же он спросил:

– А разве доктор Макферсон вам обо мне ничего не сообщил?

Оливия снисходительно улыбнулась:

– Я, знаете ли, больше полагаюсь на собственные впечатления.

– Я тоже, – сказал Макс и почувствовал в своем голосе волнение. Он не ожидал, что Оливия так быстро им завладеет.

– Не выпьете ли чаю, доктор Котмен, пока мистер Рэнделл отдыхает?

– С удовольствием, и, если вы не против, я хотел бы от вас подробнее узнать о самой аварии. С медицинской карточкой вашего мужа я уже ознакомился в клинике.

– Хорошо, доктор Котмен, только распоряжусь насчет чая.

Оливия ушла, оставив Макса наедине со своим мыслями. Каким странным всё показалось ему: и его пребывание здесь, и их какие-то сбивчивые, путанные разговоры, и непонятная отстраненность миссис Рэнделл. Такое впечатление, что не сама миссис Рэнделл попросила его стать домашним врачом больного мужа, а сам Макс против их воли к ним напросился. Но, может, так ему только кажется? Может, он ошибается, пытаясь отогнать навязчивую мысль, что влюбился в миссис Рэнделл? А ведь он чувствовал знакомое томление в груди. «Неважели это действительно так? – думал Макс. – Но раз я согласился присматривать за её мужем, значит, между нами и возникнуть ничего не может. По крайней мере, не должно. Иначе какой я, к чертям собачьим, врач!»

Макс заколебался. Может, пока еще не поздно, отказаться? Мол, у него масса работы в клинике и даже несколько часов в неделю вырвать можно с трудом – она поверит? Тогда зачем он сюда явился? Сказать, что не сможет принять их предложение? Не будет ли это подло, ведь он уже дал согласие, уже пришел?..

Вернулась Оливия. На подносе, который она принесла, стояли две небольшие чашки с чаем, сахар, лимон, пирожные. Оливия поставила поднос на столик перед диваном, на котором сидел Макс, сама села напротив, на край глубокого кресла.

– Итак, на чем мы остановились? – миссис Рэнделл была все так же отдалена.

– Вы обещали мне рассказать об аварии.

– Да, хорошо, – Оливия подала одну чашку Максу, другую взяла себе. – Случилось это совсем недавно. В декабре. Заносы тогда заторили почти все дороги в округе, машины пробирались по ним с большим трудом. Мы с Риком собирались на вечеринку, и он должен был с работы заехать сперва за мной, но задержался. Как он сам потом рассказывал мне: машину гнал, не сбрасывая газа, а ведь уже вечер, темнота, метель, и где-то неподалеку от города – неожиданно в глаза яркий свет встречных фар. Рик резко повернул руль в сторону, машину понесло, затем подкинуло, перевернуло несколько раз и выбросило с трассы в глубокий кювет. Удар оказался настолько сильным, что корпус машины смяло, как гармошку, и только чудом не взорвался бензобак. Спасибо добрым людям, проезжавшим мимо, – помогли сразу: вызвали службу спасения и те вытащили Рика. Он остался жив. Но, как сами видите, прикован к постели.

Оливия замолчала и мысленно будто перенеслась куда-то. Наступила небольшая пауза. Макс заметил, как потемнело ее лицо, но через мгновение она будто стряхнула с себя мимолетное оцепенение, посмотрела открыто на Макса и натужно улыбнулась:

– Но, слава богу, все позади, и Рик, я думаю, идет на поправку.

– Мне очень жаль, что все так случилось, – сказал Макс. – Действительно нелепая авария. Искренне хотел бы вам помочь. Может, мистер Рэнделл уже проснулся?

– Схожу, посмотрю, – сказала Оливия. – Подождите, пожалуйста, еще несколько минут.

Миссис Рэнделл стала подниматься наверх. Макс, глядя ей вслед, подумал о том, какой сильной должно быть была эта женщина. Знать, что муж парализован, и stoически произносить «слава богу, все уже позади», сможет не всякая.

Еще одно непонятное чувство затеплилось в его груди. Не жалость, скорее всего, – восхищение благородством натуры, стойкостью и преданностью любимому человеку. Как могли те завистливые людишки, которые распространяли о ней в клинике сплетни, не видеть этой самоотверженности Оливии? Как могли оклеветать её? Быть может, им мозолили глаза её открытость, чистота и благородство души? Наверняка все те байки, что ходят про нее, сочинили негодные слепцы, завистники, отвергнутые поклонники. Быть может, становясь домашними врачами её мужа, они претендовали на большее, в своей слепоте и невежестве забывая о чести и долгах?

Макс развелновался. Поднялся, снова прошелся по гостиной, остановился у одной из картин, на которой была изображена лежавшая в сочной зеленой траве белая пушистая кошка. Она поразила Макса. У нее оказались черты лица и глаза Оливии. Они смотрели в упор и будто пронизывали насеквоздь. И были в них насмешка и печаль, ум и презрение, хитрость и коварство, – все то, с чем не сталкивался еще Макс, чего не замечал в девушке. Но, может, ему так только показалось?

– Доктор Котмен, – позвала его вдруг сверху Оливия. – Мистер Рэнделл проснулся, можете пройти.

Макс поднялся на второй этаж. Комнатка Рэнделла находилась в дальнем левом конце лестничной площадки. Когда Макс вошел, доктор Рэнделл, укутавшись одеялом, лежал в постели и неотрывно смотрел в потолок. Это был осунувшийся человек лет сорока с черным лицом, глубоко ввалившимися глазами и острым подбородком.

– Рик, это доктор Котмен, – сказала Оливия, и только тогда Рэнделл медленно повернул голову к Максу, пристально посмотрел на него и снова втунился в потолок, произнеся:

– Что, Милтон тебя уже не устраивает?

Оливия, как показалось Максу, побледнела.

– Я не виновата, что ты рассорился с ним. Из-за пустяка.

– Из-за пустяка? Ты называешь это пустяком?!

Макс поспешил прервать их перебранку:

– Доктор Рэнделл, вы меня простите, что я вмешиваюсь, но мне кажется...

– Вам кажется! – снова в упор посмотрел на него Рэнделл все тем же презрительно-злым взглядом. – Зачем вы сюда пришли? Что вам нужно? Убирайтесь! Все, все убирайтесь! И ты, Оливия, уходи, не желаю тебя видеть! Так и хотите моей смерти. Всё вам неймется. Вас прислал доктор Макферсон? Он первый рад сжить меня со свету. Выскочка, карьерист, лизоблюд. Играет в благотворительность, лицемер, а сам, небось, рад, что я теперь никто. Оливия, что ты стоишь, уходи и выпроводи этого доктора, я не нуждаюсь в нем, слышишь – не нуждаюсь! Я сам себе доктор, сам себе лекарь!

Доктор Рэнделл отвернулся, давая понять, что больше не скажет ни слова. Максу стало неловко. Лицо Оливии налилось кровью. Макс видел, что она с трудом сдерживается, чтобы не сорваться. Даже за дверью еще несколько секунд не может прийти в себя, растерянно пряча от него глаза. На конец, Оливия собралась и тут же поспешила извиниться перед Максом:

– Прошу прощения за своего мужа, доктор Котмен. В последнее время он стал невероятно вспыльчивым и раздражительным. Не знаю даже,

отчего. Эмоции бывают через край, настроение меняется каждые пять минут. Он, наверное, сам уже от этого устал.

– Я не обижаюсь, – поспешил успокоить девушку Макс. – В его положении любой из нас, наверное, сорвался бы. Я лучше зайду в другой раз.

– Может, завтра? – неожиданно вырвалось у Оливии.

– Завтра вряд ли, у меня дежурство, а вот послезавтра, часа в четыре, если вам удобно, непременно.

– Буду рада и постараюсь подготовить Рика. К тому времени, я уверена, он отойдет; Рик не умеет долго держать в себе обиду. Вы его совсем не узнаете, вот увидите.

Макс чуть задержался у входной двери.

– А его психиатр часто здесь бывает?

– Рик и его прогнал несколько месяцев тому назад, не захотел больше видеть.

– Значит, мне вдобавок придется быть еще и психиатром?

– Может быть, но, думаю, у вас получится. Вы настоящий доктор, я это сразу поняла.

– Спасибо, миссис Рэнделл, за теплые слова и внимание. Тогда до четверга?

– До четверга, как договорились. Не задерживайтесь, я буду ждать.

Они попрощались. Макс по тротуару пошел к своей машине. Сел в неё и машинально посмотрел на дом Рэнделлов. Оливия так и стояла у приоткрытой двери и задумчиво смотрела на него. Макс улыбнулся и махнул ей рукой. Слабо улыбнулась и она, и тоже в ответ помахала.

Двигатель «ягуара» завелся быстро, и Макс отъехал от дома Рэнделлов. Все не выходила из головы настенная картина с кошкой. Ну почему в ней не было той тихой печали, какая сейчас скользнула у Оливии при расставании? Ведь ее красоте, как ему казалось, больше присуща тихая печаль, задумчивость, а не презрение той высокомерной кошки.

Не воспринял Макс и самого Рэнделла. Неужели тот не понимает, как тяжело с ним Оливии? Своим упрямством и брюзжанием он только отдаляет её от себя, только настраивает против. А вспышка эмоций при постороннем человеке – разве не признак самодурства?

Макс недоумевал: как можно жить с таким человеком и еще любить его. А в том, что Оливия любила своего мужа, он никак не сомневался. Только любовь в таком незавидном положении могла придать ей сил. И захотелось ему хоть чем-то поддержать ее, хоть словом, или взглядом, потому Макс не мог дождаться наступления четверга, – дня, когда снова встретиться с ней.

4

Среди и первая половина четверга пролетели для Макса как несколько часов. Уже в четыре вечера он стоял у дверей дома Рэнделлов и нажимал глянцевую кнопку звонка. Дверь открыла сама миссис Рэнделл. Глаза ее сияли, щеки горели, вся она словно светилась.

– Наконец-то, доктор Котмен, мы уж стали переживать, приедете вы или не приедете. Рик сегодня в чудесном настроении, с утра только о вас и спрашивает, а я, к своему стыду, ничего конкретного сказать не могу. Проходите, пожалуйста, сразу наверх, я приготовлю чего-нибудь выпить.

Макс поднялся в комнату Рэнделла, постучал, открыл дверь.

– Можно?

– А, доктор Котмен, очень рад, заходите, – Рэнделл действительно был в хорошем настроении. – Подсаживайтесь поближе, мне вас так будет лучше видно.

Макс присел на край кровати.

– Сразу хочу попросить у вас прощения за прошлый вечер, я был так груб и бес tactен по отношению к вам, да и к Оливии, что мне теперь стыдно. На меня тогда будто что-то нашло: сам себя узнавал с трудом.

Макс с недоумением посмотрел на Рэнделла. Казалось, перед ним лежал совсем не тот, прежний Рэнделл – злой, раздражительный, беззащитный, вызывающий только отвращение. Перед ним лежал полный ясного ума и сознания, не лишенный остроумия человек. Вероятно, такой, какого любила Оливия – настоящий Рэнделл.

– Что вы, доктор Рэнделл, – сказал Макс. – Пустое.

– Доктор Котмен, – продолжил Рэнделл, – я хотел бы узнать побольше о вас и вашей работе в клинике, вы же практикуете у доктора Макферсона, не так ли? Там когда-то практиковал и я, до тех пор, пока не произошла эта нелепая трагедия. Расскажите мне о себе, пожалуйста.

– Может, вначале я осмотрю вас, а в процессе осмотра мы с вами и поговорим.

– Хорошо, доктор Котмен, не возражаю.

Макс выудил из своего небольшого черного кейса стетоскоп и тонометр, послушал легкие пациента, измерил ему давление, осмотрел горло и зрачки.

– Вас ничего не беспокоит, доктор Рэнделл?

– Броде ничего.

– И все же, если вы не возражаете, я хотел бы, чтобы вы прошли дополнительное обследование. Сами понимаете, судить по внешнему виду...

— Понимаю, доктор Котмен, — перебил его Рэнделл. — Поэтому ничего не имею против. Итак, Макс, — можно мне так вас называть? — как вы оказались в наших краях?

Макс без утайки рассказал Рэнделлу, как он очутился в Пенсильвании, как попал в клинику доктора Макферсона, как в его домашние врачи. Рэнделл слушал с интересом, изредка перебивая Макса каким-нибудь вопросом. Так за разговором прошло около часа. Их беседу прервала неожиданно появившаяся в дверях Оливия:

— Рик, — сказала она, — доктору Котмену, наверное, пора. Да и тебе время принимать лекарства.

Макс поднялся.

— Простите, за разговорами я совсем забыл о времени. Миссис Оливия права: мы лучше поговорим в другой раз. Скажем, в понедельник. Нет, во вторник — в понедельник у меня допоздна работа.

Но доктор Рэнделл будто и не понял намерений Макса уйти, он внезапно вспылил и набросился на жену:

— Я не просил тебя вмешиваться в нашу беседу, Оливия. Мы еще с доктором Котменом не закончили. Выйди и закрой, пожалуйста, за собой дверь: лекарства можно принять и позже, так ведь, доктор Котмен?

Макс недоуменно посмотрел сначала на доктора Рэнделла, потом на Оливию. Полной неожиданностью оказался для него такой резкий переход доктора Рэнделла от учтивого разговора с ним до неприкрытой грубости по отношению к своей жене. Неужели он совсем не понимает, что ставит в неловкое положение не только Макса, но и Оливию? Ведь по ней видно, что она в смятении.

Макс захотел хоть как-то поддержать девушку. Он сказал:

— Прошу прощения, мистер Рэнделл, но я на самом деле чувствую, что утомил вас. Лишнее волнение вам сейчас, как мне кажется, ни к чему. Мы лучше договорим в следующий раз, тогда и вы мне расскажите о своей жизни. Я приду, как уже сказал, во вторник.

Но Рэнделл как и не слышал, снова обратился к Максу:

— Может, выпьете чашку кофе?

— Нет, спасибо, в следующий раз. Уже темнеет, поеду домой.

— У вас семья, доктор Котмен? — чувствовалось, что он все не хотел отпускать Макса. Даже голос его потепел.

— Нет, доктор Рэнделл, я разведен. А детей у нас с прежней женой не было. Но это вам вряд ли интересно. Примите лекарство и отдыхайте. До скорой встречи.

Макс был тверд. Доктор Рэнделл потемнел, не желая принимать очевидного, демонстративно отвернулся от него к окну и не проронил в от-

вет ни слова. Максу больше ничего не оставалось, как выйти. За ним последовала и миссис Рэнделл.

– Сегодня доктор Рэнделл, выглядит бодрее, – сказал ей Макс в коридоре.

– Да. Лечение, видно, идет ему на пользу, – с некоторой долей сарказма произнесла чуть погодя Оливия.

Макс не знал, как реагировать на ее тон. Пытаясь отогнать недобрые мысли, спросил:

– Где можно ополоснуть руки?

– Здесь, – она указала ему слабым взмахом руки на дверь слева.

– Прошу прощения, что стал невольным свидетелем вашей ссоры, – сказал Макс.

Миссис Рэнделл посмотрела на него с благодарностью.

– Это не ссора, доктор Котмен, а самая натуральная провокация. Вы совсем не знаете Рика. Он – невыносимый человек. Всегда, всю жизнь он подминал под себя людей, чтобы только досадить мне.

– Не понимаю.

– А вы поговорите с ним.

Оливия замолчала. Макс почувствовал себя не в своей тарелке от невозможности охватить всего сразу, нужно было как-то разобраться со всем. Он заторопился в ванную комнату. Миссис Рэнделл пошла за ним.

«Что же у них тут в действительности происходит? – подумал Макс, намыливая руки. – И какую роль играю я в этом я? Катализатора или громоотвода?»

Макс поднял глаза. В висевшем над раковиной зеркале, он увидел, что Оливия смотрит на него, задумавшись. Неожиданно их взгляды встретились. Оливия отвернулась. Макс закрыл кран, стряхнул с рук оставшиеся капли воды.

– Вы чем-то встревожены? – спросил напрямик.

Оливия чуть не расплакалась:

– Не понимаю: Рик сегодня какой-то не такой. С утра веселый, игривый, постоянно шутит.

– Что ж в этом плохого?

– Он никогда таким не был, он что-то задумал, я уверена.

Максу только этого не хватало.

– Мне кажется, вам просто показалось. Мы беседовали с ним около часа, и я ни в речи его, ни в поведении ничего необычного не заметил. Он выглядит молодцом.

– Это-то меня и беспокоит: он был всегда сдержан, а сегодня целый день, если не считать прошлого случая, сам не свой.

– Я думаю, вы очень устали, вам необходимо просто немного отдохнуть.

Оливия глянула на него отрешенно:

– Вытирайтесь, пожалуйста, – и подала ему махровое полотенце. Макс вытер руки, вернул полотенце. Оливия слегка улыбнулась, будто извиняясь. Макс попытался поскорее отогнать беспокойные мысли.

Спускались они со второго этажа, словно соединенные некоей невидимой нитью. Казалось, забота о Рэнделле сблизила их.

Прощаясь у дверей дома, Оливия протянула Максу свою хрупкую ладонь. Макс слегка пожал её.

– Надеюсь, вы не забудете нас, доктор Котмен, – она снова была печальна.

– Я тоже на это надеюсь, миссис Рэнделл, – сказал Макс и пошел к своей машине. Все произошло, как и в прошлый раз: они расстались так же неопределенно. И хотя Оливия и сказала «надеюсь, я еще раз увижу вас», – Максу не стало легче: она по-прежнему была от него далека. Быть может, нелепаяссора с мужем смягчит её сердце, и Оливия почтвует к нему какое-то расположение? Хотелось верить. Все-таки, как ни крути, а она жена мистера Рэнделла, его законная жена, а доктор Котмен посторонний человек, случайно ворвавшийся в их жизнь. Но, может, он так и не научился разбираться в людях, и Оливия на самом деле хотела его еще раз увидеть?

5

Прошло два месяца, Макс как обычно пил кофе в кафе дядюшки Ламартина, когда в него ворвался Алекс Видал. Глаза суетливо бегали, волосы взъерошены, пиджак сбился так, будто Алекс прокатился на метро в час пик.

Ворвавшись, он быстро окинул взглядом небольшое кафе и сразу же, обнаружив Макса, направился к нему.

– Вижу, ты ничего еще не знаешь. Почему все время именно мне приходится приносить людям неприятные известия. Читал вечерние новости? Нет? Даже не удосужился заглянуть на первую полосу? Посмотри, о столоп! Сбылось то, о чем ты мечтал!

– О чём я мечтал? – не понял Макс, взял протянутую Алексом газету и посмотрел на первую страницу.

– Бог мой! – не удержавшись, воскликнул он. Весть о смерти Рика Рэнделла явилась для него полной неожиданностью. Уж чего-чего, а этого он желал сейчас меньше всего.

– Вот-вот, а ты тут безмятежно кофеи распиваешь. Франческа, принеси нам, пожалуйста, две порции виски. Молодому человеку сейчас оно просто необходимо.

Когда Франческа ушла, Макс наконец-то поднял на Алекса глаза:

– Ты теперь понимаешь, что будет? Понимаешь?

– А я тебе говорил! Я тебе говорил, – закуривая сигарету, стал упрекать Макса Алекс, – не связывайся с ней. Предупреждал, но ты не послушал, отмахнулся от меня, как от назойливой мухи.

Макс не мог прийти в себя.

– Мне нужно выпить. Срочно.

– Я уже заказал, но сомневаюсь, что это тебя успокоит.

Тут раздался голос Ламартина.

– Доктор Котмен, доктор Котмен, вас к телефону. Какая-то дама.

– Дама? Дама? – резко поднялся со своего места Макс. – Это ты! Ты дал ей номер этого телефона! – закричал он на Алекса. Макс был вне себя. Еще минуту назад спокойный и любезный, он походил теперь на запуганное, загнанное животное. Торопливо пошарив в карманах, Макс вытащил несколько измятых купюр, машинально пересчитал их, потом резко скинул все на стол и бросился к выходу. Франческа, подносявшая виски, Мишель Ламартин и пара-другая посетителей удивленно посмотрели ему вслед. Через огромные стекла кафе было видно, как Макс не пошел, а побежал по тротуару и вскоре скрылся из виду. Алекс, не долго думая, кинулся за ним. Ламартин любезно извинился в трубку и сказал, что, к сожалению, доктор Котмен был, но уже ушел. Куда? Неизвестно. Да. Он был с другом. Сильно расстроился неизвестно почему. Пожалуйста. Всегда к вашим услугам, мадам.

Франческа подошла к столику, за которым сидел Макс с Алексом и перевернула газету. На первой полосе крупным шрифтом было набрано:

«Вчера в два часа дня у себя в доме неожиданно скончался основатель городской клиники ортопедии доктор Рик Рэнделл».

Франческе фамилия Рэнделла ни о чем не говорила. Наверное, умерший доктор был близким другом Алекса и Макса. Почему бы они тогда так остро отреагировали на сообщение?

Франческа отложила в сторону газету и стала собирать со стола посуду.

Алекс настиг Макса лишь на углу 7-й улицы. Запыхавшись от быстрого бега, Макс прислонился к стене одного из домов и попытался отдохнуться. Когда Алекс подбежал к нему, Макс стоял, закрыв глаза и тяжело дыша.

– И куда ж ты намерен бежать, интересно знать? – спросил Алекс.

– Надо что-то делать! – схватил Макс друга за грудки и затеребил. – Что-то делать!

– Что делать? Когда я тебе рассказывал про Оливию, ты и слову моему не хотел верить, а теперь пытаешься от нее сбежать.

– Я не думал, что наши отношения зайдут так далеко и станут серьезными.

– Все в жизни серьезно, Макс. А отношения между мужчиной и женщиной, даже если они и не навязываются один другому, тем более.

Алекс замолчал. Макс тупо уставился в стену противоположного дома. Он ему все рассказывал! Да что он, черт возьми, рассказывал? Что Оливия спала со всеми, кто ей понравится или кто понадобится, не останавливаясь ни перед чем, только бы все было так, как ей хочется? Что любила играть людьми, сталкивать их друг с другом и наслаждаться, как они сцеплялись из-за ее умело устроенных интриг? Что она и Алекса затащила в свою постель, только бы тот не покинул клинику ее мужа? Как этого, в сущности, ему мало, чтобы понять, кто такая на самом деле Оливия Рэнделл. Он понял это поздно, понял, когда уже полностью увяз в сетях ее паутины. И только принял окончательное решение порвать с Оливией, неожиданно случилась нелепая, пустая, ненужная смерть ее мужа.

– Не хочу ее видеть, – сказал Макс.

– Твое право, только она все равно будет разыскивать тебя. Везде. Думаешь, легко отделаешься от нее? Оливия Рэнделл не такая женщина. Если она задумала что-то, ее не остановить. Тебя спасет только чудо.

Максу не верилось. Когда они познакомились с Оливией, она показалась ему женщиной, о которой можно только мечтать.

– Алекс, – обратился в отчаянии Макс к другу, – я не знаю, что делать. Помоги мне, придумай что-нибудь, у тебя же светлая голова. Умоляю, не оставь в беде. Видишь, я погибаю.

Алекс приобнял Макса и слегка похлопал по спине.

– Не отчайтайся. Из всякого тяжелого положения есть выход.

– Легко тебе говорить.

Алекс пообещал Максу не оставлять его до вечера. Они поехали в «Регату», бар на окраине города, заказали виски. Первую и вторую Макс махнул сразу. Немного успокоился, но то ли от нервного потрясения, то ли от переживаний, опьянял быстрее обычного. После пятой рюмки глаза его повеселили, он вклинился в танцовщицу в центре бара толпу и стал тяжело танцевать, совсем не попадая в ритм мелодии. Изредка Макс возвращался к столику, залпом опрокидывал очередную порцию спиртного и снова плелся назад на танцплощадку. К восьми вечера он изрядно набрал-

ся, язык его то и дело заплетался, но Макс больше не казался таким испуганным и потерянным, каким был еще два часа назад. Алекс довез его на машине до дома, убедился, что он в состоянии справиться со всем сам, и оставил у дверей, пожелав спокойной ночи.

– Можешь не сомневаться, – прерывающимся голосом сказал Макс. – Эта ночь будет спокойной. Обещаю тебе: ни на какие звонки отвечать не буду, двери до утра никому не открою. Будь перед ними хоть сам Господь Бог.

– Надеюсь, что так оно и будет.

– Будь спокоен. Уж что-что, а свои обещания я сдерживаю.

Макс закрыл за собой дверь. Прошел в ванную, разделся, забрался под душ.

Она его уже ищет! Он ей постоянно нужен! Она жить без него не может, стерва!

Макса немножко повело. Он оперся плечом о холодный кафель, ткнулся головой в стену.

А Рик, муж чертov, не мог протянуть еще месяц. Еще с месяц! Тогда б на месте Макса мог оказаться любой другой. Любой. Только не он.

Макса зазнобило. Добавил горячей. Вода плавно заструилась по плечам, спине и груди, но тепло не приходило. На Макса снова и снова накатывала одна и та же картина: глаза Оливии крупным планом. Ее зеленые, слегка прищуренные глаза. И голос будто из ниоткуда: «*А если бы его не стало, Макс? Если бы не стало, ты полюбил бы меня?*» Как только в голову могло такое прийти?

Макс укутался в халат, прошел в гостиную, открыл бар, достал бутылку виски, налил в стакан.

«*Ты полюбил бы меня, Макс?*»

Зазвенел телефон. Макс от неожиданности вздрогнул. Звонок не утихал. На том конце провода упорно не хотели разъединяться. Казалось, телефон раскалился. Макс зажал ладонями уши, но и сквозь них резкий звук проникал внутрь. Затрещала голова, заголосили все внутренности, не хватало сил выдержать этот звук.

Макс пронзительно закричал и хотел было подскочить к телефону и сбросить его на пол, но только сделал шаг к журнальному столику, на котором находился аппарат, как звонок резко прекратился. В воздухе повисла тишина. Макс как разбитый опустился на диван.

«Надо, лечь, поспать, – подумал он. – Заснуть, и все пройдет. Завтра встану как обычно, приму прохладный душ, поеду к Оливии, пожму руку ее мужу. Рик ведь не умер, нет, газеты что-то напутали. Как же он мог умереть – я ведь сам следил за его здоровьем? Нет, смерть Рэнделла – шутка.

Алекс просто подшутил надо мной, старый мошенник. И как всё разыграл по-настоящему – актер. И я поверил ему. Ну да, все совпадения. Газета, звонок в баре, беспристрастное лицо Алекса – и он попался на удочку».

Макс засмеялся идиотским смехом, отхлебнул еще виски, удобнее раскинулся на диване. Тут вдруг снова зазвонил телефон, но в это раз Макс не испугался, поднял трубку и услышал голос Оливии:

– Макс, ты где был? Я искала тебя весь день. Ты уже знаешь – Рик умер!

– Мне сказали. Очень жаль.

– Макс, – сказала она. – Мне сейчас тяжело одной. Ты не приедешь?

– Не знаю, Оливия...

– Макс, – сказала она тише. – Мне, правда, очень тяжело. Приезжай...

– Но Оливия... – попытался он остановить её – ему было не по себе. – Так нельзя. Я не могу.

– Что значит «нельзя», «не могу»? По-твоему, я могу? До завтрашнего дня я сойду с ума. Хоть представляешь себе, что это такое: остаться один на один с чужим человеком?

– Почему же чужим, он ведь был твоим мужем? К тому же завтра его похоронят. Завтра, Оливия. Всего одна ночь.

– Ночь? Ночь? Это сплошная кромешная ночь, долгие десять часов. Десять часов, Макс! Как ты не поймешь, я просто не выдержу. Я не выдержу, Макс! – она чуть не сорвалась, но взяла себя в руки и тихо так, страшно произнесла:

– Ты приедешь, Макс. Слышишь меня? – И затем утвердительно и беспрекословно: – Ты приедешь, иначе я не знаю, что сделаю!

Макс затрясся от возмущения.

– Но Оливия, это же нелепо! Это... – он с трудом нашел нужное слово. – Это неправильно, в конце концов.

– Неправильно? – голос её завибрировал. – О каких правилах ты вообще говоришь? Ему было на нас абсолютно наплевать, у него были свои правила, своя игра. Я даже рада, что он...

– Оливия, – прервал её Макс, – нехорошо так говорить о нем. Теперь.

– Теперь? Макс, что с тобой? Ты же сам его ненавидел, сам говорил, что завидуешь ему, потому что у него есть я. А сейчас, когда мы наконец-то... Когда мы наконец-то можем быть вместе, ты говоришь «nehорошо», «неправильно».

– Я совсем не это хотел сказать, Оливия.

– Но сказал!

– Я не хотел, прости. Сам не знаю, что говорю.

Макс замолчал. Оливия спросила:

– Ты приедешь?

Макс не знал, что ответить, произнес только умоляющее:

– Оливия...

Но она повысила голос:

– Ты приедешь. Или завтра я заявлю всем, что ты убил его. Вместе со мной. Я это сделаю, Макс, сделаю. Если ты оставишь меня, – сказала она твердо и оборвала связь.

Макс так и застыл на месте. Как это было похоже на Оливию. Вот она и показала свои коготки. Что же будет дальше?

Макс набрал номер телефона Видала.

– Алекс, это я. Она нашла меня, мне срочно нужна твоя помощь. Ты мне друг или не друг? Приезжай, я буду ждать.

Макс положил трубку.

7

Через час Макс уже ехал к Оливии. Алекс и виски немного успокоили его. В сущности, завтра похоронят Рика, и тогда Макс скажет ей все, что давно хотел сказать: они совершенно чужие люди и их никогда не скрепляла настоящая любовь. Страсть, влеченье – да, но не любовь. К тому же – и в этом он тоже признается – в последнее время Оливия стала слишком капризной, слишком требовательной. Но ведь Макс ей не муж, он свободный человек, с Оливией не связан ни узами брака, ни договорными обязательствами, – какие могут быть претензии, а тем более притязания? Но это Макс скажет завтра. Он все-таки врач, а Оливия – больной, уставший человек, поэтому Макс пощадит её, поэтому не скажет пока ничего. Он всегда, при любых обстоятельствах старался быть великодушным. Во всем.

Макс ехал к Оливии и вспоминал, когда он впервые почувствовал, что попал в нелепое положение. Недели три или четыре назад. Тогда ему казалось, он влюблен в Оливию. Она была обворожительна, прямо светилась радостью, в постели сводила сума. И уже тогда крутила им, как хотела, Макс ничего с собой не мог поделать. Тогда же она и произнесла те, испугавшие его, слова: «*Как бы я хотела, чтобы он поскорее умер и мы остались вдвоем*». Глаза её при этом загорелись...

Нет, конечно, Макс думал об этом и раньше. Поначалу втайне надеялся, что Рэнделл умрет, и Оливия достанется ему. Помнится, с каким нетерпением они ждали этого момента – Рик казался таким слабым. Они спокойно обсуждали состояние его здоровья, но Макс, как оказалось, в своих прогнозах просчитался. На три недели. Так сказала Оливия. Словно вела счет, словно держала руку на пульсе судьбы Рика, его оставшегося

времени. И всякий раз после осмотра спрашивала Макса: «Ну что?» – и не получив удовлетворяющего ответа, досадно и – особенно в последнее время – озлобленно поносила весь свет и Рэнделла в частности.

Один раз Оливия так сорвалась, что чуть не разнесла кухонный сервис. Макс перестал отвечать – и так было видно: Рэнделлу осталось недолго. Только не сумел предугадать сколько. Оливия предугадала, но не призналась, как. «Приснилось», – сказала и как-то дико улыбнулась, по-кошачьи сузив глаза, как на том портрете в гостиной. Взгляд ее при этом показался ему холодным, неестественным, каким-то отчужденным и вместе с тем ясным, уверенным – жутким, звериным – будто Оливия наверняка знала о том, что и когда произойдет с Риком. И с ним произошло. В пятницу.

Обычно в пятницу Макс и Оливия встречались. У Макса. Знал ли Рэнделл об их встречах, догадывался ли – неизвестно, но против Оливии устоять было невозможно. Рик лежал в своей спальне наверху, Макс выходил мыть руки в ванную комнату, Оливия держала ему полотенце, пока в один из вечеров страстно не прижалась к нему и не стала целовать. А ведь он захотел её давно, еще когда впервые увидел на пороге кабинета доктора Макферсона. Оливия стояла там нерешительно, волосы слегка растрепались. Она мяла и ломала свои пальцы так, что до него доносился хруст суставов. Он тогда и не подозревал, что станет одним из ее многочисленных любовников. Ползла за ней слава страстной женщины, женщины-вулкана, мегеры и одалиски в одном обличье. Макс замирал, когда её халат случайно касался его оголенной руки, когда чувствительные пальцы помогали ему в манипуляциях при осмотре. Он любил смотреть на них. Тонкие длинные, изящные, вызывающие в нем желание. Макс представлял себе, как они ласкают его, царапают острыми коготками спину, и вскоре сам убедился, что они на самом деле так искусны, как ему представлялось. Но до этого – сколько мучений, сколько сердца и нервов... А потом? Макс первый предложил уехать. Ну, хотя бы встречаться у него. Ему было не по себе в чужом доме. Но Оливию, казалось, совсем не смущало незримое присутствие мужа, она даже находила в этом пикантность и удовольствие.

– Знаешь, – говорила она, – я иногда чувствую себя домашней кошкой, которую хозяйка застала с дворовым котом.

Макс не хотел быть этим котом.

– Я не могу, – сказал он ей в первый раз.

Её умелые пальцы доказали обратное. Но на душе потом словно кошки скребли. Только в своей постели, далеко от тяжелого дыхания Рика, Макс по-настоящему ощущал себя мужчиной. Оливия, наоборот, была

сама не своя. Потом их отношения постепенно перешли в умеренное русло. Правда, порой она срывалась, все чаще хотела сразу, без всяческих ритуалов и церемоний. Это пугало его, но он ничего не мог с собой поделать, потому что чувствовал, что сильнее желает её и теряет голову. Казалось, Оливия была самим дьяволом во плоти, Макс – игрушкой в ее руках. И все же он решился на отчаянный шаг: в конце концов отказался от продолжения лечения Рика.

– Почему? – спросил его Рэнделл.

– Я, к сожалению, бессилен, – ответил честно Макс. – И скрывать от вас правду считаю непростительным. Но поверьте: я делал все, что мог.

Рик не одобрял поступок Макса, считая его трусостью, хотя и сам прекрасно понимал, что ему к нормальной жизни возврата нет. И он спокойно перенес откровения Макса, может быть, догадываясь об их отношениях. Оливия последнее время так недвусмысленно смотрела на Макса у постели Рика, – это не могло остаться незамеченным.

– Очень жаль, – сказал тогда Макс.

– Мне тоже, – произнес после непродолжительной паузы Рик.

Оливия оставалась до крайней степени холодной, явно что-то задумав.

– Он все равно не выживет, чего ты боишься? – спрашивала Оливия.

– Не знаю, – отвечал Макс. – У меня какой-то горький осадок после всего.

– После всего? – разозлилась она.

Макс попытался оправдаться, а через две недели Рика не стало. Как Оливия и предполагала. Будто заговорила. Рик умер тихо. Так она сказала. Макс засомневался.

– Ты не веришь мне?

Слышалось что-то странное в её голосе. Это был голос человека, на всегда покончившего с надоевшими проблемами.

«Ты приедешь!» – сказала Оливия твердо по телефону. Она требовала, ибо еще властвовала над ним. И Макс несмотря ни на что продолжал её любить. Бояться и любить.

Макс не спешил. Машины обгоняли его одна за другой. Город зажегся огнями. Шоссе слабо блестело после дождя.

В гостиной царил полумрак, но из спальной наверху сочился мягкий, приглушенный свет.

Оливия пылко прижалась к нему.

– Я так рада, что ты приехал. Я просто схожу с ума. Все это так нелепо и угнетающе. Проходи.

Оливия помогла ему снять пальто. Макс прошел в гостиную. Посреди нее, на небольшом возвышении, стоял гроб, отороченный по краям белой каймой. Макс приблизился к нему, посмотрел на покойника. У того было умиротворенное выражение лица.

– Макс, – Оливия потянула его за собой одной рукой, в другой держа бутылку вина и два бокала. – Выпьем. За нас, – сказала, когда они вышли из гостиной и оказались на кухне.

Оливия чокнулась с ним, выпила, забралась Максу на колени, обняла.

– Как я счастлива, ты даже не представляешь.

Оливия поцеловала его, но Макс, отстраненный, не ответил. Он был еще сам не свой в отличие от нее, светящейся счастьем.

– Почему ты ничего не ешь? Не стесняйся.

Оливия придвинула к нему салат, еще налила себе и ему вина.

– Когда же, наконец, наступит завтра?

Выпила. Макс ощущал какое-то напряжение. Все в нем противилось неоправданному веселью Оливии. Ему не хотелось оставаться тут ни минуты.

– Может, поедем ко мне?

– Ты спятил – я должна эту ночь провести здесь!

– Почему? – Макс не мог понять.

– Не знаю. Вероятно, того требует обычай.

Оливия опустилась у его ног на колени, блокотилась о них, заглянула Максу в глаза.

– Ты же не бросишь меня здесь? Останешься?

– Оливия, ты прекрасно знаешь, что это невозможно.

– И ты тоже! – она рывком поднялась с колен, заходила взад-вперед по кухне. – Ты хочешь оставить меня одну? В такую минуту?

– Я приду завтра.

– Завтра, завтра! До завтра еще десять часов, десять долгих часов. Я не выдержу, я сойду с ума! – Оливия неожиданно остановилась возле Макса, прижалась к его груди. – Не уходи от меня, Макс, пожалуйста, останься. Слышишь – ты останешься, останешься! – схватила она его решительно за руки. – Я ведь люблю тебя, люблю! Макс... – зашептали её губы, и Оливия потянулась к нему. Ладони ее судорожно заскользили по его лицу, сдавили виски. Она стала целовать Макса, гладить, распаляясь все сильнее и сильнее. Её дрожь и волнение передались и ему. Макс понял, что устоять перед этой женщиной и в этот раз ему не удастся. И он сдался.

Пылкость Оливии была поразительной. Она словно в последнем углу безжалостно набрасывалась на него в спальне, требуя повторения. И лишь насытившись, обессиленная полностью, упала рядом и тут же уснула.

Макс тоже попытался уснуть, но только закрывал глаза, как в висках начинали учащенно стучать маленькие молоточки. Голова раскалывалась.

Он понимал, что не должен был оставаться с Оливией наедине, не должен был давать ей ни малейшей надежды, должен был бежать от нее, скрыться, не поднимать телефонную трубку, ведь он знал, что Оливия была что трясина, увязнуть в которой проще простого, выбраться же – тяжело и мучительно. Но он сам пошел на это. Сам. Хотя нужно было немного подождать, каких-то два-три дня, пока не зароют покойника, пока квартира не освободится от духа Рика Рэнделла. А так все окружающее пропиталось еще большим, гнуснейшим пороком, ведь за стеной снова её муж, который пусть и не слышит больше ничего, не чувствует, но еще находится здесь, присутствует, существует!

От этой мысли Макса передернуло и бросило в холодный пот. Тут неожиданно вскрикнула Оливия и резко поднялась на постели. Испуганные и остекленелые глаза её вытаращились, рот перекосило. Прошло несколько секунд, прежде чем взгляд приобрел осмысленное выражение, и Оливия узнала Макса. Узнав, сразу схватила его руку и крепко сжала.

– Макс, Макс, – сказала она, – мне привиделся кошмарный сон.

– Ты видела его, Оливия?

– Да, он смотрел на нас. Смотрел, как мы занимаемся любовью.

– Это невозможно, Оливия!

– Макс, мне страшно. Ты был прав, нам нельзя было здесь оставаться. Давай уедем отсюда, поедем к тебе, нет, в какой-нибудь мотель, снимем номер, там переноочуем. Я больше так не могу. Если бы ты видел его, Макс. Он сидел рядом, на краю постели. Я думала, умру от его взгляда.

Макс попытался ее успокоить, хотя сам слышал, как не унимается сердце:

– Оливия, что ты говоришь. Это же был сон, только сон. Ты просто сильно устала.

Он погладил Оливию по плечу, привлек к себе.

– Давай уедем отсюда, Макс. Я боюсь. Я сойду с ума.

– Давай, – не стал перечить Макс. Ему самому хотелось поскорее выбраться из этой мрачной квартиры. Из этого черного склепа. Он чувствовал себя подавленным.

Собрались в считанные минуты. Уже в машине почувствовали облегчение. Перед тем, как тронуться, Макс посмотрел вперед и дрожащим голосом произнес:

— Знаешь, я ведь тоже видел во сне Рика.

— О, боже! — вскрикнула Оливия и от ужаса спрятала лицо в ладонях.

Всю дорогу они больше не произнесли ни слова. Подъехав к бару, Макс вышел из машины и помог выбраться ей. Оливия вцепилась в его руку и не отпускала до самого столика. Он не возражал, когда после выпитой рюмки Оливия заказала еще. Макс тоже решил хватить больше обычного.

Выпив еще пару рюмок, Оливия поднялась и, слегка пошатываясь, побрела к танцующим. Вскоре Макс совсем потерял ее из виду в сигаретном дыму и непроницаемом чаде. Вернулась Оливия растрепанной, но несколько оживленной.

— Хочу еще выпить, — сказала, небрежно плюхнувшись на стул.

— Тебе не стоит больше пить. Это может плохо кончиться.

— Плевать! Ты что, испугался покойника? А я его не боюсь. Отбоялась. Пускай попробует меня достать. А, Рик, ты слышишь меня! — неожиданно крикнула она, высоко задрав голову. — Что, съел? На-ка, подавись, урод! — вскинула она вверх кулачок с одиноко торчащим средним пальцем. Оливия уже не контролировала себя. Захихикала, как полуумная. Но кому-то это не понравилось. Неожиданно рюмка Оливии разорвалась вдребезги, опрыскав ее каплями виски. Оливия испуганно уставилась на нее, и хмель ее как ветром сдуло. Макс тоже несколько секунд не мог прийти в себя, потом резко поднялся и потянул Оливию к выходу:

— Все, хватит, нам пора уходить.

Оливия безвольно дала себя увлечь, но все время оборачивалась назад и трясущимися губами спрашивала Макса:

— Что это было, Макс? Что это было?

— Не знаю, Оливия, не знаю.

Только в машине они, казалось, немного пришли в себя. Макс больше не хотел даже упоминать о произошедшем в баре.

— Я хочу, чтобы ты переночевала у меня, — сказал он Оливии. — Так будет лучше.

— Хорошо, — согласилась она, не спрашивая почему. — Только выпьем еще, ладно?

— Ладно, — сказал Макс и стал заводить машину.

10

Траурная церемония началась в десять. Все, кто прибыл к этому времени, отправились провожать Рика Рэнделла в последний путь.

Макс слегка поддерживал Оливию — она еще долго оставалась под впечатлением того случая в баре и последующего страшного сна, поэтому до

утра не могла уснуть, боялась, что во сне ей снова явится Рик. Сейчас она выглядела измученной и усталой и приходского священника слушала рассказывая и невнимательно.

— Мы ничего неносим в этот мир, — нараспив говорил священник, — и все здесь оставляем. Бог дал, Бог взял. Да святится имя Господа...

Священник читал Писание неторопливо, с прерыванием, но Оливии казалось, что каждое его слово вонзается в сердце с быстротой молнии, и когда он дошел до тридцать девятого псалма и так же тягуче произнес: «Тогда я сказал: вот иду...», Оливия не выдержала и зарыдала. Со стороны всё выглядело обычно, но Макс знал, что слезы Оливии не следы скорби — это следы страха и потерянности.

До конца церемонии они присутствовать не стали. Макс увел Оливию, продолжавшую рыдать и в машине. Он предложил ей на несколько дней уехать.

— У Синего озера есть замечательный мотель. Отдельные домики. Там нас никто не побеспокоит. Будем только ты и я. Поверь мне, ты очень устала, тебе просто необходимо отдохнуть.

Оливия ничего не ответила, но Макс и так догадался, что Оливия была на все согласна — ей поскорее хотелось забыться.

Они не стали заезжать к ней домой — пусть исчезнет дух Рика и затхлость, остававшаяся после него. Ей не нужны никакие вещи, купить их можно и по пути.

Ехали не меньше 60 миль в час. Синее озеро скрывалось в чащах испорченного леса в каких-то сорока милях от Блэкстоуна. Глядя на проносившиеся мимо ели и березы, Оливия даже повеселела, стала шутить, вела себя раскованнее, была многословна. Но Макс чувствовал, что за ее многословием еще скрывается неуверенность и страх, и теперь только от Макса зависит, насколько долго она пробудет в таком настроении.

Управляющий без лишних вопросов небрежно кинул им на стойку ключи и назвал номер свободного бунгало. Макс с Оливией без труда нашли его. Оливия даже не взглянула на озеро, быстро вошла в домик и попросила открыть бутылку виски.

— Как хочешь, а я выпью.

После того, как выпила, сразу направилась в душ, чтобы, как сказала она, «смыть с себя прошлое».

Под душем Оливия неожиданно запела, и Максу показалось, что к ней вернулось ее прежнее беззаботное состояние. Это взбесило его. Он рывком распахнул дверь и вошел в ванную комнату.

— Как ты можешь, Оливия, — прерывающимся голосом произнес он. — В такой день.

– Макс, Макс, – защебетала она так, будто ничего не случилось, – успокойся. Что тебя так завело?

Оливия спокойно закрыла краны, вышла из ванны и, подойдя к Максу, обняла его.

– Я понимаю, ты устал, последние дни тебя ужасно измотали. Но ведь все позади. Он умер. Мы вдвоем. Не этого ли ты хотел?

Оливия пристально посмотрела на Макса. Он отвел глаза. Оливия сняла с крючка полотенце.

– Прими душ, расслабься, я подожду тебя в комнате.

Она оставила его одного. Макс неторопливо разделся, открыл душ, посмотрел на себя в зеркало, криво улыбнулся.

«Не мешало бы вам и побриться, – подумал он и вдруг услышал истощный крик Оливии. – Так быстро?» – мелькнуло у него, и он снова ухмыльнулся.

Оливия сидела на краю кровати и мерно покачивалась. Вперед-назад, вперед-назад... Лицо ее перекосилось, на лоб набежали морщины, под глазами отчетливее выступили синие дуги, щеки ввалились. Оливия нервно стискивала пальцы рук. Это была уже не истерика, а что-то большее.

Макс подошел к ней, взял за руки, попытался унять.

– Оливия, это я – Макс. – Он заговорил с ней приглушенно, осторожно, чтобы еще больше не напугать, но Оливия его совсем не воспринимала.

– Оливия, – затормошил девушку Макс, пытаясь привести в чувство – уже и его взяла оторопь. – Оливия! – пару раз с силой хлестнул по лицу. Это оказалось определенное действие: она очнулась.

– Макс, Макс, – слезно заговорила Оливия, – давай уедем, Макс, немедленно.

– Что случилось, Оливия? – он, казалось, ничего не понимал.

– Там, там, – указала она на небольшую прикроватную тумбочку. – Там... – сказала и зарыдала с новой силой.

Макс подошел к выдвинутому ящику тумбочки и заглянул внутрь. На дне ящика лежало золотое обручальное кольцо. Макс взял его в ладонь и поднес к глазам. На внутренней стороне кольца было выгравировано только два слова: Рик Рэнделл.

Всю обратную дорогу Оливия как воды в рот набрала. Макс тоже старался не донимать ее пустыми вопросами. Загадочные сны, необъясни-

мые происшествия... Тут крылась какая-то тайна. И как всякая тайна, она была пугающая. И все же Макс обязан был Оливии помочь.

– Не считаешь же ты, что Рик ожил и собственноручно подкинул кольцо в ящик твоей тумбочки? Надо быть просто глупцом, чтобы поверить в это. Духи, призраки, привидения, – они просто не существуют, это плод человеческого воображения, это, если хочешь, – болезненные фантазии. А ты, бесспорно, в настоящее время не совсем здорова. Как человек очень эмоциональный и, я бы сказал, необычайно чувствительный, ты слишком серьезно относишься ко всему и сама обостряешь свои переживания. Тебе стоит, наверное, несколько дней попить успокоительное. Все образуется, поверь. Мы уедем отсюда подальше, туда, где ни один стук, ни одна вещь, ни один голос не напомнят тебе о том, что произошло. Все уйдет, все забудется, только пожелай.

Оливия молча смотрела на дорогу.

– Есть еще вариант, – сказал Макс после некоторой паузы. – Раз ты веришь в существование духов, обратимся к гадалке, или к экстрасенсу, медиуму какому-нибудь. Небезызвестный тебе Алекс Видал знает одного такого. Может, хоть тот в чем-то тебя разубедит.

Когда они подъехали к дому, в котором жил Макс, Оливия произнесла.

– Ты хочешь покинуть меня?

– Ненадолго. Мне нужно съездить к Алексу, мы же все обсудили с тобой.

– В такую минуту?

Макс пристально посмотрел на Оливию.

– Хорошо, – согласился он после некоторых колебаний. – Так, наверное, будет лучше. Поедем вместе.

12

– Ну вот, теперь ты знаешь почти всё. – Макс на одном дыхании рассказал Алексу обо всем, что произошло с ними до и после погребения Рика. Оливия сидела рядом сама не своя.

– Было еще что-то? – Алекс нашел рассказ друга чрезвычайно любопытным и занимательным.

– Да. Я тебе еще не сказал, что и я, и Оливия видели один и тот же сон. Призрак Рика пришел к нам одновременно, будто, как непрошенный гость, влез в наше сознание. И вот это, – Макс раскрыл ладонь.

– Что это?

– Кольцо. Это его кольцо, Алекс. Рика. Понимаешь? Погребенное вместе с покойником. Но оно здесь. Это объяснить невозможно! Оливия как увидела его, чуть с ума не сошла.

– Не удивительно, мой друг. Я, наверное, тоже бы испугался, возникни в столе моего рабочего кабинета предметы или вещи моей покойной супруги. Уж ты знаешь, каким тягостным был мой брак.

Алекс поднялся и на секунду замолчал, задумавшись.

– Что нам теперь делать, Алекс? Я даже не знаю, к кому обратиться – нас сразу примут за сумасшедших.

Алекс внимательно посмотрел сначала на Оливию, потом на Макса и, наконец, сказал:

– Вы правильно поступили, что пришли ко мне. Кстати сказать, я давно занимаюсь подобными вопросами, знаком с трудами Тирелла и Ролла, Кавендиша и Пайка, но все никак не представлялось случая столкнуться с потусторонними силами наяву.

– Это, наверное, очень опасно.

– Я понимаю и именно поэтому радуюсь и еще раз говорю: вы правильно поступили, что обратились ко мне. – Алекс замолчал, посмотрел куда-то в сторону, потом сказал:

– Ролл, кстати, утверждает, что вокруг живых существ и неживых объектов формируются так называемые «пси- поля», которые заряжаются от мыслей и эмоций, обращенных к ним. Возможно, вы сами вызвали образ Рика своими переживаниями и мыслями о нем.

– Но если бы это было так, образ Рика, не казался бы столь реальным, – засомневался Макс в словах Алекса.

– Может быть. Однако знаменитый популяризатор оккультизма доктор Папюс относит подобные проявления потусторонних сил к так называемым элементерам. Скорее всего, вы столкнулись с похожим призраком.

Макс уныло хмыкнул:

– К какому бы типу не относился посетивший нас призрак, нам от этого, знаешь, как-то не легче.

– Однако и отчаиваться, друзья, пока не стоит, – Алекс, казалось, никогда не терял присутствия духа. – Кстати, вы хоть ужинали? Нет? Тогда я оставлю вас на несколько минут и закажу какой-нибудь снеди.

Алекс вышел. Макс взял холодную руку Оливии и слегка сжал ее.

– Всеобразуется, моя дорогая, я в это верю. Алекс что-нибудь придумает, у него золотая голова.

Вернулся Алекс. Сообщил, что ужин прибудет минут через двадцать, а пока еще есть время восстановить сон.

– Сон? – удивился Макс.

– Да, мы вытащим из мозга Оливии последний сон и попробуем проанализировать его. Но для этого необходимо, прежде всего, согласие самой Оливии. Так что, Оливия, решающее слово за тобой. Ты готова под-

вергнуться небольшому сеансу гипноза? Никакого вреда тебе это не причинит.

Оливия не знала, что делать. Стоило ли вообще восстанавливать пережитое?

– Поверь мне, так будет лучше, – продолжал настойчиво убеждать ее Алекс. – Таким образом ты очистишься от кошмарных видений и вернешься в свое прежнее состояние.

– Это правда? – Оливия растерянно посмотрела на Макса. Ей нужна была простая поддержка.

– Да, это так, – подтвердил слова Алекса Макс.

– Тогда я согласна. Делайте, что хотите, только поскорее избавьте меня от этих кошмаров.

Алекс попросил Оливию удобнее сесть в кресло и расслабиться. Очень быстро и умело с помощью маятника он ввел ее в гипнотическое состояние, и тут же на Оливию накатил последний злополучный вечер.

Она была сильно возбуждена. Присутствие за стеной покойника необычайно завело ее. Обычно расслабленная и спокойная в постели, теперь Оливия сгорала от нетерпения. Макс не узнавал ее, и это еще пуще воспалило. Оливия судорожно помогала Максу раздеваться. Острое чувство страха опьяняло и подгоняло. Казалось, вот-вот – и все взорвется внутри. Оливия уже с трудом сдерживалась, сильнее и сильнее желая этого взрыва.

Случайно она повернула в сторону голову, раскрыла глаза и вдруг увидела Рика. Он стоял в черном траурном костюме в проеме двери и лукаво улыбался. Оливию охватил ужас, она попробовала остановиться, но что-то словно накрепко приковало ее к Максу. Темп ее движений все нарастал и нарастал, сердце чуть не выскакивало из груди, голова шла кругом, и конца этому не было видно. Когда Оливия закричала, крик ее перерос в немолкаемый звонкий гул, иголками прошило все тело и... Оливия проснулась. Алекс вывел ее из транса.

- Вы видели? Видели? – испуганно затараторила она, пробудившись.
- Мы слышали Оливия, – сказал невозмутимо Алекс.
- Он снова был здесь, рядом!
- Это ничего хорошего не предвещает, – заволновался Макс.
- Что же нам делать? – Оливия была в отчаянии.
- Есть еще один способ, – чуть поразмыслив, сказал Алекс. – Можно пойти к медиуму и попытаться хотя бы узнать, почему Рик так озлоблен на тебя.

– Но где нам найти такого медиума? – спросила Оливия.

– Есть у меня одна девушка на примете. Зовут ее Жози. Озарение снисло на нее еще в детстве. Но она не то, чтобы чистый медиум, но иногда впадает в транс и общается таким образом с духами посредством своей давно умершей тетки. Через нее мы выйдем на Рика и поговорим с ним.

– Думаешь, получится? – спросил Макс.

– Стопроцентной гарантии нет, но рискнуть можно: иногда духи преследуют людей всю жизнь.

Оливия, однако, воспротивилась:

– Нет, вы как хотите, а с меня хватит. Никуда я больше не пойду. Раз вы говорите, что это был обычный сон, почему я должна из-за него сходить с ума?

– Потому что он не был простым сном, как ты этого не поймешь! Судя по всему, призрак не оставит тебя в покое, – Алекс попытался снова убедить Оливию в неординарности ее сна. Но Оливия была непреклонна:

– Я не понимаю: какие привидения, какие призраки? Третий глаз, умершая тетка... Вы же дипломированные специалисты, врачи, а несете какую-то чушь!

Оливия поднялась:

– Наверное, на этом мы закончим, Макс. Несколько успокоительных таблеток перед сном, я думаю, навсегда отобьют охоту у некоторых призраков пугать девушек по ночам. Приятно было снова увидеться с тобой, Алекс. Ты как всегда был неподражаем. Поехали, Макс.

– Да, да, поехали, – поднялся со своего места и Макс.

Оливия пошла к выходу. Макс чуть задержался, прощаясь с другом.

– План «Б», – шепнул ему на ухо Алекс, когда Оливия остановилась у дверей. – Ничего не меняется.

– До скорого, – сказал Алексу Макс.

– Поехали, – еще раз Оливии.

У машины Оливия остановилась:

– Может, сегодня переночуем в каком-нибудь другом месте? Не хочу заново пережить последнюю ночь.

– Ладно, поедем в ближайшую гостиницу, мне тоже нужно отдохнуть.

До гостиницы они ехали молча. Макс за рулем, Оливия рядом. Макс был недоволен, Оливия это видела. Между ними словно пробежала чер-

ная кошка. Оливия и мысли не допускала, что Макс охладевает к ней, и внезапную перемену относила лишь к его усталости – не хотелось верить в худшее.

За окном мелькали улицы и дома, но они будто не замечали их. Макс был сдержан, но в гостинице сорвался, стал упрекать Оливию в том, что она никак не определится, чего хочет. Если хочет избавиться от ужасных снов и видений, значит должна принять помощь Алекса. Если нет, то хотя бы не превращать их жизнь в кошмар.

Оливия смотрела на него непонимающе. В чем ее вина, что призрак Рика является к ней в снах? Разве это может расстроить их отношения? И кто, как не Макс, самый близкий ей сейчас человек, должен помочь в такую трудную минуту? А он вместо того, чтобы пойти навстречу... Оливия была в отчаянии. Казалось, нет никакого выхода из сложившейся ситуации. И Оливия сдалась. Сдалась, чтобы хоть как-то удержать Макса.

– Ладно, – сказала она отрешенно, – сделаем так, как вы хотите.

– Вот это другой разговор, – поцеловал ее в щеку Макс и тут же набрал номер друга:

– Алекс, это опять я. Мы все-таки решили остановиться на варианте с медиумом. Можешь договориться, чтобы нас приняли? Хорошо, будем ждать твоего звонка. Мы в «Гадком утенке», переночуем здесь, а там видно будет.

Они попрощались. Макс положил трубку, подсел на кровать к Оливии, приобнял ее.

– Послушай, детка, я прекрасно тебя понимаю, думаешь, меня это не беспокоит? Представь себя на моем месте? Что бы ты сделала, узнав, что твоя девушка постепенно сходит с ума. А ты ведь моя девушка, и я совсем не хочу тебя терять.

Макс снова поцеловал Оливию. Она положила ему голову на плечо и расплакалась.

– Знаешь, как мне больно.

– Я понимаю, – сказал в ответ Макс.

На следующий день часов в десять утра Алекс подъехал к гостинице, где остановились Макс и Оливия, и забрал их. Ночь, как видно, для них не оказалась спокойной. Оливия выглядела устало, лицо ее поблекло и осунулось. Да и Макс признался, что все его тело ломило от бессонницы, голова наполнилась тяжестью.

Так как еще оставалось время до встречи с медиумом, Макс попросил Алекса заехать к нему, чтобы побриться. Они подкатили к дому Макса, вышли из машины. Когда Макс открыл входную дверь и вошел внутрь,

он осталенел. Прихожая и гостиная оказались в полном беспорядке. Картины висели косо, книги сброшены с полок и раскиданы по комнате. Ваза, стоявшая на телевизоре, разбита вдребезги. Зеркала треснуты.

Алекс побледнел:

– Это он – Рик. Я чувствую его присутствие.

Макс не мог прийти в себя, Оливия тоже.

– Уходим отсюда, уходим, – потянул их к выходу Алекс. – Едем срочно к Жози.

14

В машине на Макса накатила истерика. Он безжалостно набросился на Оливию:

– Это ты во всем виновата, ты! Теперь Рик будет преследовать и меня! Из-за тебя!

Оливия молчала, насупившись.

– Как я мог! Как я мог! – распалялся Макс. – Мне говорили... Меня предупреждали: не связывайся с ней, – не верил. Не верил ничему, что о тебе говорили! Оказалось – все правда! Ты на самом деле – дрянь! Теперь из-за твоей похоти он мстит и мне, понимаешь!

Алекс попытался утихомирить друга:

– Макс, теперь, мне кажется, не до упреков. Оливия не виновата, что объявился Рик. К тому же, как я понял, ты не слишком противился ей.

– Тебе легко говорить – ты не скрываешься от призрака, и за тобой не тянется всякая нечисть!

– Макс, – умоляюще забормотала Оливия, – прости меня, я не думала, что всё так случится.

– Она права, – поддержал ее Алекс, – никто не думал о последствиях, поэтому сейчас крайне важно помешать Рику сделать что-нибудь более серьезное. Надеюсь, Жози скажет нам причину, по которой Рик преследует вас, а тогда уже мы решим, как можно его остановить.

Алекс предупредил, что Жози видит с трудом, так что удивляться ее остановившемуся взгляду и пугаться его не следует.

Их впустила хромая дородная негритянка с толстым картофельным носом. Они вошли в небольшую, скучно освещенную, плотно заставленную старинной мебелью комнату. Жози, или попросту Жозефина, прикрытая шерстяным пледом, сидела в инвалидном кресле у окна и, казалось, дремала. Голова была опущена на грудь, руки покоялись на подлокотниках. Она была не старше тридцати лет, но печать усталости уже лежала на лице. Видно, людские проблемы быстро состарили ее.

Услышав шум вошедших, Жози приподняла голову и прищурилась, как обычно щурятся без очков люди с плохим зрением. Алекс поздоровался с ней, напомнил о вчерашнем звонке и договоренности.

– Проходите, – сказала Жози и жестом пригласила присесть на ряд стульев у стены.

Впустившая гостей негритянка подкатила кресло с Жози к маленькому круглому столику посредине комнаты, на котором мирно соседствовали небольшой хрустальный шар и пирамида, и оставила их одних.

– Как вы и предполагали, Рик начал действовать, – сказал Алекс, как только за негритянкой закрылась дверь. – Мы должны остановить его. Я привел, как вы говорили, его вдову Оливию и своего друга Макса, можете побеседовать с ними.

Жози полуоткрытыми глазами посмотрела на сидящих, потом остановила свой взгляд на Оливии и пальцем указала ей на место напротив себя. Когда Оливия села, Жози придвинула к ней поближе хрустальный шар, взяла ее за обе руки, положила их на шар и прикрыла сверху своими ладонями. Потом она закрыла глаза и что-то быстро нечленораздельно зашептала. Потом замолчала, будто прислушиваясь к чему-то, и снова заговорила, но уже громче и отчетливее:

– Милдред, тетя Милдред, отзовись, я снова обращаюсь к тебе. Поговори со мной, нам нужна твоя помощь, Милдред. Ты слышишь меня?

С минуту стояла полнейшая тишина, потом раздался слабый шорох, за ним скрип, следом – звон, похожий на тот, что получается от стука металлической ложки о стеклянный стакан. Звон был резкий и частый.

– Милдред, это ты? – спросила Жози. – Ты, Милдред? – и задрожала мелко, мелко. На ее либу выступила испарина, она напряглась.

Холодок пробежал и по спине Оливии. Минут пять Жози молчала, вернее, стонала, стиснув губы и меняясь в лице. То на нее накатывала гримаса боли, то ужаса, то страха. Наконец, она громко вскрикнула и отпустила руки Оливии, затем резко открыла глаза и руками вцепилась в высокий подлокотник своего кресла.

– Уходи отсюда, тварь, уходи, – прошептали ее губы.

Макс, Алекс, да и сама Оливия замерли в недоумении.

– Прочь, негодная! – бросила Жози.

Алекс подскочил к ней:

– Жози, что случилось, Жози?

Девушка медленно повернула к нему голову:

– Кого ты привел ко мне, Алекс? Эта женщина... Я не помогаю убийцам. Она убила своего мужа...

– Убила мужа! – с удивлением посмотрел на Оливию Макс. – Это правда, Оливия? Правда?

– Нет, Макс, нет. Как ты мог в это поверить? Я не убивала Рика! – Оливия не могла сдержать выступивших слез.

– Почему тогда он не дает нам покоя? Может, ты на самом деле убила его! Ты – убийца! Я не хочу тебя видеть, Оливия, не хочу, слышишь! – вскрикнул Макс и бросился вон из квартиры.

– О, Боже! – зарыдала Оливия и уткнулась лицом в ладони.

Но тут случилось еще более невероятное. Неожиданно Жози перевернуло, и через все ее тело прошло конвульсивное движение. Жози снова впала в транс. В следующее мгновение она выпрямилась в кресле, глаза ее закатились, и теперь были видны одни белки. Кто-то словно подорвал ее безвольное тело с кресла и переместил к Оливии. Гримаса злобы исказила некогда чистое лицо молодой девушки, и низкий грудной голос с ненавистью произнес:

– Да, это ты, сучка, убила меня! Почему бы тебе сразу не сознаться во всем? Может, хватит изображать из себя святую?

Оливия подняла на Жози глаза и, не выдержав обращенного взгляда, потеряла сознание. Алекс почувствовал, как у него на голове от страха зашевелились волосы. Но то, что вселилось в Жози, глянуло в его сторону только мельком. Тело Жози молниеносно отлетело к противоположной стене, глухо шмякнулось о нее и тряпкой рухнуло на пол.

Алекс словно очнулся, быстро бросился к девушке и затормошил ее:

– Жози, Жози, очнись! Боже, Жози!

Девушка не подавала никаких признаков жизни. Алекс готов был сойти с ума.

15

Дня три Оливия не видела Макса и не могла его разыскать. Она и домой к нему наведывалась, и в клинику, звонила Алексу – все напрасно, Макс как сквозь землю провалился.

В клинике Макферсон сказал, что доктор Котмен взял отпуск на неделю и куда-то уехал. Говорили, – к себе на родину, проведать мать. Оливия не знала, что и думать. Голова шла кругом. Не хотелось верить, что в такую тяжелую минуту Макс ее бросил.

По ночам Оливии все чаще являлись кошмары. То бегали по ней пауки, то ползали черви, то снова приходил Рик и, саркастически смеясь, заставлял ее заниматься с ним сексом. И стоило ей при этом открыть во сне глаза, как рядом возникал вдруг взбешенный Макс и все кричал и кри-

чал: «Шлюха! Потаскуха! И призрака в постель затащила!» Это было невыносимо. Оливия чувствовала, что силы постепенно оставляют ее.

— Алекс, — спрашивала она, в который раз набрав номер Видала, — ты действительно не знаешь, где Макс? Может, дома и просто избегает меня?

— Сомневаюсь, Оливия. Насколько я его знаю, он, скорее всего, просто испугался призрака Рика и поэтому не хочет с тобой больше видеться. Может, и тебе стоит на некоторое время уехать — в доме, где появился дух умершего, вряд ли можно нормально существовать. К тому же, если он задумал мстить.

— Алекс, — спросила расстроенная Оливия, — ты тоже думаешь, что это я убила Рика?

— Не знаю, Оливия, не знаю, но Жози иногда говорит правду.

— И ты веришь ей, этой больной, ненормальной? Ты же знаешь меня давно, разве я способна на убийство?

— Оливия, прости, мне нужно срочно выезжать. И прошу тебя: не звони мне больше и забудь номер этого телефона. Я хотел помочь Максу, но, видно, сделал ему только хуже, — сказал Алекс и повесил трубку.

Оливия с яростью швырнула телефон на пол.

— Ненавижу вас! Ненавижу, ненавижу, ублюдки! Чуть что: сразу в кусты! Мужики называются: испугались какого-то призрака! Несуществующего призрака! И Макс хорош: воспользовался предлогом, скрылся. Но от меня не так-то легко сбежать, я разыщу тебя, где бы ты ни был. Все равно разыщу, и ты снова будешь моим, только моим и ничьим больше!

Оливия решительно направилась в гараж. Выгнав машину, она в который раз помчалась по городу к дому Макса, все так же ругая и проклиная его. Как ни крути, Макс все-таки обманул ее. Она чувствовала это. Вряд ли он нашел себе другую женщину, но то, что решил бросить ее, было очевидно. Нет, он еще поплатится!

Тут Оливия вспомнила одно кафе, где Макс часто бывал. Как оно называлось? «У Раметина», «Ласатина»? «У Ламартина»! Несомненно! Однажды он угощал ее там и говорил, что обедает в нем постоянно, значит, кто-то что-то может про него в кафе рассказать.

Оливия, не долго думая, развернула машину и направилась прямо на двенадцатую улицу, где располагалось кафе дядюшки Ламартина.

Когда Оливия вошла в кафе, Мишель Ламартин не мог не залюбоваться девушки. Все в ней говорило о том, что это роковая женщина: взгляд, походка, манера себя держать.

Оливия остановилась на пороге, сняла темные очки и огляделась. Мишель подошел к ней и, любезно улыбнувшись, спросил, не желает ли она кофе. Оливия слегка кивнула в знак согласия и прошла к столику, на который ей указал Ламартин. Через минуту Мишель поставил перед ней чашечку ароматного дымящегося кофе и поинтересовался, что привело ее сюда и не ищет ли она здесь кого-нибудь.

– Возможно, – загадочно ответила Оливия. Впрочем, скрывать ей было нечего, и она сразу же перешла к делу:

– Собственно говоря, я хотела увидеть одного человека. Говорят, он ваш постоянный посетитель.

– Я знаю всех своих завсегдатаев, – не без гордости сказал Ламартин.

– Он выше среднего роста, физически крепок. Зовут его Макс Котмен. Я его старая приятельница и вот захотела снова встретиться с ним.

– Макс Котмен? Как же, как же, знаю. Видный мужчина. Признаться честно, моя младшенькая – Франческа – давно сохнет по нему, но, говорят, пока жениться он не намерен.

– Это верно, – сказала Оливия. – Привязать его к себе невозможно.

– А видел я его дня два назад. Правда, он собирался уезжать. Говорил, что хочет отдохнуть от всего.

«И от меня в том числе», – не без раздражения подумала Оливия.

– А он случайно не оставил свои координаты?

– Нет, нет, что вы. В этом плане он был категоричен: уехать туда, где бы его никто из знакомых не нашел, чудак.

– Очень жаль, – сказала Оливия.

– Мне тоже, – сочувственно произнес Ламартин.

Тут дверь кафе открылась и вошла молодая девушка. Оливия задержала на ней свой взгляд и глазам своим не поверила.

– А это кто, мистер Ламартин?

Ламартин обернулся, улыбнулся вошедшей и помахал рукой.

– А, это? Моя дочь, о которой я вам говорил, – Франческа. Пришла на смену. Она помогает мне разносить блюда. Между прочим, мечтает стать кинозвездой. По секрету скажу, она уже проходила кастинг в одной крупной кинокомпании и даже снялась в эпизодической роли.

Оливия глаз с нее не спускала.

– А она может мне бутерброды подать?

– Конечно, – сказал Ламартин. – Это ее работа.

– Хорошо, – не моргнув глазом, сказала Оливия и поднялась. – Я буду ждать в машине. На стоянке. У меня темно-красный «бьюик». Поторопите ее, пожалуйста, мне надо ехать.

– Все будет исполнено в лучшем виде, – любезно улыбнулся Ламартин.

— Вот и замечательно, — Оливия положила на столик несколько мелких купюр и, надев защитные очки, торопливо вышла из кафе.

Ламартин взял со столика деньги, небрежно сунул их в карман фартука, смахнул со столика крошки и направился на кухню. На кухне он дал повару указание подготовить сверток с легким завтраком, и когда тот собрал его, Ламартин подозвал Франческу.

— На стоянке, — сказал он, — темно-красный «бьюик», в нем женщина. Отдашь ей этот пакет. Заказ уже оплачен.

Франческа взяла из рук отца пакет с завтраком и вышла из кафе. Осмотревшись, она увидела неподалеку темно-красный «бьюик» и пошла к нему.

Еще на подходе к машине заметила, что за рулем никого нет. «Странно», — подумала она, но приблизилась, наклонилась и посмотрела в салон. Внутри машины действительно никого не было. Франческа выпрямилась, посмотрела по сторонам в надежде, что хозяйка авто окажется поблизости, но, не заметив никого, похожего на ту, о которой ей рассказал отец, она протянула руку и потянула на себя ручку дверцы. Дверь машины, на удивление, открылась. Франческа положила на переднее сиденье сверток с завтраком и уже собралась было уходить, как почувствовала, что в ее спину что-то уперлось и чей-то голос произнес:

— А теперь садись сама, Жози.

Франческа хотела было воспротивиться, но Оливия сильно ткнула ей под ребра пистолетом, и той ничего больше не оставалось, как подчиниться. Оливия захлопнула за ней дверцу машины и сама села за руль, не выпуская при этом из рук пистолет.

Франческа удивленно спросила:

— Я ничего не понимаю, что вам от меня нужно?

— Можешь не волноваться, я только хочу узнать, где скрывается Макс Котмен.

— Какой Макс Котмен? Я не знаю никакого Котмена.

— Хватит молоть чепуху, Жози, или как там тебя еще? Не хочешь по хорошему, можем поговорить по-другому.

«Бьюик» выскочил на трассу, выехал за город и вскоре свернул в лесополосу. Отъехав еще с полмили по проселочной дороге, Оливия направила машину в густые заросли и остановилась.

Снова наставив на Франческу пистолет, сказала:

— Выходи, теперь я буду гадать.

Франческа испугалась. Теперь только она поняла, что Оливия с ней не шутит. Она заплакала.

– Я не виновата, это они все подстроили, они: Алекс и Макс. Пришли как-то ко мне вечером и говорят, мол, есть одна женщина, которая Максу прохода не дает, потому что сумасшедшая...

Оливия грозно посмотрела на Франческу.

– Это они так говорили. И что эта женщина, сказали, ни перед чем не остановится, чтобы заполучить Макса. Но ведь Макс ее не любит, поэтому ему надо было ее как-то отвадить, вот они и придумали всю эту затею с призраком. Будто бы я общаясь с духами и мне явился дух вашего покойного мужа и предупредил, что Максу тоже не долго осталось жить на этом свете. При этих словах Макс должен был разыграть испуг и таким образом порвать с вами...

– А убийство? Откуда они узнали про убийство?

– Про убийство они тоже выдумали, чтобы усилить впечатление. Так, мол, можно быстрее от нее избавиться.

Оливия задумалась. Через несколько секунд Франческа спросила:

– Вы не убьете меня?

– Тебя? – усмехнулась Оливия. – Нет, тебя я не убью, а вот их – еще не решила. Хотя... – Оливия поднесла пистолет к подбородку Франчески. – Я могу и передумать, ведь ты до сих пор не сказала мне, где скрывается Макс.

Франческа растерялась от страха.

– Ну! – надавила Оливия пистолетом сильнее.

– Я... Я не знаю. Правда, не знаю. С тех пор как все это случилось, ни Макс, ни Алекс даже не позвонили мне. Я думаю, они боялись, что вы меня найдете.

– Правильно боялись, – сказала Оливия, поняв, что большего вытянуть из девушки ей не удастся. Франческа на самом деле, скорее всего, не знала, куда уехал Макс. Они и ее использовали в своих целях. Где-то в глубине души Оливии даже стало жалко наивную Франческу.

– Ладно, будем считать, что сегодня тебе крупно повезло, – добавила она. – Выбирайся из машины, не хочу больше тебя видеть. И не вздумай рассказать кому-нибудь о нашей встрече, будь уверена, я тебя потом из-под земли достану.

Франческа, еще не веря в случившееся, поначалу не решалась выйти из салона, испуганными глазами смотрела на Оливию и ждала чего-то худшего.

– Выбирайся, тебе сказала, от греха подальше! – резко открыла Оливия дверцу со стороны Франчески и выпихнула ее наружу. Франческа выпала, Оливия захлопнула дверь, потом спросила:

– А обморок, ты помнишь свой обморок? Это тоже было наиграно?

– Нет, не наиграно. Я не знаю... Не знаю, что это было.

— Это был призрак, Жози. Самый настоящий призрак, — сказала Оливия. — И он еще многим не даст покоя.

Оливия включила зажигание и стала медленно отъезжать от Франчески. Девушка проводила «бьюик» долгим потерянным взглядом. Ей еще не верилось, что она осталась жива.

А «бьюик» тем временем уже несся по шоссе в сторону Блэкстоуна. Все внутри Оливии клокотало. Она и подумать не могла, что с ней так подло могут поступить. Всяко бывало, она ведь тоже не пай-девочкой росла, с изнанкой жизни знакома не понаслышке, но чтобы так кинуть, так поиздеваться над ней — это уж слишком! И Макс тоже хороший: когда бы проявить себя как мужчина, поддержать ее в тяжелую минуту — он зайцем трусливым в кусты. А Алекс! Это ведь всё его задумка. Старый добрый друг. Мстил за прошлое? За то, что когда-то обнадежила, а затем прекратила отношения? Как все мужчины одинаковы: их всегда раздражает безоблачная жизнь бывших подруг. Но они не всегда знают, на что способны разъяренные женщины!

Оливия прибавила газа, ее теперь ничто не остановит, она горела жаждой мести.

17

В доме Алекса окна светились тусклым рассеянным светом. Оливия припарковала машину чуть дальше, в густой тени пышных, раскидистых кленов. Прихватив с собой пистолет, не торопясь направилась к дому Алекса. Подойдя к входной двери, отыскала кнопку звонка и нажала ее. Как и предполагала, Алекс был дома. Он только переоделся и сейчас выглядел по-домашнему.

Увидев Оливию, он сильно удивился и тут же попытался закрыть дверь, но Оливия наставила на него пистолет и сказала:

— Хватит, Алекс, хватит. Поиграли по-вашему и будет. Теперь я буду диктовать условия.

— Оливия, — испуганно попятился Алекс, — не понимаю, чего ты хочешь? Что-нибудь случилось?

— Сейчас все расскажу, не спеши. Возвращайся в комнату и не вздумай выкинуть какую-нибудь глупость. Будь уверен, стреляю я превосходно.

Алекс безропотно вернулся в гостиную, сел на диван. Оливия осталась стоять. Заметив на маленьком столике бутылку виски, налила себе немного в бокал и залпом опрокинула. Затем произнесла:

— Итак, Макс хотел порвать со мной.

Алекс попытался изобразить удивление:

– Не понимаю, о чём ты?

Оливия недовольно скривилась:

– Брось, Алекс, не ерунди, я и так страшно устала. Откровенно говоря, мне больше не до него. Лучше признайся во всем честно и не юли, потому что суть уже известна: я разыскала вашу подставную куклу – Жози. Она оказалась более разговорчива и выложила все как на духу.

Алекс побледнел, но попытался взять себя в руки. Оливия меж тем продолжала:

– Не ожидали? Думали, со мной все пойдет гладко, вы без особых усилий избавитесь от меня, но не вышло – я не попалась на вашу удочку и в ближайшее время собираюсь снова увидеться с Максом. Да, да. Теперь это дело принципа, Алекс. Если хочешь – мести. Понимай, как знаешь, но я решила отомстить. Ему и тебе. Это ведь ты все придумал, Алекс? Светлая голова, средоточие мысли. Макс никогда не додумался бы до такого: оживить покойника. Но ты, ты, бесспорно, умнее его. И коварнее. Не оттого ли, что в свое время я не захотела связываться с тобой? Лишь тебе в голову могла прийти мысль воспользоваться смертью Рика для освобождения Макса от уз непредсказуемой женщины. И ты отчасти оказался прав. Поначалу я и сама поверила, что дух Рика Рэнделла преследует нас. Да и Макс хорош: играл, надо сказать, мастерски. А ведь знал, знал, что это лишь игра! И все бы хорошо, если бы однажды вы не перегнули палку: слишком быстро попытались избавиться от меня. Призраки так не поступают. Они мучают долгими ночами, приходят одинокими вечерами и в снах, каплю за каплей вытягивая из тебя уверенность и спокойствие, радость жизни и веру в будущее. Вы этого не предусмотрели, поторопились, и у вас ничего не вышло, к счастью. Ничего. Хотя, признаюсь честно, я начинала сходить с ума. Вы точно рассчитали: подавленная женщина долго не выдержит. Но она, как видишь, выдержала и теперь здесь, жива и здорова вопреки вашим ожиданиям.

Оливия села в кресло напротив Алекса.

– А теперь ты мне расскажи обо всем. Мне не все до конца понятно. А я дама чрезвычайно любопытная. И не думай ничего утаивать – себе только хуже сделаешь.

Оливия посмотрела на Алекса в упор. Алекс не решился противиться, так как слишком хорошо ее знал.

– Ладно, – сказал он, наконец. – Я все расскажу, убери только, пожалуйста, пистолет. Не возражаешь?

Алекс взял с каминной полки пачку сигарет, закурил.

– О том, что ты соблазнила Макса, я узнал в тот же день. Макс примчался ко мне испуганный и взвужденный. Он был потрясен. Он совершен-

но не верил в те слухи, что ходили в нашей среде, хотя и смеялся вместе со всеми над анекдотом о тебе. Ты ведь на самом деле спала со всеми врачами, которые присматривали за Риком. Попал в это число и Макс, хотя вряд ли хотел этого: он был чист, как младенец, романтик, верящий, что сможет облегчить жизнь Рика, и не думающий о том, что окажется марионеткой в руках Мессалины. Макс сразу же испугался твоих заигрываний. Однажды признался мне, что влюбился в тебя, как только увидел. Что замирал, когда твой халат случайно касался его оголенной руки, когда твои пальцы помогали ему в манипуляциях. Но преступить через моральные нормы, впитанные с детства, не мог. Ты убила в нем все лучшее, соблазнив в присутствии больного мужа за стеной. Если бы ты знала, как Макс от этого страдал. Ему казалось, что Рик знает обо всем, и это только сильнее угнетало его. Макс не мог открыто смотреть Рику в глаза, и долг чести ему подсказывал, что нужно порвать с тобой всякую связь, но по слабости своего характера никак не мог решиться на это. К тому же, как я уже говорил, он полюбил тебя. И тут смерть Рика, ужаснувшая его. Макс только и твердил: «Это я виноват. Я убил Рика. Тот, который должен был поднять его на ноги». Если бы ты знала, как он переживал и как испугался, что никогда не сможет вырваться из твоих ловко расставленных сетей. Тогда-то мы и придумали эту историю про якобы ожившего покойника. Макс знал, что иначе от тебя не отвяжешься, он всем своим поступкам выискивал оправдание. И теперь хотел остаться перед тобой незапятнанным – все-таки лучше выглядеть в глазах женщины слабым, чем презираемым. На том мы и остановились: Макс разыграет из себя человека, преследуемого призраком и, исходя из этого, потребует разрыва с тобой всех отношений.

Алекс сбил пепел с сигареты.

– Твои сны пришли нам как нельзя кстати. Выслушав тебя, для усиления эффекта Макс тут же признался, что видел такой же сон. Сообразил на ходу. Это сработало, ты тоже поверила. Потом кольцо Рика. Макс сам снял его с пальца умершего и подложил в ящик тумбочки в гостинице. Так же подстроили мы и буйство призрака в его доме, потом сеанс с медиумом. Все шло как нельзя лучше, но, видно, что-то не сработало. Тебя это, как оказалось, не сильно испугало. А поспешное бегство Макса только заподозрило его в непоследовательности. Вот, собственно, и все.

Алекс замолчал. Оливия за все время его монолога ни разу не шевельнулась, хотя глаза ее все более холодели.

– Я так и думала, – сказала она с сожалением. – Все всегда хотели от меня отделаться. И Рик, если бы не был прикован к постели, сбежал бы. И Макс не захотел любить меня до конца. А ведь я убила Рика из-за него. Из-за нашей любви.

Алекс удивленно и вместе с тем со страхом посмотрел на Оливию.

– Да, дорогой Алекс, вы угадали: это я убила Рика. Удушила его, когда он засыпал. Он даже не вскрикнул, не дернулся, будто чувствовал, что я пришла покончить с ним, будто знал, что рано или поздно это случится. Я думала, Макс действительно любит меня, а он просто боялся. Боялся и потому захотел расстаться со мной. И ты пытался ему в этом помочь.

Оливия поднялась и неторопливо пошла к выходу. Но пройдя несколько шагов, она будто вспомнила о чем-то, обернулась и сказала:

– И хотя вы меня так сильно расстроили, я не держу на вас зла.

Оливия не знала, что делать дальше. Обида словно оставила ее. Тут неожиданно раздался телефонный звонок, и автоответчик воспроизвел голос Макса:

– Алекс, прости, я не стал к тебе заезжать, мой самолет через два часа. Я сейчас дома, соберу вещи и поеду в аэропорт. Жаль, что мы не увиделись. Как прибуду на место, обязательно позвоню. До скорого.

Автоответчик выключился. Оливия с грустью посмотрела на Алекса:

– Ну вот и Макс объявился.

Но в голосе ее не прозвучало ни радости, ни торжества. Казалось, ей было уже все равно, она смирилась со всем и всех простила. Понурившись, Оливия пошла к выходу. Но не пройдя и трех шагов, услышала за спиной низкий грудной голос:

– Да все ты врешь, сучка. Тебя саму следовало бы убить, как ты убила меня.

Оливия обернулась. Прежде спокойный Алекс с ногами взобрался на диван и, как разъяренный зверь, смотрел на нее перекошенной злой мордой. Такую личину ужаса она уже видела однажды – ею некогда стало смазливое лицо Жози. Значит, Рик может проявиться в любом существе? Или ей так только кажется?

Оливия испугалась не на шутку. Вряд ли она сошла с ума. Она ясно воспринимает все звуки и краски. Тогда как объяснить происходящее?

А Рик смотрел на нее не отрываясь:

– Ты думала так просто отделаешься от меня, сучка?

Чьи это слова? Еще недавно их говорила она сама. Оливия терялась.

– Гореть тебе в ад, – шептали будто вмиг распухшие губы существа.

– Гореть будем вместе, тварь. Только ты подольше, – сказала Оливия, подняла пистолет и безжалостно выстрелила в голову Алекса-Рика. Алекс упал. Оливия тупо уставилась на его труп, не зная, что делать дальше. Но внезапно с пола вскочил бледный силуэт Рика и дико загоготал:

– Ох, умора, ну и умора! Ты его убила, малышка! Отличный выстрел! Признаться честно, я его тоже не очень-то любил. Он всегда был из тех,

которые себе на уме. К тому же, опять-таки, твой бывший любовничек. Хи-хи-хи! – снова пискляво рассмеялся Рик.

По телу Оливии при виде Рика пробежал озноб.

– Не может быть, – забормотала она. – Какой-то бред, галлюцинация.

Она испуганно выскочила за дверь. Это все переутомление последних напряженных дней, не нужно его воспринимать всерьез. Но что тогда делать? Может быть, Макс ей поможет? Простит, смилиостивится, и у них будет все, как прежде. Оливия не знала, что делать, садясь за руль. Но рядом на сиденье откуда ни возьмись снова появился Рик:

– Представляешь, новый анекдот: жена убила своего мужа, а потом пошла косить бывших любовничков!

Оливию затрясло:

– Заткнись, дрянь, заткнись! Тебя нет! Ты мертв!

Она завела машину, быстро переключила коробку передач и резко рванула с места, почему-то уверенная, что Макс поможет ей.

– Ну, ну, – только и сказал ухмыляющийся Рик и вдруг исчез так же, как и появился.

Но когда Оливия подошла к входной двери дома Макса и уже собиралась было нажать на кнопку звонка, он неожиданно появился вновь, все такой же ухмыляющийся и бледный, оперся плечом о притолоку двери и прямо глядя в глаза Оливии спросил:

– Ну, малышка, ты еще не передумала убивать?

– Да пошел ты! – замахнулась на него Оливия, и Рик снова исчез.

«Я, кажется, схожу с ума, – подумала Оливия. – Мало-помалу схожу с ума». Подумала, но желания своего примириться с Максом не переменила. Ей больше не к кому было идти. Только он, считала, может помочь ей обрести прежнее состояние.

18

Франческа все еще не могла поверить, что Оливия пощадила ее. Казалось, вот-вот рука Оливии дрогнет и палец нажмет на спусковой крючок. Спасла Франческу, наверное, только молитва, которую она мысленно произнесла скороговоркой. И как она только вляпалась во все это, пошла у Алекса с Максом на поводу, не предполагая таких последствий? Теперь Оливия, как волчица, потерявшая свой выводок, жаждет крови. Она смилиостивилась над ней, но так ли будет невозмутима, когда разыщет Макса? Надо бы предупредить его. И Алекса, ведь он тоже заваривал эту кашу.

Франческа тяжело выбралась на дорогу. Грязная, уставшая, в выпачканном платье, она имела такой неприглядный вид, что вряд ли какая

попутка остановится. Но разве у Франчески есть выбор? Нельзя терять ни минуты. Оливия способна на все.

Франческа стала голосовать. Притормозил возле нее только подержанный, груженный соломой «форд». Обветренный фермер лет шестидесяти глянул на нее с жалостью и спросил:

– Куда тебе, дочка?

– В Блэкстоун, если можно. Пожалуйста.

– Садись, – он открыл дверцу для пассажиров. – На, вытрысь, – протянул ей полотенце.

Франческа искренне поблагодарила его.

– Если можно, побыстрее, – сказала, вытерев лицо и руки.

Фермер, ни о чем больше не спрашивая, прибавил газу. Франческа была ему благодарна.

В Блэкстоун добрались минут за двадцать. Франческа, не долго думая, побежала к Алексу. Серый дом, заросший плющом, увидела издали. Дверь оказалась приоткрытой. Франческа медленно отворила ее, позвала Алекса, но никто ей не ответил.

– Алекс, ты дома? – спросила громче, переступив порог, но и в этот раз ответом была тишина. Франческа заглянула в гостиную и остановилась как вкопанная: у дивана посреди комнаты, небрежно раскинувшись, лежал Алекс. Голова его от выстрела была разворочена.

Франческу стошнило. Оливия, значит, успела побывать и здесь. Но если так поступила с Алексом, можно только гадать, что она сделает с Максом. Надо срочно спасать его.

Стараясь не смотреть в сторону трупа, Франческа подошла к телефону и позвонила в полицию. Через несколько минут полицейские уже входили в дом Алекса. Франческа сидела на ступенях, ведущих на второй этаж, сама не своя.

19

Макс почти собрал чемодан. Алекс посоветовал ему на некоторое время уехать: Оливия могла догадаться об их проделках, и к чему бы это привело – неизвестно. Но на Синем озере, куда Макс подался, он не находил себе покоя. Бродил вдоль берега, ходил по лесу, но снова и снова мысленно возвращался в Блэкстоун, заново перебирая в уме прошедшие события. Вечерами звонил Алексу, но тот оставался непреклонен: ты должен пока переждать, Оливия, как разъяренная кошка, повсюду ищет тебя.

– Но я здесь долго не выдержу, Алекс, – жаловался Макс. – Такой образ жизни сведет меня в могилу.

– В могилу тебя сведет Оливия, если ты не поступишь так, как я тебе говорю. – Алекс стоял на своем. Но Макс тяготился бездельем и разъедавшими его мыслями.

– Может, мне съездить навестить родителей? – спросил он Алекса на третий день. – Там я скорее забудусь.

– Почему бы нет? Надеюсь, ты не был столь глуп, чтобы оставить Оливии адрес родителей?

– Как будто нет. Она и знать не знает, где они живут.

– Вот и чудесно. Поезжай. И мне будет спокойнее за тебя, и мегера наша, даст бог, за это время образумится.

Макс сразу же по телефону заказал билет на ближайший рейс в Дэнмор, где жила его мать. Но за вещами решил съездить только накануне отъезда, часа ему будет достаточно, чтобы собраться. Он так и поступил: выехал из бунгало в три, минут за сорок добрался до Блэкстоуна и теперь стоял в своем доме у раскрытого чемодана и обдумывал, все ли положил.

Неожиданно в дверь позвонили. Макс открыл. Перед ним стояла Оливия.

– Слава богу, ты дома, я искала тебя три дня. Можно?

Макс заволновался, ему ничего не оставалось, как впустить её.

– Меня не было дома. Я... Я решил уехать.

– Я знаю. Алекс сообщил мне об этом. Ты решил отдохнуть от всего на озере. Почему не взял меня, чего-то испугался?

Оливия переступила порог, осмотрелась, заметила на диване в гостиной раскрытый чемодан.

– Ты распаковываешь вещи или укладываешь заново?

Она подошла к чемодану, подняла лежащую сверху рубашку, затем бросила назад. Сердце Макса заколотилось сильнее.

– Понимаешь, вся эта история... Эти неясности... – Макс посмотрел на нее, и Оливия увидела, что он совсем раскис. – Я так не могу.

– Ты испугался. Испугался меня или какого-то призрака?

– Не знаю, но так не могу. Отпусти меня, Оливия.

– Ты хочешь покинуть меня? Совсем?

– Если не возражаешь.

– Теперь, когда мы наконец-то можем быть вместе?

Макс не ответил, отвернул лицо и потерянно посмотрел куда-то в сторону. Оливия вопросительно уставилась на него, не ожидая такого явного пренебрежения.

– Никак не пойму, я что-то не так сделала?

– Ты все не правильно поняла, Оливия. Никто не хотел тебя обидеть.

Мне надо было просто уехать, проведать своих родителей. Я собирался

тебе по приезду позвонить. Я бы обязательно тебе позвонил, ты разве не веришь мне?

– По вашей милости я теперь никому не верю. Вы просто издевались, устроили весь этот театр с призраками, а вечером, небось, потешались надо мной, как над дурой! Может, хватит уже лгать, Макс. Я ведь все знаю. Алекс мне обо всем рассказал, только ты все упорствуешь. Но я не виню тебя и готова простить, потому что на самом деле люблю тебя и хочу быть с тобой. Макс, давай уедем. Вместе. Уедем, и никакие призраки больше не будут преследовать нас. Вдвоем нам ничего не будет страшно.

Оливия с надеждой посмотрела на него. Но Максу такой поворот не понравился. Он нервно заходил по комнате. Оливия начинала его раздражать. Почему он сразу не уехал отсюда, а позвонил сначала Алексу? Теперь Оливия не даст ему покоя. Он попытался вразумить ее.

– Оливия, как ты не понимаешь, мы не можем быть вместе. Я чувствую себя виноватым во всем: в смерти Рика, в том, что при его жизни я посмел быть скотиной и соблазнить его жену. Я – тот, который должен лечить. Я не смогу себе этого простить. Никогда. Поверь мне.

– Ладно, – сказала, выслушав его тираду Оливия. – О себе ты подумал, очистил душу, но как быть мне? Ты оставляешь меня одну? Именно сейчас, когда мне так трудно?

– Но Оливия!

– Молчи! Ты уже сказал все, что хотел. Малодушнее человека я, наверное, в жизни не встречала. Почему ты стал избегать меня, придумывать всякие небылицы, чтобы только избавиться? Когда я увидела тебя в первый раз, подумала, что вот он настоящий мужчина – умный, внимательный, сильный, неповторимый, а оказалось, ничуть не лучше других, такой же трусливый, лживый, мелкий и неуверенный в себе слизняк.

– Это уж слишком, Оливия! – попытался остепенить ее Макс. – Ты не имеешь права так говорить.

– Я не имею? Я?! – возмущенно воскликнула Оливия. – Любить, значит, имею право, а бороться за свою любовь – нет? Я ведь люблю тебя, Макс. Не уходи. Хочешь, я всегда буду любить тебя?

Она обняла Макса, стала целовать, тяжело дыша и говоря:

– Разве нам было плохо, Макс? Разве мы не понимали друг друга? Вспомни, как нам было хорошо. Вспомни наши лучшие минуты, проведенные вдвоем, Макс.

– Нет, нет, – отстранил от себя Макс Оливию, – я, правда, так не могу, я чувствую себя не в своей тарелке, пойми. Нам лучше расстаться. Навсегда. Я уезжаю, забудь меня, – на одном дыхании закончил Макс и отвернулся от нее. – У меня через час самолет, прости.

Макс уставился на свои вещи в чемодане. Оливия посмотрела на него, осунувшегося, безвольного, чужого, и вдруг до нее дошло, что она зря сюда приехала, зря унижается, зря умоляет его остановиться. Ей не такой нужен был мужчина. Да и назовешь ли настоящим мужчиной того, кто недостаточно смел, недостаточно силен, недостаточно крепок, чтобы защитить свою любовь?

– А я тебе что говорил, малышка? – неожиданно возле Макса вырос призрак Рика. – Он же тряпка, рохля, размазня!

– Как ты меня достал! – заведенная до предела, вспыхнула Оливия, вытащила из сумочки пистолет и несколько раз выстрелила в Рика. Рик тут же исчез, а Макс удивленно посмотрел на нее, схватился за грудь и через мгновение рухнул, как подкошенный, на пол. Оливию словно током пронзило при мысли, что она сделала. Колени ее ослабли, и она медленно опустилась рядом с распростертым безжизненным телом Макса. Нет, она не этого хотела.

20

Две полицейские машины, не включая сирен, подкатили к дому Макса. Четверо полицейских окружили его и, вытащив из кобуры пистолеты и держа их наготове, стали медленно приближаться к главному входу. Приблизившись к двери, один из них рывком отворил ее и шагнул внутрь. Осмотрелся, скользнул дальше. За ним в дом прошмыгнул следующий, быстро вжался в стену. Первый из-за угла выглянул в гостиную и увидел посреди нее на полу рас простертное тело Макса Котмена. Возле него, как потерянная, сидела Оливия. Полицейский крикнул, чтобы она оставалась на месте, и Оливия испуганно уставилась на него, совсем, казалось, не ожидая их появления здесь. Полицейские, не снимая Оливии с прицела, приблизились и защелкнули на ее запястьях наручники. Оливия не сопротивлялась. Она ничего не соображала и еще находилась под впечатлением содеянного. Один из полицейских приложил два пальца к шее Макса. Пульс не прощупывался. Макс был мертв.

– Давай ее в машину, – сказал первый полицейский, – и вызови криминалистов, пусть все осмотрят.

Оливию повели. Она шла, не разбирай дороги. Подойдя к полицейской машине, вдруг увидела в соседней Франческу. Та растерянно смотрела на нее.

«Жози», – мелькнуло у Оливии, но она ничего не произнесла. На нее накатила апатия. Полицейский открыл дверцу машины и, наклонив голову, затолкнул Оливию внутрь.

Оливия заметила, как дрогнули губы Франчески.

21

Макс пошел за носилками, в которых лежало его тело. Ему все не верилось, что его уже нет, что он больше не существует в том, земном понятии существования. Все казалось таким нелепым и ни во что не верилось совсем. Как могла Оливия так поступить с ним? Почему? Макс не находил ответа и все шел и шел за носилками и смотрел на свое мертвое тело.

Он проводил носилки до самой машины и остановился возле нее, глядя, как их вкатывают внутрь. Ему было так муторно, что он еще не вполне осознавал, что с ним и где он находится. Смотрел на себя, лежащего на носилках, и не понимал, он это или не он перед ним.

Тут кто-то мягко тронул его за плечо. Макс обернулся и увидел возле себя светящий ореол Алекса. Алекс сочувственно сжал его руку и, припав к плечу, разрыдался, извиняясь:

– Прости меня, Макс. Я не думал, что все так получится.

Макс удивленно уставился на него:

– Как, – и ты?!

Алекс пожал плечами. Макс посмотрел на машину, в которой сидела Оливия.

– Я не виню тебя, Макс. Ты хотел, как лучше.

Макс погладил Алекса по плечу, и тут вдруг громко раздался знакомый голос:

– Не стоит убиваться, господа. Не лучше ли нам пройти в дом и выпить по рюмашке за нашу встречу?

Алекс и Макс обернулись и увидали на пороге дома Макса улыбающегося во весь рот Рика Рэнделла. В руках у него была бутылка виски и три бокала.

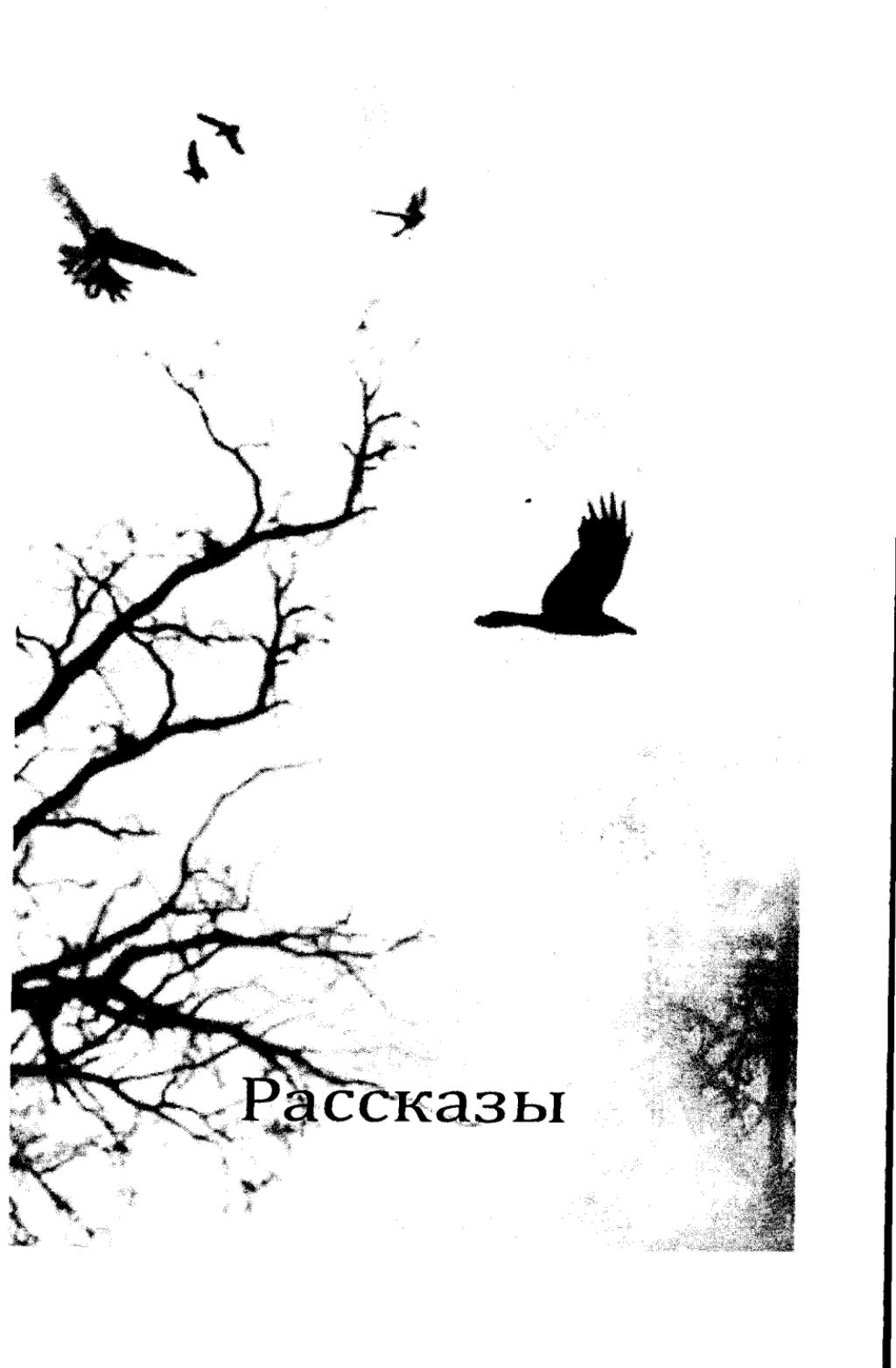
– Решайтесь, господа, решайтесь.

Макс и Алекс двинулись к нему. Когда они вошли в дом и сели на диван, Рик подошел к ним и роздал каждому по бокалу. Раздав, разлил виски.

– За ваше счастливое проявление, – усмехнулся он доброжелательно.

Когда все выпили, Рик налил им еще и сел в кресло напротив. Хорошенько примостившись, произнес:

– А теперь, господа, если вы не против, давайте подумаем, как нам лучше наказать неблагодарную Оливию, ведь никто из присутствующих здесь не станет отрицать, что только благодаря ей мы стали тем, что есть. Или я не прав?

Рассказы

СЧАСТЛИВЧИК

Тараканов с огромным нескрываемым любопытством рассматривал парк (или сад?), в который он нежданно-негаданно попал. Голова его то и дело вертелась из стороны в сторону, глаза жадно перебегали с одного края на другой, словно боялись не успеть всё запечатлеть и закрепить в памяти. Также учащенно и жадно работали его ноздри, а рот то и дело ненасытно всасывал незнакомый воздух, стараясь заглотнуть как можно больше.

Тут неожиданно Тараканова кто-то окликнул:

– Эй, бродяга, ты преферанс, случайно, не пишешь?

Тараканов обернулся на голос и заметил неподалеку – всего в каких-то двух шагах – стол, какой обычно вкапывали в парках или дворах, на четырех деревянных ногах и фанеркой, набитой на дощатую столешницу сверху.

За столом сидело двое ничем вроде не примечательных мужиков в неброских одеждах со скучающими физиономиями. Один из них, с помятой рожей и слегка приплюснутым носом, звал его, маня вялой бледной рукой.

– Вы меня? – спросил Тараканов с удивлением.

– Тебя, тебя. Глухой, что ли?

– Нет, не глухой, – ответил Тараканов, подходя ближе.

– Преферанс, говорю, не желаешь расписать? – уточняет всё тот же помятый, в то время как его приятель молчит.

Надо сказать, Тараканов был ужасно азартным человеком не только в каких-либо увлечениях, но и в жизни. Вероятно, это объяснялось его завидным везением. Случайные опоздания на работу ему чаще всего сходили с рук. Стоило попасться на глаза большому начальству, его сразу примечали и нет-нет, да и мелькала его фамилия в списке премированного руководящего состава (когда он еще руководителем не являлся). Несколько раз его предложения имели толк и, как полагается, вскоре его выдвинули на начальника отдела (предыдущий пошел на повышение). Теперь Тараканов мог бы совсем раствориться в удовольствиях жизни (а как же – у него в подчинении целых семь человек, из них три очаровательные девушки (одна из которых вскоре становится его пассией); миловидная, не слишком требовательная жена, прочно сложившийся о нем в верхах авторитет и, как следствие, – приличный зарплаток), если бы не второй за последние два года инфаркт. Из первого он выкарабкался почти без последствий и сразу окрестился счастливчиком. Везение,

впрочем, не оставляло его и в дальнейшем. С ним нежданно-негаданно сблизился сам зам., и Тараканову срочно пришлось восстанавливать прежнюю крепко устоявшуюся за ним студенческую славу удачливого преферансиста.

И здесь, оказывается, эта игра не утратила своего значения!

– Отчего же, можно, – как всегда в компании незнакомых людей неторопливо, словно всё обдумывая и взвешивая, ответил Тараканов.

– Тогда садись, – фамильярно бросил ему помятый и кивком головы указал на место рядом с собой.

Тараканов сел и пока тасовались карты, стал, как и положено в новом кругу, выяснять, какой именно вид преферанса здесь принято расписывать, какие нюансы и требования игры, какие расценки за вист и штрафы.

Отвечал второй из приятелей, миндально-слащавый брюнет с лихо задранным кверху вихром и тонкой ниткой волос под носом, которого Тараканов про себя прозвал «пижоном».

Когда все нюансы были выяснены, Тараканов потянулся за стопкой, лежащей перед ним. Подняли свои карты и его новые друзья. Тот, который оказался на правой руке, заказал традиционные «шесть пик». Тараканов спасовал, так как для игры у него не набиралось и пяти мастевых карт. Пижон пошел на шесть бубен, и помятый сдался. Прикуп отошел к пижону. Он ловко присовокупил его к своему вееру, и Тараканов опытным взглядом уловил, как в правом уголке пухлых губ пижона на долю секунды вспыхнула и тут же исчезла где-то в тонких усиках почти неприметная довольная улыбка. Значит, подфартило.

Пижон объявил игру. Помятый разочарованно бросил карты на стол. Очередь за Таракановым. Оба приятеля подняли на него глаза, но – вот черт! – неожиданно Тараканов исчез!

– Будь он неладен! – не сдержался, чтобы не выругаться помятый. – Куда его еще понесло? Эй, приятель!

Тут Тараканов, будто услышал зов помятого, так же неожиданно и появился, вызвав у друзей новое недоумение.

– Где тебя, ядрена вошь, носит! – накинулся на него помятый. – Заканьо шесть бубен. Я пас, твоё слово!

Тараканов снова глянул в свои карты. Виста три найдется. Четвертый, может, затесался у помятого.

– Вист, – подытожил он. Игра пошла. Тараканов с помятым «легли», быстро прикинули, что к чему. Вырвать себе что-нибудь сверх четырех, как ни крути, не получалось.

– Останемся «при своих», – предложил Тараканов, и пижон принял его предложение.

Раздали по-новому. Тараканов глянул в свои карты и... снова исчез.

– Какого хрена! – тут уже не выдержал и пижон. – Нужно было тебе его звать?

– Так кто ж знал, что он такой? – оправдываясь, пролепетал помятый.

– Нежель не видно? – бросил пижон и недовольно покосился на вновь внезапно появившегося за столом Тараканова. – Я не пойму, мы в преферацис играем или в прятки? – с ехидцей прощедил он сквозь зубы.

– Вы, ребята, уж меня простите, – поневоле стал оправдываться Тараканов, – проклятые реаниматоры замучили, право слово.

– Ну, милейший, это не оправдание, – буркнул недовольно пижон, но в его голосе уже исчезла злоба.

Прошли круг. Тараканов всё больше распалялся, ему начинало везти, он уже опережал своих соперников по пуле очков на восемь. И не удержался, позволил своим эмоциям взять над собой верх: при одном проколе, понадеявшись на прикуп, пошел на мизер. Но прикуп был не в масть. Тараканов понял, что лопухнулся. Почувствовали это и его приятели: стали перемигиваться, хихикать, пожимать плечами: мужик, видно, двинулся, вот уж они отыграются! Однако Тараканов вдруг опять исчез, и исчез уже надолго. Пять, десять минут не появлялся. Прошло полчаса.

– Нет, я так не могу, – подорвался помятый, – давай, найдем его, иначе нашим усилиям грош цена.

– И денежкам тоже, – констатировал пижон. – У него же тут явный «паровоз». Идем в регистратуру.

Помятый выбрался из-за стола и присоединился к пижону.

«Канцелярия небесных душ» располагалась в конце сада. Пижон решительно направился к стойке регистратуры, у которой в расслаблено-вольной позе стоял чей-то ангел-хранитель и беззаботно заигрывал с регистраторшей.

«Они все здесь без ума от ангелов, так и норовят при всяком удобном случае затащить их к себе в постель», – подумал, приближаясь к ней, пижон.

Каково же было его удивление, когда он в этом бледненьком пухловатом существе признал свою давнюю подругу, Радмилочку Звереву. После недолгого бурного романа они, впрочем, навсегда сохранили нежные приятельские отношения.

Радмила, однако, поражена не была: все-таки она имела непосредственный доступ к «Картотеке небесных душ», а пристроившись сюда по знакомству (ах, эти небеса, здесь тоже сплошной блат!) не удержалась от

соблазна выяснить, кто из её близких и дальних знакомых где теперь обитает.

Девушка доброжелательно улыбнулась пижону, и он в её не забытых чарующих раскосых глазах уловил тепло и некоторый оттенок грусти, такой неожиданной оказалась для неё эта встреча.

Пижон на секунду отозвал Радмилу в сторону и объяснил во всех подробностях произошедшую ситуацию. Радмила шепнула ему на ухо, что возле её стойки как раз и стоит ангел-хранитель Тараканова, которого она должна будет вернуть обратно.

– Понимаешь, Герман, когда человек живет, с ним всегда рядом ангел-хранитель. После смерти подопечного мы препоручаем ангелу другую душу, так сказать, перераспределяем. Вот и ангел Тараканова явился было за таким перераспределением, когда неожиданно поступило указание сверху оставить Тараканова на земле еще на срок.

– Но Радмилочка, сердце моё, неужели совсем ничего нельзя сделать? Радмила немного замялась.

– Придержи его на несколько минут, пожалуйста, ради нашей прежней любви! – опалил жарким чувствительным взором бывшую пассию пижон.

– Разве что на несколько минут...

Пижон помчался обратно. По довольному выражению его лица помятый понял, что афера удалась. Не успел пижон плюхнуться на своё место, как рядом тут же появился Тараканов.

– Ну, брат, теперь ты от нас никуда не уйдешь! Давай, отыгryвайся!

– Но, ребята, меня же почти откачали!

– Ерунда! – пижон резко бросил на стол обратный билет Тараканова на землю, который он ловко, по-жульнически, снянул у Радмилы. – Теперь тебе спешить не придется.

Тем временем где-то на земле в одной из реанимаций наступила гнетущая тишина. Все поняли, что случилось.

– Мы потеряли его, – с горечью констатировал врач.

Радмила, не найдя обратного билета Тараканова, стала выписывать его бывшему ангелу-хранителю новое распределение.

РУСАЛКА

Делянку свою Андрей косил бережно, не оставляя ни одного несконченного участка. Остро наточенная коса секла траву легко, плавно укладывая за собой ровную полоску свежесрезанного сена. Ни разу коса не воткнулась в землю, ни разу не застрыла в густом сплетенье сочных многолетних трав, – так бережно его с детства приучил косить отец, так мастерски Андрей научился работать, скосив к своим тридцати семи годам не один гектар лугов.

День сегодня радовал – солнце не палило испепеляющее, как вчера, небо слегка затянуло прозрачной белесой дымкой, но дождя, скорее всего, не будет, – нос не улавливал особой преддождевой сырости, и даже горизонт насколько вокруг хватало взгляда, оставался по-прежнему чист и светел.

Несмотря на отсутствие солнца, было душно и жарко, пот ручьем струился по широкой груди и мускулистой спине Андрея, и он то и дело вынужден был останавливаться, чтобы отереть тело влажным вафельным полотенцем, которое заботливо положила вечером в сумку жена.

В этот сезон Андрей взял надел больше прошлогоднего – решили с женой вместе с единственной коровенкой выкормить бычка. На следующий год по весне он сдаст его в колхоз и получит живую копейку, на которую можно будет купить и новый холодильник, и телевизор – старый давно барахлит: цвета и яркость пропадают.

Андрей косит третий день, но надеется к завтрашнему вечеру закончить – осталось немного. Еще через день-два, когда сено на воздухе чуть привянет, он приедет с кумом на тракторе и все соберет. А пока мышцы не расслабляются, коса свистит, душа радуется.

Часам к семи вечера навалилась усталость. Пора заканчивать. За сегодня все одно не справиться. Искупаться в ближайшем затоне и – айда домой, за щедрый стол, к любимой жене под бок.

Вода в реке к вечеру как кипяток. В урочьях местах течение неторопливо и размеренно. В плесе вообще, кажется, она стоит.

Андрей докашивает последний намеченный участок, возвращается к месту, где оставил сумку с едой и инструментом, кладет косу, берет полотенце и идет по тропинке вдоль густого кустарника, за которым скрывается широкая заводь.

Однако, не дойдя метров двадцати до нее, он вдруг замечает на берегу обнаженную девушку, которая тоже, видно, собралась здесь искупаться.

ся. Невольно Андрей скрывается за кустом и замирает на месте с буйно колотящимся сердцем.

Между тем девушка, оставив одежду на берегу, неторопливо подходит к воде и на миг оборачивается, словно почувствовав чужое присутствие. Её глаза, кажется Андрею, вырвались из своих глазниц, в мгновение перенеслись к нему и замерли напротив, внимательно рассматривая его с ног до головы. Потом видение этих глаз исчезло, и Андрею, отшатнувшемуся от испуга назад, показалось, что девушка слегка ухмыльнулась и только потом ступила в воду. Еще через минуту она медленно отплыла от берега и резко нырнула, ослепив Андрея бледными ягодицами, стройными ногами и белыми пятками. Андрей не успел даже как следует рассмотреть лицо девушки, но надеялся, что вскоре она выйдет на берег, и он, может быть, узнает ее – поселок их небольшой, все на виду. Но проходит одна минута, потом другая и третья, а девушка так и не появляется из воды.

Андрей заволновался. Недобродородное предчувствие сковало сердце. Он еще надеялся, что девушка отплыла куда-то в сторону, где-то там, дальше, вышла на берег и берегом вернется сюда за одеждой. Но и спустя время она не появилась. Минут двадцать, как Андрей стоял в кустах. Может, она выплыла где-то и прилегла отдохнуть? Уснула? Почему там? Одежда-то ведь здесь!

Андрей осмелился выйти, наконец, из своего укрытия.

Не могла же она утонуть? Он и мысли об этом не допускал. Самоубийство? Нет-нет, Андрей сразу отверг ужасную мысль – девушка не была похожа на самоубийцу. Лицо ее было умиротворенно, чисто, открыто. Ни на минуту эмоции отрешенности или потерянности не промелькнули на ясном челе. Нужно просто немного подождать, и она обязательно появится, Андрей был уверен в этом. Но еще пятнадцать минут прошло, и еще десять, а она так и не вернулась.

Андрей приблизился к берегу. Девушкино платье, туфли, нижнее белье небрежно брошены на землю. Самоубийцы так не делают.

Андрей поднял с травы платье, подошел ближе к воде и стал звать:

– Девушка! Девушка! – с каждым разом все громче и взволнованней. Но на зов никто не откликался. Сам не свой он пошел вдоль берега вниз по течению реки, но ниже и выбраться-то было негде – берега обильно поросли кустами и ивняком.

Приехавшему на следующий день следователю Андрей ничего толково объяснить не смог. И по его описаниям внешнего вида девушки никого опознать в поселке не удалось. Скорее всего, она была из приезжих, и осталось только выяснить, откуда и с кем приезжала на реку.

В последующие дни Андрей только и думал о девушке. Из-за следователя он потерял почти полдня и докашивал свой надел лишь на третий день. Перед глазами все стояло ее прекрасное нагое тело, светлые волосы, которые она грациозным движением освободила от заколок и небрежно рассыпала по плечам.

После косьбы он как обычно пошел в тот же затон искупаться, но только сбросил брюки на траву, как услышал стыдливый девичий вскрик: «Ой!» – и вслед за ним увидел, что из воды совсем недалеко от берега торчит светлая мордашка той самой, исчезнувшей два дня назад, девушки. Только волосы ее теперь слегка отливали бирюзой, наверное, в отражении в воде зеленых ив.

Девушка испуганно смотрела на него и руками стыдливо прикрывала хрупкие плечи и небольшую девичью грудь.

– Вы не видели моей одежды? – спросила она. – Посмотрите, пожалуйста. Где-то там, на берегу. Я раздевалась недалеко. Вы что, не слышите?

Андрей слова произнести не мог. Он же знал, что ее одежду забрал участковый. Да и она не могла же плавать три дня без продыху.

– Но я, – едва вымолвил Андрей, заикаясь, – не нахожу ничего. Вашей одежды тут нет.

– Посмотрите дальше, возле камышей.

– Ничего не вижу, – растерянно пробормотал Андрей.

– И что же мне теперь делать? Так вот и сидеть в воде? Вы, в конце концов, мужчина или нет? Может, дадите мне чем-нибудь прикрыться?

– У меня есть рубашка. Сейчас, – все еще не понимая, что делает, поспешил Андрей обратно к тому месту, где оставил инструмент и одежду.

– Вот, – вернувшись, протянул он ей, рубаху.

– Отвернитесь, – не принимая возражений, строго приказала девушка. Андрей отвернулся. Она подплыла поближе, и он снова услышал ее голос:

– Может, все-таки поможете мне выбраться из воды? Дайте руку.

Андрей, не глядя, протянул ей руку. Девушка ухватилась за нее, потянулась, но он не рассчитал тяжести и, потеряв равновесие, плюхнулся рядом с ней в воду. Девушка звонко расхохоталась, но его руки не выпустила.

– Какой же вы неуклюжий, мой спаситель. Но я знаю, как привести вас в чувство. Вы заслужили награду, и я с радостью поцелую вас, – произнесла она без тени смущения и всем своим ладным телом вплотную придинулась к нему.

Андрей мелко-мелко задрожал, посмотрел в ее большие голубые глаза и понял, что именно они привиделись ему два дня назад на берегу, они

не давали ему спать все последующие ночи и именно они теперь засасывали его внутрь, заставляя забывать обо всем на свете и делая его тело пустым и невесомым.

Русалка потянула Андрея к себе, и он ушел за ней под воду, как зачарованный, ни на секунду не отрывая от нее взгляда. Её глаза смеялись озорно и иронично, но его душа от этого смеха только наполнялась светом и радостью.

2004

НИЯЗ

1

— Нияз, Нияз, ко мне! — семилетний Артемка с радостью обогнал трехмесячную полуовчарку, которую он не так давно нашел за деревней с перебитой правой лапой.

Проклятые дачники, они ничего доброго не принесли в их маленькую, удаленную от всех благ цивилизации деревеньку! Вот еще и щенка бросили возле дачи. Укатили к себе в город, забрав его мать, а самого оставив на произвол судьбы. Почему? Что он сделал им плохого? Могли отдать кому-нибудь из деревенских, любой с радостью бы взял к себе в хозяйство такого, пусть даже и не породистого, но впоследствии, может быть, верного друга и незаменимого сторожа.

Артемка на щенка нарадоваться не мог: его любимый лентяй иувалень, выгоревший сто раз на солнце, со свалившейся шерстью, полуслепой и дряхлый терьер Нияз, пропавший неделю назад, давно забыл, что такое бег наперегонки с ветром, звонкий лай, веселое катание в маxровой, горячей от июльского солнца пыли.

Артем как первый раз увидел щенка, заглянул в его серые, затянутые легкой поволокой глаза, так сразу признал в нем прежнего Нияза.

— Признавайся, обормот, что это ты, Нияз. Я же вижу, — как со взрослым, разговаривал с щенком Артемка, когда впервые внимательно пригляделся к нему. — Но даже если и не ответишь, я все равно буду звать тебя Ниязом, как свою пропавшую собаку, потому что так называл ее когда-то папа, а он знал толк в собаках. Он был настоящим героем, пограничником, у него была тысяча врагов, и он победил их всех. Так говорила мне мама! Ты же Нияз? — повторил Артемка и увлек найденного несмышленыша за собой домой.

— Ты зачем приволок во двор этого урода? — заплетающимся языком недовольно спросил Артемку подвыпивший дядька Степан, нынешний мамин сожитель и как бы его отчим. — Он же совсем никудышный, да еще с перебитой лапой! Только жратву на такого переводить!

— Он не урод, — попытался защитить своего нового подопечного Артемка, — и не никудышный. Это Нияз. Он вернулся ко мне. Он совсем не уходил, только стал маленьким, таким, как я. Ничего ты не знаешь!

— Хм, Нияз, — взирал на Артемку с высоты двухступенчатого бетонного крыльца дядька Степан. — Какой это, к черту, Нияз, что ты мелешь!

Нияз ушел, сдох. Просто сдох, ты понял? – неожиданно резко схватил Артемку за шкирку дядька Степан, и мальчик почти не почувствовал под ногами землю.

– Степан, эй, Степан! – крикнула вдруг из-за невысокого крашеного штакетника моложавая улыбчивая соседка. – Оставь мальца в покое, вечно к нему пристаешь!

– А ты, Клавдия, молчи, не твого ума дело! Не видишь разве: я учю подрастающее поколение уму-разуму. Это моя родительская обязанность. А ты что, смотришь, одна сегодня? Муж, чай, опять до рассвета на покосе? – спустился с крыльца дядька Степан и направился было к заигрывающей с ним соседке, как до него снова донесся раздраженный голос Артема:

– И ничего он не сдох! И ничего ты не знаешь. Это Нияз, Нияз, Нияз! Понял!

– А ну, счас я тебя, паршивец! – замахнулся на него дядька Степан, но Артем не стал ждать, когда тот снова набросится на него, быстро подхватил щенка на руки и стремглав бросился за дом, где на сеновале в одном из небольших покосившихся сараев у него была тайная ниша, в которой он частенько прятался от сильно подвыпившего и начинавшего безмерно буйнить отчима.

– Ты со всеми такой грозный? – подначила Степана глазастая Клавдия. – Или только с семилетними мальцами?

– Какой такой «грозный»? Это я грозный? Да я сама доброта, Клавочка, разве ты меня не знаешь?

– Знаю, знаю, твою кобелякскую натуру; и доброту твою знаю: разве не ты старого Нияза в лес уволок и придушил? Пес бы пару лет еще на цепи посидел, нужно было тебе его трогать? Вон и ребенка Люськиного обидел. А почто?

– «Почто», «почто»... Не твое дело! Не суй свой нос, куда не надо! Приходи лучше ко мне, когда стемнеет, Люська все одно в город к матери в больницу укатила, раньше завтрашнего дня не явится. Да и твой, видать, соколик, рассвет встречать будет в поле с доярками.

– Ишь ты, какой прыткий, сосед. А вдруг Люськин малец что увидит?

– Да ничего не увидит. Он засыпает теперь рано, спит на сеновале, так что приходи, не пожалеешь, – краем рта улыбнулся осоловелый Степан.

– Ладно, ладно, неугомонный, жди. Только Нияза все же жаль, не надо было тебе его в лес уводить.

– А я что, я-то что?! Сама все уши прожужжала: к тебе и не проберешься совсем – старый хрыч полуслепой Нияз брехать начинает!

– Ври больше: я ему уши прожужжала. Нияз тебе просто о прежнем муже Люськи напоминал, вот ты и забил его!

– Ну, что сейчас вспоминать об этом – дело сделано, Нияза больше нет, забудь. А я тебя, как стемнеет, жду. Придешь?

– Посмотрим на твое поведение! – озорно блеснула большими карими, слегка подведенными глазами Клавдия. – Может, приду, а может, и нет. Пути господни неисповедимы!

Она небрежной пружинящей походкой уверенной в себе женщины стала неторопливо удаляться к себе. Степан глаз не мог оторвать от ее пышных упругих бедер, обтянутых цветастым ситцевым платьем.

– И вовсе ты не урод, – продолжал разговаривать на сеновале со своим щенком маленький Артемка. – Он сам урод. Он и прежнего Нияза не-навидел и обзывал уродом. Но ты не бойся. Мы с тобой, когда вырастим, сильно побьем его. Ты и я. Вдвоем. Он у нас всё вспомнит: и урода, и никудышного. А пока спи, мой Нияз, спи, набирайся сил, нам силы всегда нужны. Так говорил мой папа, а он был настоящим героем, – бормотал Артемка, постепенно проваливаясь в дрему.

Щенок от тепла, исходившего от хрупкого тельца мальчонки, тоже вскоре уснул. Пегая буренка Аксинья с убаюкивающим хрустом продолжала жевать сочную траву. Ночь быстро накрыла тихую Артемкину деревню. Лишь где-то на окраине звонко щелкали соловьи. Им не спалось.

2

Клавдия была права: старый Нияз действительно не давал покоя Степану из-за того, что своим присутствием напоминал и его хозяйке, и маленькому Артемке о прежнем хозяине, погибшем на афганской границе, «храбром», как было сказано в письме из части, сержантке Муромове. Правда, сам Артемка отца совсем не помнил, потому что когда Алексей Муромов, девятнадцатилетний годовалый служака, в последний раз приходил в отпуск, Артемке едва исполнилось четыре месяца, и все, что он знал об отце, что накрепко впечатывал в буйно зреющий мозг, исходило от Людмилы, складывалось из ее отрывистых рассказов об их первых встречах и частых свиданиях до того, как отца призвали в армию. От него только и осталось что – похоронка, быстро пожелтевшая черно-белая фотография вихрастого молодого человека в гимнастерке и Артемкина стальная память, перелопатившая куски маминых воспоминаний в цельный образ большого непобедимого отца-героя.

Степан приился к ним недавно. Сам был из «химиков», приезжавших одно время на уборку картофеля. Там в поле и сошелся с тихоней

Люськой, на которую никто до этого, казалось, и глаз не подымал – так осунулась она от долгих лет одиночества и беспространной деревенской жизни. После смерти мужа, как оборвалось что внутри, и ей стало все равно, что творится вокруг – растет, дышит, наливаются – живет. Даже Артемка оставался один, и его самым близким другом и собеседником чаще был отцов подарок молодой жене накануне свадьбы – не так давно «сдохший», как сказал дядька Степан, терьер Нияз. Поэтому так дорог был прежний пес Артемке и так люто ненавидел его Степан, явно, правда, не выказывая свою ненависть к чужой псине при Людмиле. Но от маленького Артемки разве утаишь что? Он видел и чувствовал, как дядька Степан относится к старому Ниязу, и видел и чувствовал, как старый Нияз звереет при виде его отчима.

Особенно запомнился один случай. Еще в первые дни, как у них поселился дядька Степан, как всегда в сивушном бреду, шел он, еле держась на ногах, через весь двор в сортир. Обидчивый Нияз не выдержал, рванул, хоть и был на цепи, и резко цапнул дядьку Степана за щиколотку. Видно, тогда еще зародилась у него неприязнь к новому жильцу.

Как взбеленился тогда дядька Степан, как избил бедного Нияза первым попавшимся под руку поленом – вспомнить тошно! Может, тогда и перебил он, пьяный, старому Ниязу заднюю ногу, после чего тот так до конца своих дней и хромал, только уже не бросался, как прежде, на дядьку Степана, а, завидев его, прятался в конуре и смотрел оттуда хмуро и недоверчиво из-под густых, прореженных заметной сединой бровей.

Теперь новый Нияз! Ему что, думал Степан, всю жизнь будут напоминать, что он не первый и не единственный у Люськи, что память может оживить даже дважды умершего: там, на границе, и здесь – в глазах умирающего в чаще леса Нияза?

Зачем Степан только посмотрел в его глаза! Хотел насладиться торжеством победителя? И что увидел? Одну ненависть. И эта ненависть, как оказалось потом, со старым Ниязом совсем не умерла, а поселилась в сердце маленького Артемки и разрасталась теперь с каждым днем, как плесень. И в том, что Артем назвал найденного щенка именем прежнего их сторожа – Нияза, Степан тоже видел тому доказательство. Всё – ему на зло, всё – в пику, наперекор, с умыслом! Степан этого простить не мог. И сдерживаться был не в силах:

– Выбрось этого урода на улицу, нечего собирать заморышей! – кричал он, срываясь на Артемке. С трудом Людмиле удалось уговорить Степана не лишать Артемку единственной радости.

– Но если он рявкнет хоть что – пощады от меня не ждите!

Люська согласилась с ним, ей было жалко сына, но и Степана поте-

рять боялась – какой-никакой, а мужик в доме. Сошлись на том, что маленького Нияза посадили на цепь.

– Не хочу, чтобы он без дела шляндился по двору, пусть хоть волков отпугивает.

В этом дядька Степан был прав: волков в последнее время в округе развелось – тьма тьмущая. В соседских дворах стали пропадать овцы и козы. А у них кроме пары-тройки кур и пегой буренки Аксиньи ничего больше в хозяйстве не было. Любая собака просто необходима. Если бы не волки...

3

О волках часто сетовал и дядя Вова, мамин брат, овчар. Каждый день кроме воскресенья, поутру он громкими криками выгонял из овчарни колхозных овец и гнал их стадом за деревню, в Лисью балку или на Выселки, где луга были сочные и болотистых мест поменьше.

Летом нередко подвязывался пасти с ним овец и маленький Артемка. Брал с собой хлеба, молока, молодого Нияза и пропадал на целый день, почти дотемна, когда уже и солнце клонилось к закату, и бледный месяц выступал во всей красе.

Без еды в поле, гоняя отстающих или заблудших в сторону овец, было невозможно. Отлучиться, однако, Артемка не мог – и возвращаться далеко, и нежелательно. Дядя Вова рассказывал как-то, что в соседнем районе один чабан вот так беспечно отлучился на обед, перекусить, а вернувшись, недосчитался пары овец, задранных и тут же распотрошенных волками. Последнюю овцу облезлая, почти рыжая волчица дотянулась до ближайших кустов не успела, услышала крик неожиданно вернувшегося пастуха и отрывистый лай собаки и быстро скрылась в густых зарослях осинника. Видно, материая была, не раз встречалась с охотниками, помнила их.

Как-то и сам дядя Вова столкнулся с волком-переярком, что называется, «с глазу на глаз». У себя во дворе, за сарайми, в бурьянах. Дом его стоял на окопице, неподалеку опушка леса, оттуда, видать, и примчался этот всполошенный охотниками раненный зверь. Бок содран, сам весь в крови. Дядя Вова, однако, не испугался (может оттого, что был чуть выпивши), тут же схватил сук и стал, тыча в морду, гнать незваного гостя на огороды. К этому времени, к счастью, подоспели и охотники, проследившие серого пройдоху по кровавым следам. Вместе они шуганули его из укрытия и на огороде в конце концов добили. С тех пор, кстати говоря, дядя Вова и сам для перестраховки завел себе собаку, Лютого, помесь чер-

нявой дворняги и соседской кавказской овчарки. Теперь Лютый с моло-
дым Ниязом вовсю резвились возле мирно пасущегося стада овец.

Так прошел август, за ним сентябрь. Земля с каждым днем остывала, листья жухли, еще не так давно ласковый ветерок теперь неприятно сту-
дил грудь, лес редел, сбрасывая листву. Тяжело становилось и лесному зверю. Волки то и дело выходили из лесу, кружили вокруг колхозного стада, и лишь заливистый лай Лютого и бдительность дяди Вова не да-
вали им приблизиться.

В один из выходных, когда Артемка снова напросился пасти овец, голодные волки особенно обнаглели. Не особо скрываясь, шли чуть в сто-
роне. Лютый с Ниязом ни на минуту не утихали, и дядя Вова испуганно решил повернуть назад, но волки неожиданно показались на опушке леса.

Лютый с Ниязом выступили вперед, грозно зарычали, но не испуга-
ли волков. Дядя Вова с Артемом подняли шум, стали угрожающе лупить палками по земле, уводя овец в безопасное место. Волки остепенились. Видно, справится с четырьмя пастухами не надеялись. Вожак первый скрылся в чащбе, за ним один за другим ушли остальные. Лишь облезлая рыжая волчица уходить не спешила, словно чего-то терпеливо ждала.

Нияз вырвался вперед Лютого. Не приближаясь, залаял истощенно, но не прогнал волчицу. Лютый вскоре потерял к ней интерес, вернулся к стаду и только изредка вторил Ниязу. Но Нияз не унимался, лютовал сильнее. Что с собакой случилось, никто понять не мог. Только Нияз, как за-
колдованный, вдруг потянулся за рыжей бестией, продолжая громко ла-
ять и рыть когтями землю. А волчица будто нарочно заманивала моло-
дого пса все дальше и дальше в лес. Артемка осип звать его обратно. Он готов был сам броситься вдогонку, но дядя Вова не пустил:

– Не ходи, тут что-то неладное.

Артемка расплакался, но звать Нияза не переставал. Только протяж-
ный волчий вой из глубины леса остановил его. А страшный скрежет, ры-
чанье и лай вперемешку, последовавшие следом, заставили и вовсе заме-
реть. Артемка понял, что на Нияза набросились разъяренные волки.

Дядя Вова крепко прижал Артемку к себе. Ему самому было горько.

Почти неделю Артемка ходил как потерянный. Гибель маленького Ниязы так сильно затронула его, что он почти ничего ни ел, ни пил, подолгу сидел, втупившись, в окно, откуда хорошо просматривалась опушка леса, или пропадал на сеновале, разговаривая с пегой Аксиньей. Даже

обещанье дяди Вовы найти ему нового щенка, не успокоило. Мать не знала, что делать с сыном. Один дядька Степан ходил довольный, не скрывая радости.

Но через неделю, когда со старой яблони у сарая слетели первые листья, мать Артемки прибежала со двора перепуганная насмерть.

— Степан! — закричала с порога. — Степан! Подь на улицу, глянь на огород, мне кажется, там волк.

— Какой такой волк, Люська, что ты несешь? — спросил полусонный дядька Степан, как всегда бурча. Поднялся с кровати, натянул брюки и рубаху, сдернул с гвоздя двустволку и вместе с Людмилой поковылял во двор. Артемка рванул за ними. Но стоило им выйти на задний двор, как они замерли, как вкопанные. Волчица — та самая рыжая волчица, заманившая Нияза в лес (Артемка ее сразу узнал), — стояла у забора, отделявшего задний двор от огородов.

Людмила прижала Артемку к себе. Дядька Степан вскинул ружье, но тут же сплюнул недовольно — в спешке он забыл захватить патроны. Но волчица, как видно, нападать ни на кого не собиралась, — приблизилась к распахнутой настежь калитке и остановилась.

— Люська, беги в дом за патронами. Живо! — не сводя ни на секунду глаз с волчицы, прощедил сквозь зубы дядька Степан, и Людмила попятилась, увлекая за собой сына. Но Артемка вырвался и вернулся к дядьке Степану. Волчица тем временем, как побитая, проковыляла к собачьей конуре и опустилась возле цепи на землю. Степан не знал, что и думать. А Артемка как почувствовал что — поблекшие глаза волчицы не могли его обмануть.

— Нияз, — произнес он сначала тихо, потом громче: — Нияз, ты вернулся!

Ошеломленный Степан не остановил Артемку. Мальчик опустился на корточки возле волчицы и положил ей на голову руку.

— Нияз, как долго тебя не было.

Волчица жалобно посмотрела на Артемку и ткнулась мордой в колени.

5

С приходом волчицы дядька Степан еще больше ожесточился. Прежние Ниязы были ему не по душе, а этот и вовсе волк. Да ладно, волк! У Степана все чаще появлялось ощущение, что новый Нияз словно носит в себе прежних двух, помнящих о его старых проделках. Ни на Артемку, ни на Люську, ни на Клавдию, иногда застывшую возле своего забора, вол-

чица даже голос не повышала, а завидев Степана, щерилась и рычала. Даже еду от него принимать не хотела. Тарелку с супом или кости волчице носила Люська или Артем.

Никогда не верящий в бесовщину, Степан теперь мог поспорить с кем угодно, что души прежних Ниязов поселились в теле незваной рыжей гостьи. Даже в туалет теперь Степан проходил мимо волчицы с опаской, хотя та и не думала его трогать, только злобно провожала взглядом до самой калитки на огород.

Цепь она не приняла сразу. Степан попытался было вначале накинуть на нее ошейник, но волчица, почувствав недоброе, вскочила на ноги и зарычала так, что Степан понял – шутить с ним рыжая не будет. С детства приспособленные перекусывать кости, крепкие зубы ее белели угрожающе.

Артемка же с волчицей сразу нашли общий язык, только что колхозных овец не пасли – дядя Вова не осмелился подпустить ее к колхозному стаду, мало, что у зверя на уме, потом отвечай перед всем честным народом.

С мальчишкой играла так, словно совсем не была волком. Ревнилась, как предыдущий, маленький Нияз. Так же ласкалась к нему, так же лизала лицо влажным шершавым языком, заставляя Артемку задорно хохотать. И двор сторожила исправно. Даже мышь мимо нее не могла проскочить незамеченной.

Набожная баба Настя, из дома напротив, сказала Люське, что неспроста волчица пришла к ним из леса. Наверняка послал ее боженька для искупления собственных грехов. Задрала собаку, будь добра, замени ее и послужи. И волчица, служила, как могла. Вдвоем с Артемкой иногда даже Аксинью выгоняли на вечерний выпас.

Степан, наблюдая, как Артемка носится по двору с волчицей или, сидя на корточках, разговаривает с ней возле конуры, выходил из себя.

– Ты только посмотри, что творит, – говорил Люське. – Где такое видано, чтобы волчица с людьми жила? Добром это не кончится. Или сама всю нашу скотину задерет, или своих головорезов из чащи вызовет. Разве не знаешь – сколько волка не корми, он в лес смотрит.

Люська соглашалась с ним, боясь, что на самом деле волчица что-нибудь здакое выкинет, зверь ведь. Да и за сына опасалась. Сегодня волчица, как ручная собачонка, но какая завтра будет, никто не знает.

Степану того и надо. Заручившись поддержкой Люськи, он теперь только и ждал удобного случая, чтобы расправиться с непрошеной гостью.

6

Такой случай не заставил себя долго ждать. Время от времени волчица на пару дней, на удивление всем, уходила в лес. Однако возвращалась, как ни в чем не бывало забиралась в конуру и дальше продолжала выполнять свои нехитрые сторожевые обязанности. Что ее в эти дни гнало в чащу – тоска по логову, стае, либо по детям – никому было неведомо. Но и через некоторое время волчица так же ушла и так же вернулась, заняв прежнее место.

Так минул сентябрь и первая половина октября. Дядька Степан едва не покернел от ожидания. Мало того, что волчица не принимала его как хозяина, она и соседскую Клавку отшугнула. Кто пойдет во двор, охраняемый волчицей не на привязи?

Уж сколько способов извести ее перебрал в голове Степан, но все они на поверку оказывались неприемлемыми – волчица ни на шаг к себе Степана не подпускала, к тарелке с пищей, подсунутой им, не прикасалась, застрелить ее во дворе Степан не осмеливался. Оставалось ждать, когда она снова потягнется в лес, и там прикончить негодную.

Степан стал пристально следить за волчицей. Еще в прошлые разы подметил, что перед тем, как уйти, она один, два вечера нетерпеливо бегала вдоль забора, за которым начинались огороды, потом, вскинув морду, замирала на несколько секунд и будто прислушивалась к чему-то. За огородами начиналась лесная опушка. Там волчица исчезала, когда приходил срок, и оттуда появлялась, когда наступала пора возвращаться.

В один из вечеров Степан увидел в окно, что волчица нервно трусит вдоль забора, останавливается время от времени, задирает голову. Верный признак того, что сегодня или завтра отправится в лес к своим.

Степан снял со шкафа двустволку, загнал в дуло патроны. Люська побледнела:

– Ты что задумал, Степан? Неуж Нияза порешить?

– А ты что предлагаешь? Она и так от нас всех соседей отвадила. Да и мне порядком надоело выслушивать постоянные упреки в том, что волчица наша ночью по деревне живностью промышляет.

– Но ты же сам знаешь, что это неправда.

– Правда или неправда, никому не докажешь. У нас во дворе живет волчица. Факт? Факт. На цепи не сидит? Всякий знает. Так что даже хоть сам председатель забьет на ферме барабана, обвинят волка. Он есть, и он страшен. А мне не нужны лишние неприятности.

Люська возразить Степану не могла. Он был прав. Нияз в волчьем облике представлял собой опасность.

- Только ты уж поосторожней там. Темнеет теперь быстро, в темноте что увидишь.

Степан вышел во двор. Волчица прошмыгнула сквозь щель в заборе на огород, никак не отреагировав на его появление. Видно, лес упорно звал к себе.

Бывалый охотник Степан дал волчице чуть оторваться. Потерять ее из виду не боялся. Несколько уходов наверняка оставили след, пусть на первый взгляд и неприметный. Он пойдет по нему и может даже выйдет на логово. А там сюсюкаться долго не будет. Не в его правилах.

Ветер, дувший со стороны деревни, был как нельзя кстати. Степан, крадучись, вошел в лес. Редкие стволы осин и елей напряженно замерли, но в кронах еще перекликались птицы, и мягкий свет свободно просачивался сквозь листву. Однако стоило ему чуть углубиться, как звуки постепенно начали глохнуть, стволы сдвигаться плотнее, свет тускнеть. Это, впрочем, не остановило Степана, он жаждал мести. Да и другого случая разделаться с волчицей могло не представиться. Нельзя было упускать такой возможности.

Степан сосредоточился на следах. Но волчица, как оказалось, не больно-то и старалась от него ускользнуть. Как нарочно, исчезнув из поля зрения, тут же возникала чуть в стороне, виляя между деревьями, все время оставаясь на виду.

В запале Степан и не заметил подвоха. Лишь когда еще больше стемнело и волчица неожиданно пропала, он остановился. Сердце замерло в недобром предчувствии. Степану показалось, что между деревьями замелькали серые тени. Волки? Она все-таки каким-то образом вызвала их. А его заманила в западню, шельма.

Степан выругал себя за оплошность. Как он мог так опрометчиво попасться на ее удочку? Почему сразу не догадался о коварстве? Но даже если и так, он им так просто не дастся, они зря рассчитывают на легкую добычу, не на того напали! Степан готов был драться с ними хоть голыми руками, злость только придавала ему сил. Но мрачные тени вокруг него все сгущались...

Артемка вернулся домой с улицы, лишь когда начинало темнеть. Сегодня они с мальчишками копались в песчаном карьере, искали «чертов» палец, да так и не нашли. Видно тот, кто пустил о нем слух, решил посмеяться над доверчивыми малышами. Но все равно, несмотря на неудачу, день прошел увлекательно.

Мать сразу усадила сына ужинать. Артемка сел у окна, выходящего во двор, схватил со стола корочку хлеба, стал грызть.

— А где Нияз? — спросил, не увидев на обычном месте волчицу.

— Нияз? — переспросила мать так, как будто не поняла вопроса. — Был здесь. Может, в лес ушел? Две недели как прошло с прошлого раза.

— А, — задумчиво протянул Артемка. — А дядя Степан?

— Еще с работы не возвращался. Ешь, — поставила Людмила перед Артемкой миску с вареной картошкой. Артемка принял се рассеянно есть. Мысли, видно, не давали покоя. Неожиданно он сорвался, проскочил в родительскую спальню и, забравшись на кровать, заглянул на шкаф. У Людмилы душа в пятки ушла.

— А ружье? Куда делось ружье? — выскочил Артемка обратно в кухню и, не услышав от матери ответа, опрометью метнулся во двор.

— Артемка, сынок, сынок! — заторопилась за ним Людмила. И только выскочила из дома, как со стороны леса один за другим громко раздались два выстрела. Артемка оцепенел, Людмила побледнела. Только и смогла, что прижать к себе испуганного сына. Слова комом застяли в горле.

А из лесу вскоре прозвучали такие протяжные волчьи вои, что по деревне, как по команде, разом взорвались все собаки.

Людмила крепко стиснула сына. Глаза Артемки заволокло слезами. Так и стояли они неподвижно, пока не смолкли леденящие звуки в лесу и деревенские собаки.

А чуть позже — не прошло и часа — у калитки заднего двора появился дядька Степан. Без ружья, рубашка порвана, грудь исцарапана, весь в крови.

Первым заметил его из окна Артемка, крикнул матери, выскочил наружу, замер во дворе. Дядька Степан показался ему каким-то разбитым, выпотрошенным. Он с трудом открыл калитку, как мешок, плюхнулся на землю, потом поднялся на четвереньки и на четвереньках, едва переставляя конечности, добрел до конуры, упал и свернулся возле нее калачиком. Артемка поверить не мог. Осторожно приблизился к дядьке Степану и опустился на колени. Дядька Степан взглянул на Артемку жалобным взглядом побитой собаки и положил окровавленную голову ему на колени. Артемка погладил дядьку Степана по плечу:

— Не бойся, Нияз, не бойся, больше я тебя в обиду никому не дам.

Выскочившая вслед за Артемкой Людмила едва не лишилась дара речи.

КРАСНЫЕ РУКИ

– Это всё чепуха! Ничуточки не страшно! – мальчик лет девяти скептически хмыкнул. – Разве страшно? Даже не испугаешься. Кто испугался? – он пристальным взглядом обвел вокруг себя.

Сидящие на длинной скамейке ребята шести-семи лет буквально вдалились в деревянную опору. Их лица еще сохраняли тягостное выражение.

– Мне нисколечко не страшно, – не унимался старший, пытаясь поскорее отвлечься от надоедливых фантазий.

– Валь, – отозвался Валера, один из ребят, – и мне нисколечко не страшно.

Неожиданная поддержка прибавила Вале уверенности. Пара-другая минут прошла, и уже не казались пугающими ни темное, затянутое тяжелыми облаками небо, ни словно искромсаные контуры верхушек деревьев, ни мрачные силуэты приземистых деревенских домов, скрытых в густых зарослях.

Валя приехал погостить к своей бабушке, но за минувшие дни пребывания здесь еще ни с кем из сверстников не успел познакомиться, так как был немного застенчивым. Он выходил за калитку на узкую немощенную улицу, минут десять стоял, потом заходил обратно и бесцельно шатался по двору, нарушая спокойствие кур, кролей и трехмесячного чумазого поросенка Борьки.

Отсутствие товарищей и праздное блуждание нагоняло тоску, и Вале всё чаще хотелось домой, к матери и отцу. Но в один из вечеров, как обычно, он вышел за калитку и обнаружил на скамейке у бабушкиного забора стайку деревенских ребятишек, что-то с интересом обсуждающих. Валя тут же заважничал, принял вид напыщенного воробья и не спеша подошел к ним.

– Вам что, больше делать нечего, как доски колупать? – спросил Валя.

– Нечего, – сказал один из них и вопросительно уставился на Валю.

– Давайте страшные истории рассказывать. Я обожаю всякие страшные истории. А вы любите? – спросил Валя и уселся рядом с ними. – Вот одна из таких... – начал он сразу.

Мальчишки тогда и не заметили, как стемнело. Расходились, как заороженные, и на следующий день под вечер вновь собирались на той же скамейке. Теперь рассказывал один из ребят. Рассказывал путано, сбиваясь, но захватил всех, даже Валю, который был очень впечатлительным ребенком.

В наступившей затем тишине он первым и очнулся:

— Это всё чепуха! Нисколечко не страшно! Вот я слыхал историю — просто жуть! «Красные руки» называется, — сказал он и тут же продолжил:

— В одной из деревень, ну почти, как наша, еще до революции на окраине жил старый помещик. Лет ему было, наверное, с сотню. Родня вся давно его оставила: сбежала за границу с беляками, а этому — какая дорога, он и ходил-то еле-еле. Так вот, любил, значит, этот древний помещик играть на пианино (оно у него в одной из комнат стояло). Играли просто так, для себя, и только поздними вечерами, когда опускалась темнота. И мелодии были все больше тосклиевые, жуткие. Люди мимо его усадьбы даже ходить боялись. Хорошо, она чуть в стороне от деревни находилась, но всё равно в тихую летнюю ночь при легком дуновении ветра иногда отзвуки мелодий доносились и до ближайших домов, и не один, уловивший их, замирал на минуту с дрожью — такими зловещими казались им и тот дом, и те мелодии.

Так продолжалось каждый день, пока, наконец, однажды звуки не умолкли, и всю ночь, будто плача, заунывно выла собака. Когда на следующее утро крестьяне зашли во двор, то нашли дохлую собаку и распахнутую настежь дверь дома. Бывший помещик лежал лицом на клавишах, одна рука его свисала, другая покоялась рядом с лицом. Остекленевые глаза помещика были широко раскрыты, а на губах застыла чудовищная улыбка. Ужасный лик. Труп. Остывший мерзкий труп!

Вали обвел глазами ребят. Видно было, что они заинтересовались его выдуманной историей. Мало того, поверили ему, приняв рассказ за чистую монету.

У Вали при виде их оцепенения возникло желание еще пуще напугать ребят, заставить их просто дрожать от страха. И он продолжил:

— Похоронили помещика на их родовом кладбище неподалеку от усадьбы, а в самом доме устроили деревенский клуб. Пианино поставили в одной из комнат, сделав там Красный уголок. Так бы оно и пылилось там, не приедь через пару недель в деревню новая молодая учительница. Так как лучшего здания для школы не нашлось, в отдельных комнатах клуба устроили классы. Учительница стала жить при клубе. Места было достаточно. На удивление всех, она замечательно играла, и пианино ей понравилось. Часто после уроков учительница садилась за него. А однажды ночью проснулась от странных звуков за стеной, как будто кто-то играл. Поначалу она решила, что это кто-то из молодежи балуется, но, взглянув на часы, поняла, что время за полночь, и клуб давно закрыт. Не без боязни прошла учительница в Красный уголок и заглянула туда. Крышка пианино оказалась открытой, а по клавиатуре бегали красные кисти рук, обрубленные по самые запястья. Красные руки...

Валя приглушенно зашептал, увидев, как сжались малыши.

– Красные руки! Представьте: в слабом освещении, на черном фоне пианино – красные руки! Тонкие, длинные, красные пальцы. Они то замирали неожиданно в каком-нибудь месте, то срывались в быстром беге, устремляясь по черно-белой клавишной дорожке.

При появлении учительницы, музыка зазвучала сильнее, громче. Красные руки будто узнали о появлении постороннего, но всё равно продолжали играть. Играли, играли, играли. Длинные, тонкие, красные пальцы. Онемевшая учительница и не заметила, как мелодия стихла. Она стояла в оцепенении, ни в силах шелохнуться, невмоготу оторвать взгляда от алоого кошмаря на другом краю комнаты. Наконец, обессиленные или умиротворенные, красные руки осторожно прикрыли крышку пианино и замерли на её черной поверхности. Через минуту свечение их угасло, и весь клуб погрузился во тьму. Красные руки полностью растворились в ней.

Валя замолчал. В наступившей тишине было слышно только звучное треньканье сверчка и скрип висящего на столбе фонаря, который слегка раскачивало налетающим порывом ветра. Деревья готовились ко сну.

– А дальше, Валь? – раздался вдруг голос Валерки. И этот вопрос оказался для Вали таким неожиданным, что он даже вздрогнул и почувствовал, что прежняя уверенность в себе исчезла. Но делать нечего. Вале показалось, что свести свой рассказ к шутке он не сможет, что уже нечто потустороннее начинает довлесть над ним и заставляет продолжать вопреки возникшему страху.

– Дальше? – неуверенно начал он. – Дальше – хуже. Концерты продолжались каждую ночь, в одно и тоже время. Учительница стала просыпаться в один и тот же час, на удивление, не обнаруживая и тени сна. И что-то всегда толкало её идти в ту комнату, смотреть, как бегают по клавишам красные руки, ощущать, как засасывают её жуткие звуки. Не смея никому рассказать о своих кошмарных ночных, она попыталась узнать хоть о чём-то, что могло натолкнуть её на мысль о появлении странного музыканта. В том, что это был не сон, она убедилась в первую же ночь, а потом настолько свыклась, что уже ничуть не страшилась и часто очарованно заслушивалась льющимися из пианино мелодиями. Она разузнала, что раньше пианино принадлежало бывшему владельцу дома, который часто играл на нем поздними вечерами, и что он умер и похоронен неподалеку.

Будучи очень суеверной и веря в существование души после смерти, учительница решила, что вероятнее всего на том свете бывшему помещику не хватает единственной земной радости – музыки, поэтому он продолжает приходить сюда ночами, играть и наслаждаться своей игрой.

«Через сорок дней, – сказала ей одна древняя старушка, – душа его успокоится и уйдет в мир иной. А пока она мается, бродит по старым местам, прощается с прежними чувствами. И беда, если она возненавидит всё, что так или иначе помешает ей в этом или попытается отнять у неё последнее, что осталось от прежнего мира».

А был это уже тридцать пятый день, как отпели помещика. Дождаться последних пяти, казалось, нет сил. Учительница совершенно перестала прикасаться к пианино, но так же ночами вставала, шла в Красный уголок и слушала, слушала, потому что не могла ни заткнуть пальцами уши, ни вообще пошевелиться, не то, что уйти или убежать. Власть красных рук, власть невероятной силы была во сто крат сильнее её.

В ту же ночь, как учительница вернулась от старухи, звуки были еще резче, еще громче. Они больше не были такими чарующими, как прежде, а были жуткими, режущими слух и сдавливающими сердце, то замирая в томительном пиано, то обрушиваясь зловещим форте.

«Что-то должно непременно случиться. Непременно», – подумала учительница, не предполагая даже что. Упав в постель, она мгновенно уснула, и снилось ей, что один из её учеников, именно тот, чьей семье достались остатки вещей покойника, стал тонуть. Захлебываясь, взмахивая руками, мальчик пытается выбраться на берег, но что-то упорно тянет его на дно, тянет, не отпуская. И снилось, как взмахнул он в последний раз вверх руками и быстро погрузился в воду, оставляя после себя на поверхности лишь расходящиеся круги да лопающиеся вокруг воздушные пузыри.

На рассвете учительница подхватилась, оделась и, не взирая на раннее утро, помчалась к дому своего ученика. На судорожный стук учительницы открыла мать мальчика, сильно удивилась, сказала, что её сын спит, что всё с ним нормально, и спросила, отчего такие страхи. Учительница в ответ только настоятельно попросила никуда мальчика после школы не отпускать и, ничего больше не объясняя, убежала. В тот же день мальчик утонул. Мать его набросилась на учительницу: «Зачем, почему?» Что могла она ответить? «Не знаю, не ведаю, не объясню». Кто мог догадываться, как было тяжело ей, как мучительно...

А красные руки все играли по ночам, и до сорокового дня оставалось двадцать шесть часов, каждый из которых был часом мучений, боли и неизвестности.

На тридцать девятый день учительница решила отнести на могилу покойника цветы. Ей казалось, что того можно умилостивить.

На кладбище она пришла спокойная, уверенная, с букетом цветов. Разыскала свежее надгробие, положила цветы и сказала: «Прости за всё нас,

близоруких. За то, что не замечали мы твоего дара, за то, что не верили в твой талант. За всё, за всё прости нас и не тревожь. Нас ждёт та же участь, и та же земля покроет нас». Сказала и умолкла в ожидании, но никто ей не ответил. Стем и ушла. В тот вечер в Красном уголке вновь звучала музыка, но уже не так устрашающе, а тихо и мягко. Но и эта чарующая мелодия коварно обволакивала сердце и разъедала душу учительницы.

О, пламя сердца! Тебя зажечь любое чувство может, любая музыка тебя воспламенит!

Валя неожиданно умолк, испугавшись последних слов. Они не могли исходить из него. Так он никогда не говорил, даже слов таких не знал, не то, чтобы сложить стройный ряд предложений. И то, что он так связно всё сумел изложить, испугало его сильнее, чем испугало бы, может быть, само действие: шум ветра, качание фонаря и треньканье сверчка во вдруг наступившей тишине...

Расходились по одному. Валерка жил на другом конце деревни. После страшного рассказа ему тоже стало боязно, поэтому он попросил его проводить. Валя согласился. Любопытство вскоре, однако, взяло верх.

– Ты расскажи, – попросил он вдруг Валю, – что дальше было.

– Дальше? Дальше было страшно. Остались считанные часы до наступления сорокового дня. Музыка играла тихо, и ничто не предвещало беды. Учительница уж совсем привыкла и слушала, как зачарованная, но всё ждала, что что-нибудь случится – таким роковым казался ей тот последний день. И будто кто-то управлял ею весь вечер.

В тот же день она еще раз посетила могилу помещика, но не плакала, слез совершенно не было, только неясная печаль закралась в сердце и не хотела ни выйти оттуда, ни уйти. А помещик, казалось, как знал об этом: играл в предыдущую ночь всё ярче, живее, вновь и вновь околдовывая учительницу. И всё бы хорошо, но мысль, что тот злополучный день приблизился, что вот-вот он наступит, съедала её. И вот в двенадцать ночи учительница идет на кладбище и вновь несет цветы помещику на могилу. И снова просит быть благоразумным, понять, что нужно быть терпимее, добрей, тогда только можно навсегда успокоиться.

Стоило ей произнести это, как тут же поднялся ветер, зашумела листва, раздался крик совы. Потом всё разом смолкло и будто замерло. Учительница все приняла за знак, за намек, что понята и больше ей бояться нечего. Тогда она неторопливо поднялась, отряхнула приставшую к коленям пыль и собралась было уходить. Но стоило ей только обернуться и посмотреть назад, как что-то крепко схватило её за шею и стало душить. Учительница рванулась, вырвалась и оглянулась, чтобы посмотреть, кто всё-таки напал на неё, но перед собой увидела лишь обрубки рук – знако-

мые красные кисти. Она так поразилась, что не смогла даже двинуться с места. Спина уперлась в железную решетку ограды. Она даже не услышала своего крика, ибо красные руки в ту же минуту вновь стиснули ее и сдавили еще сильнее, не дав вырваться последнему выдоху, засевшему в груди...

Валя умолк и посмотрел на приятеля. Лицо Валеры в сумрачном отблеске фонаря казалось бледным и испуганным. И Вале вдруг захотелось напугать его еще больше. Коварная мысль вызвала какое-то сладкое чувство торжества и превосходства. Он сказал:

– Слушай, дальше я не пойду – обещал бабушке вернуться рано, а дом твой уже близко.

Сам быстро пошел назад, но только зашел в тень, свернул в проулок и побежал, что есть духу, чтобы оббежать полуразрушенный сарай, оставшийся от бывшего здесь ранее хозяйства. И рассчитал так: Валере, чтобы добраться до своего дома, надо пройти мимо кладбища, и там он обязательно пройдет – одна дорога. Тем временем сам Валя добежит до кладбища и сделает всё так, что Валера, находясь под впечатлением истории, услышав шелест листвьев и тошнотворное завывание, что Валя мог мастерски исполнить, стремглав помчится к дому. Валя же вслед ему забавно посмеется, потешится.

Так и случилось. Валя добежал до первых памятников, приблизился как можнотише к выходящей на дорогу кладбищенской ограде и, обхватив две тонкие осины, стал расшатывать их, склестывая ветви и одновременно протяжно – по-волчьи – подывая.

Валера, было видно, съежился, сжал кулаки и, медленно продвигаясь, стал внимательно прислушиваться к шуму, доносящемуся с кладбища. И только его ушей достигло глухое завывание, как он стремительно сорвался с места и побежал, что есть духу, вздымая за собой горы пыли.

Валя дико рассмеялся, позабыв и прежние страхи, и то, что он сейчас находится на кладбище в поздний час. Его забава удалась! Он радовался и ликовал, издавая звуки еще ужасней и страшнее, с удвоенной силой раскачивая деревья и торжествуя.

Но только захотел еще громче крикнуть, чтобы испугать и не уснувшую округу, как что-то крепко схватило его за шею и с силой сжало. Он лишь заметил алое свечение от тех мест, где должны были находиться рукава.

Красные руки!

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ДОРОГЕ

Кирилл забрал жену из Домодедово в десять утра. Самолет прилетел без задержек. Но жена была на взводе. Сухо сказала: «Привет», едва коснувшись его губ и ничего не ответила на вопрос «Как съездила?»

Только в машине, забравшись на заднее сиденье и вжавшись в угол, процедила сквозь зубы:

– Я звонила тебе вчера весь день. И на мобильный, и домой. Послала три сообщения. Ни на одно ты не удосужился ответить. Я что, так уж опротивела тебе? Или ты снова был у *неё*?

– Ирина, здравствуйте, – Кирилл попытался хоть как-то снять витающее в воздухе напряжение. Но Ирина и слушать не хотела:

– Ты все-таки был у нее вчера. Даже накануне моего приезда не мог оторваться от этой сучки. Я для тебя что, совсем уже ничего не значу?

«О боже! – жарким огнем вспыхнуло у Кирилла. – Опять о том же».

– Ладно, хватит! – бросил он озлобленно. – Нам еще полдня ехать. Оставь свои разборки для дома.

Кирилл стал заводить машину.

– Значит, ты все-таки был у нее? Да? Был?

– Да заткнешься ты или нет, в конце концов? Ни у кого я не был. Хватит выдумывать!

Кирилл быстро сдал назад, потом резко переключил коробку скоростей. Рука так и чесалась вырвать ручку переключения с потрохами.

Ирина насупилась и замолчала. Кирилл вырулил на шоссе.

Конечно, он поступил неразумно, оставшись вчера у Марины на весь день и выключив по ее просьбе мобильный. Но разве можно было противиться жару, исходящему от ее умопомрачительного тела, взгляду, пробирающему до мозга костей, бурлящей в глазах ненасытности? От одних воспоминаний об этом у него начинает зудеть низ живота. Надо признать, он совсем потерял от нее голову. С той самой минуты, как впервые увидел ее у Ирины на фирме и почувствовал, как между ними молнией проскользнула искра желания. С тех пор Кирилл больше ни о чем не мог думать, пока не утонул в объятьях девушки. Но и это не остудило. Страсть, с которой Марина каждый раз набрасывалась на него, ошеломляла. Ненасытность – поражала. Ирина так же иногда была страшна и нетерпелива в желании, но то уже была страсть притихшая, бесцветная, не заводившая. Марина же от макушки до кончиков розовых ногтей на пальцах ног горела испепеляющей похотью.

Кирилл попытался уйти от мыслей о Марине. Надо было сосредоточится на дороге. Тем более автомобиль выезжал на трассу.

Ирина упорно молчала, отвернувшись в окно.

«Ну и хорошо, – подумал Кирилл. – Пусть успокоится».

Полчаса они ехали в абсолютном молчании. Одна за другой мимо проносились машины, постепенно, по мере удаления от столицы, редея и редея. Кирилл прибавил скорости. При хорошем раскладе домой можно было добраться часа за четыре. Но Ирина опять принялась за свое.

– Не пойму, что ты в ней такого нашел? Кожа да кости, стервозная, вечно ужасный маникюр...

– Заткнись, – бросил Кирилл раздраженно и еще больше вдавил педаль газа.

– Скотина. Какая же ты скотина! И я еще унижаюсь перед ним. Останови машину. Немедленно. Я выйду, – Ирина была настроена решительно.

– Не ерунди. Что ты несешь?

– Ты что, не слышал меня. Тормози, дрянь. Я и километра больше не проеду с такой сволочью!

– Ирина, не дури. Успокойся.

– Не успокаивай меня, скотина. И эта сучка хороша. Тормози, я выйду!

– У тебя совсем крыша поехала? Сиди, не дергайся.

Но Ирину уже нельзя было удержать.

– Останови сволочь! Кому сказала! – Заколотила она маленькими кулаками по его плечу, задевая, впрочем, и голову и шею.

– Ты что, совсем с ума сошла? – попытался Кирилл отмахнуться от нее, но только подлил масла в огонь – Ирина еще хлеще заработала кулаками, больно ударяя по затылку. Кирилл не выдержал, развернулся как мог и попытался оттолкнуть ее назад свободной рукой.

Ирина не сдавалась, стала драться как разъяренная кошка. Кирилл почувствовал, как машину повело влево и попытался хоть одним глазом взглянуть на дорогу, но острые ногти Ирины царапнули ему лицо.

– Ах ты, дрянь! – взвизгнул он и только теперь осознал, что выскочил на встречную полосу и как угорелый несется навстречу «Камазу».

Кирилл резко крутанул руль вправо, но выровнять «Фольксваген» не успел. Автомобиль пулей слетел с трассы и на всей скорости врезался в дерево.

Когда Кирилл очнулся, то почувствовал, как сильно гудит голова. Сколько он был в отключке? Пять, десять минут, полчаса? Что с ними случилось? И что с Ириной?

Мысль об Ирине словно пробудила его. Он посмотрел налево и увидел, что Ирина, не оборачиваясь ни на секунду, медленно уходит от него по трассе.

«Куда же ты?» – подумал Кирилл и вдруг заметил впереди нее на некотором расстоянии мчащийся навстречу на скорости автомобиль. Мигнут через пять-семь он окажется здесь. Неужели она не видит его?

«Ирина!» – хотел было крикнуть Кирилл, но не услышал ни слова.

«Надо окликнуть ее, сказать...»

Кирилл поспешно вылез из машины, выбрался из кювета, как мог быстро пошел за Ириной, не понимая, почему он не может выкрикнуть ни звука, что стало с его голосом. Из горла раздавались только предательские хрипы. А встречный автомобиль все приближался, и Ирина почему-то не сворачивала в сторону.

«Она что, решила покончить жизнь самоубийством? – забеспокоился Кирилл. – Сумасшедшая!»

Надо было во что бы то ни стало остановить ее.

«Вот дура!» – не знал уже Кирилл, какими словами ругать жену. Он явно не успевал. А теперь и на все сто был уверен, даже если и вырвался бы из его горла крик, Ирина никак бы на него не отреагировала.

«Но может, она не видит встречный автомобиль? Может, после аварии совсем не понимает, что делает и куда идет? Надо попытаться догнать ее и увести в сторону».

Кирилл заторопился, но быстрее не пошел, последствия травмы давали о себе знать.

Меж тем встречный автомобиль все приближался, и вскоре Кирилл и подумать не успел, как тот на всем ходу подлетел к Ирине и... пронесся сквозь нее и мимо Кирилла, даже не просигналив.

Кирилл онемел. Такого не бывает! Такого просто не может быть, чтобы сквозь человека во плоти, как сквозь воздух, пронеся кусок железа.

«Что же случилось с нами?» – подумал Кирилл и в тот же миг ощутил, как его слегка повело, будто качнуло на волнах, и сквозь него из-за спины так же промчался автомобиль и быстро, на глазах, превратился в маленькую точку.

Кирилл с ужасом повернул голову, и взгляд его ненароком упал на врезавшийся в дерево родной «Фольксваген».

На заднем сидении он увидел откинувшуюся назад Ирину, на переднем – себя, уткнувшегося окровавленным лицом в стекло.

Кирилла как с головы до ног окатили колодезной водой.

МОЯ МЭРИЛИН

Фуршет затянулся до восьми. Владимир заранее знал о нем, поэтому еще вчера сказал жене, что может немного задержаться. Он мог, конечно, ничего ей и не говорить: подобные мероприятия в их фирме заканчивались обычно не позднее шести, к тому же Людмила сегодня отправлялась на шейпинг, но на всякий случай Владимир решил перестраховаться и все-таки предупредить ее: мало ли что. Так оно и вышло. Шефу вдруг захотелось расслабиться, и он, стоя возле столика с закусками, без галстука и пиджака, криво улыбался и что-то нашептывал на ухо бледненькой Ирине, их менеджеру по сбыту, отчего та время от времени игриво прысала и принимала от шефа то кусочек колбасы, то сыра.

Отмечали день рождения Кирилла. Кирилл руководил отделом маркетинга. С Владимиром они дружили давно. Кирилл, собственно говоря, год назад и перетянул сюда Владимира. Коллектив ему нравился, его тут уважали.

Кирилл пообещал Владимиру, что по окончании подбросит его домой на машине. Сегодня ему не придется, как всегда, долго ждать своего трамвая.

— Кстати, не слыхал новый анекдот про трамвай? Один приятель говорит как-то другому: «Снился мне, говорит, сон, будто работаю я водителем трамвая. Еду, а на остановке ты стоишь. А я — туда-сюда, туда-сюда!..» Находчивому другу палец в рот не клади, он парировал друга: «А мне, говорит, снилось, будто сижу я дома, вдруг — звонок в дверь. Открываю — батюшки родны! — Мэрилин Монро в прозрачном пеньюаре. Только впустил ее, снова звонок. Распахнул — Мадонна почти что в чем мать родила! Ну, посадил я, значит, Мэрилин на одно колено, Мадонну на другое и думаю: «Что с ними двумя делать?» Приятель его не удержался и как завопит: «Надо было меня позвать, дурень, меня!» — «Так я выскоцил, — сказал ему друг, — а ты — туда-сюда, туда-сюда...»

Раскохотались. Анекдот на редкость бесподобный. Но вот и доехали. Владимир попрощался с Кириллом, поднялся к себе. Вечером рассказал анекдот жене. Она тоже долго смеялась. После ужина смотрели телевизор, легли в постель в одиннадцать, Людмила тесно придвигнулась к Владимиру. Заснули быстро, видно, сказалась усталость — у Владимира был тяжелый день, потом эта вечеринка...

Ночью раздался звонок в дверь, потом еще один. Владимир спросонья ничего не понял. Жена спала. Он встал, включил свет в прихожей,

подошел к двери, открыл её. На пороге стояла Мэрилин Монро в прозрачном пеньюаре. Совсем как в том анекдоте. Владимир глазам своим не поверил. Но разве можно с кем другим спутать эту яркую блондинку с аккуратно выщипанными бровями, тонким прямым носиком, чувственными губами, обворожительно-лукавыми глазами и очаровательной улыбкой? Она неторопливо приблизилась к Владимиру и сладко поцеловала. У Владимира голова пошла кругом...

Рассказать жене о подобном, значит, показаться просто смешным. А показаться смешным женщине, для мужчины значит потерять часть уважения. Владимир поступил мудро: о сегодняшнем сне жене он ничего не поведал, поделился только с Кириллом. Посмеялись вместе. Помечтали, как мечтают все мужчины. Действительно, как хочется иногда вот так распахнуть настежь дверь и обнаружить за ней умопомрачительную и не равнодушную к тебе красотку.

— Так ты теперь на Людмилу и не посмотришь, — подначил своего друга Кирилл, — к тебе ж сама Мэрилин Монро приходила!

— Да перестань ты, — отмахнулся от него Владимир, — то был только сон. Разве тебе такое никогда не снилось?

— Чтобы с самой Мэрилин? Никогда!

— Ладно врать-то. Может, не Мэрилин, но кто-то ведь снился.

На следующий день рано утром Владимир уехал в Москву в командировку. Вернулся обратно за полночь. Людмила уже спала. Владимир не стал её беспокоить, выпил чаю и тихонько прилег рядом.

Ночью к нему снова явилась Мэрилин. Было неловко заниматься любовью с чужой женщиной в присутствии жены, пусть и безмятежно спящей. Но Мэрилин была настойчива и на редкость обольстительна, а сон Людмилы крепок.

Утром Людмила приласкалась к мужу. Спешить было некуда: выходной, однако Владимир оказался несостоятелен. Людмила отнесла всё на счет вчерашней командировки. Наверное, сильно вымоталася. Владимир согласился с ней, хотя и не сказал, что всю ночь провел в объятиях Мэрилин. В принципе он допустил, что ночная эмоциональная перегрузка могла привести его к подобному физическому ослабленному состоянию, но реально ли всё это? Он ведь даже в мыслях никогда не изменял жене и по-прежнему любит её. Разве какой-то сон способен расстроить их реальные отношения? Владимир сомневался.

Но вечером снова оплошал. Тут уж жена посмотрела на него вопросительно. Владимир перевел всё на шутку, мол, с кем не бывает: стресс, черная полоса и всё такое.

На работе у него тоже пошел какой-то спад. Одного крупного клиента он чуть не упустил (спасибо, Кирилл вовремя оказался рядом), с поставкой сатина получилась нелепая задержка по вине поставщиков, но шеф посчитал виновником этой задержки Владимира: он должен был буквально висеть на шее у поставщика. Однако когда и в очередной раз Владимир опростоволосился, Людмила учинила ему настоящий допрос:

- Ты меня разлюбил.
- Нет, я люблю тебя, как и раньше.
- Значит, у тебя кто-то есть.
- Никого у меня нет, не говори ерунды.
- Почему тогда ты ко мне охладел?
- Не знаю. Во мне будто отключилось что-то.
- Я тебе не верю. Ты все врешь. Кто она? – Людмила расстроилась, чуть ли не до слез.

Владимир попытался обнять жену, но она резко оттолкнула его руку:

– Не прикасайся ко мне, уйди, оставь меня! Как ты мог, как ты мог?! Я лучшие годы своей жизни тебе отдала ...

Людмила убежала от него в спальню, упала на кровать и зарыдала. Владимир не решился пойти к ней, не знал, что сказать, как объяснить, что всё происходящее с ним какая-то нелепость, что он остался верен ей как душой, так и телом. Ведь нельзя жеочные наваждения принимать всерьез, даже если в них ему и неописуемо хорошо.

– Может, тебе обратиться к психиатру или к сексопатологу, – посоветовал, выслушав его внимательно, Кирилл. – Быть может, все твои видения и слабость – следствие какой-нибудь стрессовой ситуации. Врач выпишет пару-тройку пилюль, поглотаешь недельку, будешь как огурчик.

- Думаешь?
- Просто уверен! И возьми пару дней отгулов, у тебя же есть переработки. Сейчас нагрузки почти нет, справимся без тебя. А с шефом я переговорю.

– Спасибо. Хоть ты мне веришь.

– Да ладно, пустяки, сочтемся.

Владимир последовал совету Кирилла и на следующий день прямо с утра отправился в поликлинику.

Сексопатолог, круглолицый розовощекий увалень с огромным нескрываемым интересом выслушал его. Интерес этот так и лез из его похотливых опухших глаз. Владимир смотреть в них не мог, уткнулся в пол и стал рассказывать обо всем кафельной плитке. Сексопатологу хотелось подробностей, Владимиру скорейшего окончания приема. Сошлись на

том, что Владимир приобретет у него настоящую, а не поддельную виагру, и через недельку явится снова.

На прощание он сладко улыбнулся Владимиру и сказал с придуханием:

– И всё-таки вы везунчик – не всякому во сне является обворожительная конфетка Мэрилин.

«Да уж, – с раздражением подумал Владимир. – Везет, дальше некуда!»

Вечером о своем визите к сексопатологу он рассказал жене. Владимир никогда ничего от нее не скрывал. Людмила немного успокоилась. Конечно же, это усталость, конечно же, стресс, еще не все так страшно, процесс не затянут, Владимир пройдет курс лечения, и бывшая сила снова вернется к нему. Она искренне в это верит. Всё будет по-прежнему.

Вечером Владимир принял первую таблетку, а перед сном контрастный душ. Сексопатолог также посоветовал ему недельку воздержаться от выполнения супружеских обязанностей. Людмила с пониманием отнеслась и к этому совету.

Странно, что и Мэрилин перестала являться к нему. Владимир надеялся, что всё произойдет не так быстро. Все-таки что-то в его душе она затронула. Зато виагра действовала эффективно. Уже и днем её действие сказывалось. Владимир дождаться не мог возвращения Людмилы с работы, и только она переступала порог, он, как изголодавшийся самец, буквально набрасывался на нее.

– Погоди, погоди, озорник, – шутливо отталкивала Владимира жена, радуясь его выздоровлению.

Всё стало, как и прежде. В семье снова воцарились мир и согласие.

Измотанный уже реальным общением, Владимир счастливо засыпал, ощущая на своем плече приятную тяжесть головы жены. Никто теперь не мог ее заменить, никакая Мэрилин, никакая Мадонна. И Владимир был уверен: раздайся сейчас звонок в дверь и появись эфемерная Мэрилин, он просто и легко скажет ей: «Гуд бай, подруга, езжай к себе в Америку!»

И все бы так, наверное, и произошло в настоящей жизни, и Владимир, влюбленный в свою жену, именно так бы и поступил, но во сне способны ли мы сдерживать себя, быть такими же твердыми в убеждениях? Сомнительно. Даже если в реальности у нас не останется ни рук, ни ног, ни гениталий.

И в ту же ночь Владимира опять разбудил звонок. Перед ним теперь, однако, предстала не только Мэрилин. Позади нее, безмятежно лучась,

переминалась с ноги на ногу, поеживаясь от холода, великолепная Мадонна в короткой белоснежной тунике.

– Здравствуй, Володенька, – сладким голосом произнесла Мэрилин. – Мы к тебе в гости. Пустишь?

Владимир онемел.

– Да, – словно вдруг вспомнила о чем-то девушка и лукаво улыбнулась. – А это тебе от моей подружки, – протянула она к нему руку, и Владимир увидел на её ладони знакомую упаковку виагры. – Так, на всякий случай.

2002

ЖИТЕЛИ ТЬМЫ

Перед выходными студент Жигалов неожиданно получил из деревни телеграмму: «Приезжай скорее, бабушке плохо».

Делать нечего, Жигалов быстро собрался, предупредил друзей о том, что последующие два дня его на лекциях не будет, и поспешил на автовокзал, чтобы успеть хоть на последний автобус в свою сторону.

Билеты, к счастью, были. В пять вечера, как и следовало по расписанию, сине-белый «Лаз» неторопливо вырулил на трассу.

Надо сказать, от областного центра, где в одном из вузов учился первокурсник Жигалов, до райцентра, в округе которого располагалась его родная деревня, четыре часа езды, потом часа три ходу. Но Жигалова это мало беспокоило: для них, деревенских, отмахать восемь-десять километров по бездорожью с детства было делом привычным. Даже в школу каждодневно он ходил за три километра.

Единственное, что угнетало его, так это встреча с бывшей подругой, оставшейся жить в деревне и не так давно брошенной им ради бойкой и смазливой горожаночки, охмурившей его на дискотеке.

Когда он с месяц назад рассказал деревенской Тамарке о своем новом увлечении, она вспыхнула, как копна прошлогоднего сена, зыркнула на него озлобленно и, метнув короткое «я не прощу тебя», пулей выскочила за дверь.

Ему показалось даже, что в ее черных, как уголь, глазах, сверкнули яркие жгучие огоньки.

– Зря ты ее так, – упрекнула тогда его бабушка. – С Тамаркой надо ладить, в ее роду одни ведьмы были, не случилось бы чего.

– Да чего может случиться, – сказал ей на это бесшабашный Жигалов.
– Пусть только попробует что сотворить, я ее в порошок сотру!

Сказал и забыл о Тамарке, едва вернулся обратно в город. Теперь почему-то вспомнил и никак не мог отогнать мысль о ней всю поездку к райцентру.

Образ ее, как какое-то наваждение, постоянно возникал перед глазами: то проявлялся в кронах постепенно темнеющих опушек леса, то маячил в отраженном свете за окном, то возникал расплывчатым видением на перекрестках.

Но вот и райцентр. Жигалов спустился с автобуса на въезде в город и направился по шоссе в сторону Троицыно. Там была его деревня, там ждала его родня – мать и бабушка.

Опустившиеся сумерки и затянутая облаками луна Жигалова не испугали. Все вокруг знакомо с детства: проселочная дорога, каждая деревенька на пути, каждый холм и развилка.

Можно было махнуть через лес и сократить километра три, но Жигалов надеялся, что кто-нибудь все-таки проедет по трассе в его сторону, и он доберется домой быстрее. Однако он шел и шел, шел и шел, но ни одна попутка так и не появилась за спиной.

Меж тем луна неторопливо выползла из-за облаков, слегка позолотила верхушки угрюмых елей и хмурых осин, высушила край поля и тропинку, уходящую в глубь леса.

Бессстрашье молодости и свет полной луны направили Жигалова по тропинке.

Минув через полчаса ходьбы заброшенную заимку деда Игната, Жигалов облегченно вздохнул – осталось недолго, еще минут сорок-пятьдесят. Но за поворотом луну в который раз затянуло серой массой. Жигалов свернул куда-то не туда, и когда просветело, справа от себя он опять обнаружил знакомый охотничий домик. Это было странно, но Жигалов пошел дальше, и тропинка вновь привела его на прежнее место.

«Словно черт путает», – подумал Жигалов, но не остановился, а продолжил путь. Когда же и в четвертый, и в пятый раз ему на глаза попалась заимка деда Игната, Жигалов понял, что заблудился и что будет разумнее переночевать здесь в домике, чем блуждать таким образом по лесу до рассвета.

По скошившимся скрипучим ступеням он поднялся на невысокое крыльце, открыл дверь и настороженно посмотрел во тьму. Из избушки, однако, не донеслось ни звука. Тогда Жигалов нашел небольшую лучину, зажег ее и переступил высокий порог.

Все внутри избушки говорило о запустении: затянутые густой паутиной окна, толстый слой пыли на столе и лавках, нечищенный открытый очаг. Только сухие дрова за печью да посуда на полках напоминали о том, что когда-то здесь останавливались люди. Но не стало деда Игната, заросла тропа и к его заимке.

Жигалов разжег в очаге дрова, сел за стол и стал смотреть, как весело они горят.

Убаюканный легким потрескиванием и ласковым теплом, он вскоре уснул, и спал безмятежно, сладко, так, как не спал, наверное, никогда в жизни. Скорее всего, сильно устал или переволновался.

Неожиданно что-то прервало его сон. Жигалов открыл глаза, вспомнил, где он находится, и увидел, что поленья совсем догорели в очаге, распались на отдельные угольки и едва тлеют.

Тут из темноты позади него выступил черный человеческий силуэт, неторопливо приблизился к очагу, взял из него один уголек, проглотил и пошел обратно.

Жигалов похолодел. Он заметил, что когда человек из тьмы проглотил уголек, его глаза загорелись тусклыми красными точками. Только смотрели они мимо Жигалова.

Полностью слившись с темнотой, черный силуэт сел позади Жигалова. Две крохотные красные точки продолжали гореть.

Отделилась от тьмы вторая фигура, такая же бесплотная, такая же безличная; приблизилась – как подплыла по воздуху – к очагу, взяла другой едва тлеющий уголек и тоже проглотила. Глаза ее засветились слабым светом, и она пристроилась позади Жигалова так же, как и первая фигура.

Когда четвертая фигура вслед за третьей проглотила уголек и скрылась во тьме, Жигалова пронзила беспокойная мысль, что так мрачные тени поглотят все оставшиеся угли, и он окажется в жуткой темноте.

Испугавшись этого, Жигалов как ошпаренный выскоцил из-за стола, схватил лежащие возле очага щепы, быстро кинул их на угли и стал иступленно раздувать огонь.

К счастью, щепы оказались достаточно тонкими и сухими, чтобы сразу разгореться и ярко осветить пространство вокруг очага.

Жигалов подложил еще несколько дров и пару крупных поленьев, которые нашел под печкой. Дрова довольно затрещали, пламя оживленно заплясало и, как показалось, ласково улыбнулось ему.

Вернувшись на прежнее место, Жигалов криво усмехнулся четырем парам тупо установленных на очаг красных точек – он теперь знал, как с ними бороться.

Огонь разгорался, постепенно отнимая у темноты то угол печи, то край стола, то дверной косяк. Его свет вселял в Жигалова надежду, что скоро за окном наступит рассвет, поднимется солнце и всё закончится.

Умиротворенный этой мыслью, Жигалов и не заметил, как снова уснул.

Снилась ему приглушенная дискотека, ненавязчивая музыка, безмятежной волной плывущая под потолком, и та самая девушка, которую он предпочел Тамарке и которая теперь в танце нежно прижимается к его широкой груди. Одна рука Жигалова слегка обнимает ее хрупкий стан, другая лежит на маленьком холмике бедра. Приятное тепло обволакивает их, льняной запах ее волос одурманивает...

Тут будто что-то толкнуло Жигалова. Он резко пробудился и с торопью увидел, что в очаге остались одни угольки, и очередная темная фигура проглотила один из них.

Жигалов бросился по-новому раздувать очаг, несмотря на то что из темноты выступила еще одна фигура. В этот раз ему удалось опередить незваного гостя.

Увидев вспыхнувшее пламя, черная фигура отступила и полностью слилась с темнотой.

Жигалов подложил в огонь несколько поленьев, но они, на удивление, сгорели слишком быстро. Еще одно полено превратилось в угли на глазах.

Жигалова охватил страх – так ему не хватит дров до утра!

Он посмотрел на пять пар уставившихся из темноты на очаг красных точек. Казалось, своим взглядом они усиливают испепеляющее действие огня.

Жигалов огляделся. Кроме пяти-шести небольших поленьев возле печки дров больше не было. Но с такой скоростью они сгорят в одно мгновение. Надо еще чего-нибудь разыскать.

Жигалов ринулся к двери, однако ее на месте не оказалось – сплошная стена, задрапированная темнотой. Но ведь есть еще лавки, стол; в одном из темных углов приютился колченогий табурет, – все это отлично горит, и, он надеется, поможет ему продержаться.

Жигалов бахнул табуретом об пол, тот развалился на несколько частей, и он без промедления сунул их в очаг. Туда же отправил и оставшиеся поленья. Они позволят ему выиграть время, пока он будет ломать лавки. Нет, не на того напали! Жигалов так просто им не сдастся. На-касия, выкусите!

С лавкой, однако, пришлось немного повозиться – та оказалась довольно крепкой, несмотря на кажущуюся ветхость. Но и ее в конце концов Жигалов разбил и обломки тоже препроводил в очаг.

Пламя начало постепенно поглощать дрова.

Жигалов обернулся. Красные точки в темноте немного поблекли. Может, с приближением рассвета они утрачивают силу? Или я, думал Жигалов, просто заслоняю им свет очага, от которого они подпитываются?

Он не знал, что и думать. Придвинул стол поближе к огню и взгромоздился на него, не отрывая глаз от пламени. Только сон оказался сильнее и в который раз смежил ему веки...

Жигалов вскинулся, когда ему показалось во сне, что очаг совсем потух. Но там еще тлел крупный алый уголек.

Пока он тлеет, ему бояться нечего.

И все же Жигалов с опаской покосился назад. Оттуда – из темноты – на очаг глядело уже шесть пар ярких красных точек. Они успели стянуть еще один уголек?!

Тут из темноты выступила еще большая, чем прежние, фигура, неторопливо подплыла к очагу, взяла оставшийся уголек и проглотила. Когда она обернулась, Жигалова сковал ужас: на него в упор смотрели горящие ненавистью глаза Тамарки! И как только он встретился с ними взглядом, сразу почувствовал, как они стали жечь ему глаза. И шесть пар красных точек позади будто тоже увидели Жигалова и направили на него лучи своих разящих глаз.

Жигалов и подумать ничего не успел, как тело его вспыхнуло, будто бумага, и в считанные секунды обуглилось.

2006

ЕСЛИ ВЕРИТЬ В ЧУДЕСА

Вам никогда не бывало тошно в толпе от одиночества, даже если вы достаточно предприимчивый и обеспеченный в жизни человек? Вам все удается, ваш талант и трудолюбие должно оценены, у вас есть интерес в жизни и вы в сущности совсем не пустышка. Но именно поэтому вы и одиноки. Жены боссов и ваших приятелей вас давно не интересуют, знакомства по объявлению из-за односторонности порядком надоели, озабоченные разведенки сто раз вывернули вашу печенку наизнанку. Что вам в таком случае остается, если за плечами безвозвратный сороковник, а вы выглядите еще на двадцать восемь, свои восемидесят пять кг. на тренажере выжимаете в легкую, и случайные подруги в постели от вас без ума? Остается скука, одиночество и беспредельная жажда любви. Но если со вторым и третьим вы как-то определились и в какой-то степени смирились, то первая леди из этого списка иногда нет-нет, да и берет вас безжалостно за горло, как взяла сейчас меня и не отпускает.

До Нового года остается три часа, а я уже, как говорится, сыт, пьян и нос в табаке. Боулингом пресытился, шутки сослуживцев и анекдоты, праздно порхающие над нашим праздничным столом, выучил наизусть, подруга, которую мне подсунули на новогодний вечер, какая-то желейно-студенистая, и от ее манер и жеманства меня просто тошнит. В общем, я еще не надрался до чертиков, а все уже мне порядком осто-чертело. Это плохо. Очень-очень плохо. И я вновь ухожу в себя и мечтаю о большой и светлой любви. Неужели я в свои круглые сорок не могу помечтать о самом малом – о большой и светлой любви? Неужели я для Амура совсем конченый человек и лебединая песнь любви больше не коснется меня своим хрупким ажурным крылом? Я в это не верю и продолжаю мечтать о самом возвышенном. И чтобы не чернить свои светлые мысли, тихо покидаю моих увлеченных друзей, оставляю гудящий всеми красками и звуками боулинг-клуб, и спешу на улицу, где все сияет по-праздничному, снег по пояс и легкий морозец не портит хорошего настроения. На меня накатывает бурная эйфория, и мне хочется идти неустанно куда глаза глядят, взобраться куда-нибудь повыше, широко распахнуть объятья наступающему Новому году, и я спешу на мост, продолжающий проспект, но вдруг отступаюсь, скользываю вниз, кубарем скатываюсь со склона и сильно ударяюсь головой о какую-то тумбу, будто нарочно поджидавшую меня внизу. Ну не глупец же? Захотелось всего и сразу. И что теперь?

Я открыл глаза и увидел над собой снисходительную улыбку Деда Мороза.

– Так же и разбиться недолго, молодой человек, – сказал он мне, помогая подняться.

– Да, набрался, видно, хорошо, – я стал стряхивать с себя снег.

– А ведь еще нет и двенадцати, – с той же ироничной улыбкой заметил Дед Мороз. – И вы еще не все подарки разнесли.

– Я? – удивился столь явной определенности я.

– Вы, – подтвердил, нисколько не удивляясь, Дед Мороз и показал мне на свой полный мешок. – Вот еще сколько подарков осталось,смотрите. – Заставил он меня заглянуть в торбу. Я заглянул. Действительно, там было еще много разных подарков: и машинки, и зайчики, и погремушки.

– Но почему я? – поднял я глаза на своего собеседника, но его будто и след простили. В руках моих оказалась тяжелая шуба, а сверху накладная борода, шапка и рукавички Деда Мороза.

«Чудеса! – подумал я. – Прямо как в новогоднюю ночь. Не хватало только Снегурочки».

Но и она не замедлила вскоре объявиться. Только я, напялив на себя красный тулуп, шапку и рукавицы и взвалив на спину мешок с подарками, зашел за угол, как прямо передо мной возникла настоящая Снегурочка, в голубой с блестками щубе, в такого же цвета шапочке с диадемой из стекляруса и с длинными белоснежными косами на груди. Только стояла она понуро, и крупные слезы стекали по ее алым озябшим щекам.

– Вот еще Новый год! – не удержался я от удивления. – Вы почему плачете? – спросил я осторожно, побоявшись быть навязчивым.

– А что еще остается делать? – продолжая плакать и прерываясь, ответила Снегурочка. – Вначале все еще было нормально, а потом Трофимов, наш профорг, который был со мной Дедом Морозом, так набрался, что я его почти тащила на себе. Если бы знала, что так все будет, совсем бы отказалась от этих посещений. А сейчас он и вовсе бросил меня, оставив одну и без денег.

Мне стало жаль ее, и я предложил ей вместе со мной разнести имеющиеся у меня подарки по квартирам.

– А у вас какие адреса? – поинтересовалась она, но я не смог на ее вопрос ничего толкового ответить, спросил только:

– А у вас какие были?

– Вот у меня от Трофимова остался список, – выудила она из кармана перечень своих сослуживцев, которых они намеревались посетить. В нем была вычеркнута только третья.

– Пойдемте тогда по вашему списку, – предложил я, не зная, в сущности, что делать с целым мешком подарков.

И мы пошли, звоня в двери и стучая в окна, подзывая к домашним елкам детей и заставляя их лица светиться счастьем. Везде нас встречали как родных: шумно и радостно. Моя новая знакомая Снегурочка с одного оборота заводила детей. Вокруг нее они быстро оживали, на перебой старались блеснуть стишками о Дедушке Морозе и Снегурочке, о зайчиках, которые едят морковку в лесу, о мишках, которые просыпаются под Новый год и лакомятся душистым медом, и белочках, которые спешат принести орешек на праздничную елку к ним в детский сад.

Сама она тоже замечательно пела и знала немало стишков, куплетов и прибауток про Новый год, Деда Мороза и елку. И все взрослые приветствовали ее, не замечая моей подмены. Один раз, правда, какой-то порядком набравшийся расхристанный тип шепнул мне на ухо: «А Трофимов-то где?», но я ему в ответ туманно закрутил вверх рукой, на что он заговорщики подмигнул, мол, понимаю, понимаю, и кивнул в сторону Снегурочки: «Ради такой и я бы Трофимова сплавил», – заставив меня еще больше присмотреться к девушке. Я находил ее все более интересной и очаровательной.

Так незаметно пролетели два часа. Все подарки мы раздали, и я предложил Снегурочке отужинать в каком-нибудь кафе поблизости и, может быть, там встретить Новый год, тем более что домой к полуночи мы наверняка не попадали. К тому времени я знал о ней почти всё: что зовут ее Настей, что ей двадцать четыре и дома ждут родители, что работает она менеджером в одной из крупных фирм города, но продолжает учиться, чтобы сделать карьеру, и самое главное – что у нее на сегодняшний день нет парня.

– Это же замечательно! – почти вскрикнул я, заставив ее звонко рассмеяться. В моей груди закипало новое долгожданное чувство. – Мне хорошо с вами, Настя, – искренне сказал я, накрыв ладонью ее теплую руку.

– И мне хорошо с вами, – смущенно сказала она и не убрала свою руку. Я запарил в облаках, мне вдруг захотелось закричать, как Кинг-Конг, от счастья, вырваться в космос, рассыпаться на мириады молекул и почувствовать себя частью Вселенной. Мне захотелось вдруг со всеми окружающими поделиться безмерной радостью, сказать всем, что наконец-то я нашел свою любовь. Что стоит только сильно захотеть, только сильно пожелать, и твои желания обязательно сбудутся! И не только под Новый год. И словно услышав меня, кивнул мне со-

гласно в ответ мужчина, сидящий за третьим столиком, позади Нasti. Я посмотрел в его улыбающиеся глаза и понял, что это тот самый Дед Мороз, который оставил мне полный мешок с подарками. Я поприветствовал его наполненным шампанским бокалом, и он в ответ поднял свой.

– С Новым годом! – сказал я ему и Насте.

– С Новым годом! – утонул ее ответ в звоне курантов и гаме гоноящих посетителей кафе.

2007

ЕВОЧКА

— Нет, всё, друзья, всё, больше я пить не буду. И вообще, мне пора домой. — Алла была тверда в своем решении. — Я еще успею на последний автобус. Так что продолжайте без меня и не обижайтесь.

— Тебя проводить? — спросил ее один из новеньких, Артем, помогая надеть ветровку.

— Нет, спасибо, не надо. Остановка рядом, — сказала она и быстро выскочила из офиса.

Остановка, однако, была не совсем рядом. Алла так сказала только потому, что не хотела, чтобы Артем провожал ее. Если бы это желание высказал Сергей — другое дело, но тот был занят косоглазой пустышкой Тамарой, и Алле ничего больше не оставалось, как, попрощавшись, удаляться.

В сущности, Алла понимала, что ушла именно из-за этого. Разве в прежние времена, когда Сергей был не так к ней холоден, она не сидела в праздник допоздна? Сидела. Потом вызывали такси, и машина развозила всех по городу.

Но теперь ни оставаться в этой компании дольше, ни приехать домой за полночь не было ни желания, ни радости.

Сумерки опустились быстро. И хотя сезон дождей еще не наступил и бабье лето было в самом разгаре, прохлада уже чувствовалась.

На остановке Алла начала зябнуть и вслед за тем сожалеть, что не покинула скучную вечеринку раньше. К унынию прибавилось и слабое освещение остановки одиноким тусклым фонарем в стороне, и долгое отсутствие автобуса, который в этом районе и так ходил редко.

Алла съежилась, как маленький озябший котенок, продолжая понуро смотреть в сторону, откуда он должен был показаться, но вот уж десять минут его нет, еще десять, полчаса.

Алла совсем приуныла: ни одной машины, ни одной живой души — как вымерли все.

Тут позади нее что-то заскрежетало. Алла машинально обернулась, но никого поблизости не увидела. Крайние от дороги дома тоже были не близко. Странно: она же отчетливо слышала металлический скрежет. Алла отвернулась, но через несколько минут скрежет повторился. Теперь чуть громче. Алла снова обернулась, и снова не увидела вокруг себя никого. Однако люк канализационного колодца оказался немного сдвинутым. Она заволновалась. Показалось, что люк чуть приподнялся, и на нее из темноты колодца уставилась пара невидимых черных глаз. Ей стало не по себе. Алла инстинктивно пошла прочь. Лучше пройти частным секто-

ром и выйти на конечную троллейбуса, чем стоять дальше на голой остановке и бояться каждого шороха, каждого скрипа, каждого померещившегося из темноты взгляда.

Алла пошла быстрее, стала переходить дорогу и чуть не оказалась под колесами дежурной машины милиции, которая неожиданно вывернула из-за поворота.

– Ты что, совсем ничего не видишь! – резко затормозив перед ее носом, стал кричать на нее из машины водитель. – Куда прешь!

Но критическая ситуация и грубый окрик милиционера подействовали на Аллу наоборот успокаивающе. Она тут же кинулась к нему в оконко и стала умолять испуганным голосом:

– Товарищи милиционеры, помогите, там кто-то есть!

– Где? – посмотрели на нее с недоумением стражи порядка.

– В колодце. Я стояла, а она, ну, крышка, вдруг сама стала подниматься.

– А вам не привиделось часом? Сумерки, никого поблизости нет...

– Посмотрите сами. Мне кажется, там на самом деле кто-то есть.

– Ладно, не глуши пока мотор, – сказал сидящий справа водителю. – Пойду, гляну, что там за холера. Где у тебя фонарь?

Водитель вытащил из бардачка фонарь и протянул напарнику.

– Пойдемте, что ли, посмотрим на ваших призраков, дорогуша.

Милиционер тяжело выбрался из машины.

Они неторопливо приблизились к колодцу. Милиционер впереди, Алла чуть сзади. Крышка была наполовину сдвинута. Милиционер посветил внутрь колодца.

– Вам, наверное, просто показалось. Обыкновенный канализационный люк, сточные воды... Хотя, постойте, что это там?

Милиционер опустил голову пониже.

– Лицо! О, боже! – не успел он даже выкрикнуть, как из колодца что-то вырвалось, откинув крышку в сторону, впилось милиционеру в грудь и ушло обратно, потащив его за собой.

Алла дико закричала.

* * *

Опергруппа приехала незамедлительно. Петров вызвал и «скорую» – свидетельницу трясло в мелком ознобе.

Пока медсестра возилась с ней, он подошел к канализационному люку, из люка уже выбирался оперативник.

– Что там? – спросил Петров.

– Колодец широкий. По дну текут сточные воды. Канализация, видно, еще старых времен, выложена булыжником. Один рукав уходит в город, другой, скорее всего, в сторону заброшенных очистных. Тело человека пройдет легко, но Самойлова я не видел. Только вот, слетевшая туфля.

Петров задумчиво посмотрел в сторону заброшенных очистных. На фоне угасающего неба его полуразрушенные здания выделялись мрачным пятном.

– Сколько отсюда до очистных?

– Метров сто-сто пятьдесят, не больше.

– По такой трубе за это время можно только добраться до зданий.

Самойлов не десять килограммов весил. Останешься с патрульными здесь, мы проверим очистные.

– Хорошо, товарищ капитан.

Петров взобрался на переднее сидение уазика.

– Товарищ капитан, у нас только один фонарь, – сказал водитель.

– Возьмем второй у патрульных. Телегин, это капитан Петров, – запросил Петров по радио дежурного, – кто у нас еще в отделе остался? Так, хорошо. Гони их сюда, живо. И пусть возьмут фонари помощнее. Нападение на патруль ППС. Пропал сержант Самойлов. Начинаем поиск.

Петров отложил переговорное, впился взглядом сквозь переднее стекло машины в черное пятно зданий очистных сооружений.

– Сейчас водоканал, наверное, их не использует, – сказал он вслух.

– Я еще мальцом был, когда они перестали работать, – сказал с заднего сиденья Потехин. – Считайте, годков тридцать прошло. Лучше места для наших детских игр придумать было нельзя. Там столько подвалов, столько ходов. В некоторые мы даже боялись заходить.

– Теперь не боишься? – усмехнулся сидящий рядом с ним Клюев.

– Посмотрю на тебя, когда сам увидишь бездонные колодцы и бесконечные туннели.

– Они вам, наверное, по молодости казались бесконечными, – продолжал подначивать товарища Клюев.

– Хватит болтать, – оборвал Клюева Петров. – У нас два фонаря. Пока не подъехали остальные, Клюев с Разиным снаружи, Потехин со мной.

Уазик остановился возле полуразрушенной стены бывшей компрессорной. Милиционеры выбрали из машины. Петров включил свой фонарь. Аккумуляторы еще не сели. Луч был кучно и мощно.

– Ну что ж, Потехин, веди, раз ты знаешь здесь все ходы и выходы.

Петров с Потехиным сквозь проем в стене вошли в главное помещение.

– Тут осторожнее, – предупредил Потехин Петрова, когда они проходили мимо огромных провалов в бетонном полу.

– Я еще помню на этом месте огромные компрессоры. У меня здесь дядька когда-то работал. Спуск вниз в самом конце, в углу.

Крутая металлическая лестница тонула в темноте. Петров посветил вниз. Ступени еще не развалились.

Они спустились в подвал. Везде царило запустение. Аппаратные шкафы разбиты, из потолка торчат куски арматуры, стены расписаны граффити.

– Нам нужно идти в правую дверь, там еще несколько подвальных помещений.

Двигаться дальше пришлось вдоль стены. Бетонный пол оказался провален.

– На сколько метров вниз уходят подвалы? – спросил Петров.

– Точно не знаю. Разрушенные стены вскрывали пещеры из ракушечника. Туда мы опасались заходить. Были случаи, мальчишки не возвращались.

– А канал, куда утащили Самойлова, где заканчивается?

– Должно быть в соседнем подвале. Спустимся здесь, а туда перейдем. Там есть проем.

– Ладно, я посвечау, иди вперед.

Потехин по сохранившемуся бетонному маршруту стал спускаться вниз. В ноздри резко пахнуло потом и мочой.

– Ну и вонь, – прошептал Потехин и насторожился – впереди раздался какой-то звон. Петров направил луч фонаря вдаль.

– Кто здесь?

– Пошли прочь! Прочь! – раздалось из темноты. – Не то худо будет!

– Послушайте, мы из милиции. Вам нечего нас бояться, – сказал Потехин, и голос его гулом разнесся по подвалу.

– Где вы? – спросил Петров, шаря фонарем по стенам, полу и груде всякого хлама. Он не мог определить, кто с ними разговаривал. – Покажитесь, мы ничего вам не сделаем.

– Уходите, пока целы, – снова раздался хриплый голос.

Петров вырвал из темноты лицо старика в зимней шапке. Старик был слеп и лежал на грязном матраце.

– Не бойтесь нас, мы из милиции, – сказал Петров, приближаясь к нему, но не убирая в кобуру оружия.

– Я не виноват, не виноват, – испуганно затараторил старик. – Это все она. Она. Ева.

– Какая Ева? О ком вы говорите? – спросил Петров.

– Ева. Она живет со мной.

Потехин пошел осматривать помещение. Петров присел на деревянный ящик рядом со стариком, положил фонарь, направив ему на лицо, достал из кармана сигареты, закурил.

– Хороший табак, – втянул старик ноздрями воздух.

– Закурите? – Петров протянул ему сигарету, и когда тот взял ее в рот, поднес зажигалку. Старик жадно затянулся и лег.

– Давно здесь обитаете? – спросил Петров.

– Не знаю. Давненько уж, – ответил старик.

– Товарищ капитан, – раздалось тут из рации на боку Петрова. – Подъехали наши из отдела. Мы спускаемся в колодец, двигаемся навстречу к вам.

– Добро, – сказал Петров.

– Так что вы говорили о Еве? – обратился он вновь к старику. – Это ваша сожительница?

– Ева. Просто Ева. Она кормит меня. Она хорошая, но чужаков не любит. Уходили бы вы отсюда поскорее, а то она вернется и разозлится на вас.

– Товарищ капитан! – Потехин крикнул из темноты Петрова. Петров усмехнулся последним словам старика. Тот явно был не в себе, выдавая Еву за какого-то монстра.

Луч фонаря Потехина продолжал блуждать по полу.

– Что у тебя тут?

– Смотрите, – Потехин навел фонарь в один из углов. С десяток, не меньше, разных пар обуви лежало навалом в груде. Чуть дальше куча разной примятой одежды. Женской, мужской, детской.

– Собрали на свалках. Чему удивляешься? – сказал Петров.

– Вот этому, – перевел Потехин свой фонарь дальше. Белесые черепа и кости резко высыпались во тьме. Сердце Петрова учащенно забилось.

– Ну-ка, иди сюда, отец. Иди сюда! – навел он на старику фонарь. – Что там у тебя в углу? Рассказывай!

– Это не я. Не я! – затрясся старик, съежившись. – Я же говорил вам – это Ева. Это все она.

– Где она, твоя Ева? Где прячется?

– Не знаю. Ее здесь нет. Но если она вернется, вам не поздоровится. Лучше уходите. Меня она не тронет.

– О чем ты говоришь, старик? Поднимайся, пойдешь с нами, – гранитной глыбой застыл над ложем старика Петров.

– Я не могу, не могу, – чуть не зарыдал старик.

– Вставай, кому говорят! – раздраженно крикнул Петров и сдернул со старики лохмотья, которыми тот прикрывался.

– Так он без ног! – невольно вырвалось у Потехина, но он и обдумать ничего не смог, как сзади них что-то зашуршало. Машинально Потехин с Петровым перевели фонари в сторону открытых колодцев. Шорох приближался. Медленно, но явно. Складывалось ощущение, что сюда тащили что-то тяжелое и объемное, с трудом пропихивая по трубе. Однако не успели они и опомниться, как из одного из колодцев наружу вывалилось скомканное тело милиционера в форме. (Самойлов?) Вслед за ним показалось морщинистое лицо старухи и недоуменно уставилось на свет.

– Ева, уходи! – изо всех сил крикнул старик и судорожно закашлялся.

– Женщина, постойте! – бросился к ней Потехин, но старуха злобно ощерилась, и Потехина пот прошиб – ничего человеческого в ее злобном оскале и близко не было.

Не помня себя, Потехин вскинул руку с пистолетом и выстрелил.

– Потехин! – крикнул с негодованием Петров и бросился к колодцу.

– Ева, – жалобно застонал старик и расплакался.

– Я... Я не знаю, товарищ капитан, как это произошло. – Потехина била мелкая дрожь.

– Кажется, она за что-то зацепилась там. Посвети мне, я ее вытащу, – приказал Петров Потехину. Потехин направил луч фонаря в колодец. Петров схватил старуху за руку.

– Она что, голая? – спросил Потехин.

– Судя по всему, да, – закряхтел Петров. – И тяжелая. Хватай ее за подмышки, попробуем вытащить.

Потехин отложил в сторону фонарь и стал помогать Петрову вытаскивать старуху.

Старуха и впрямь оказалась тяжеленной. Может, потому что умерла (покойники как-то сразу тяжелеют, когда из их тела выходит дух), а может, ногами зацепилась за что-то внизу – колодец такой узкий. Но, даже наполовину вытянув тело, они не почувствовали облегчения. Казалось, к ее ногам кто-то привязал пудовые гиры.

– Упрись сильнее в пол. И на три, – сказал, с трудом дыша, Петров. – Раз, два, три!

Они рванули сильнее. Тело чуть поддалось.

– Еще. Раз два, Три! Поехали, поехали...

Колодец в конце концов отпустил свою добычу. Но Петров с Потехиным не остановились. Казалось, ногам старухи не будет конца. Они отошли от колодца уже метра на три.

– Что за хрен, – выругался Петров. – Клади ее на пол, давай глянем, что за ней там тянется?

Они положили старуху на бетон. Петров взял свой фонарь с ящика, посветил туда, где должны быть ноги старухи и чуть не вскрикнул:

— Это что еще?

Привычного человеческого тела и ног у старухи не оказалось, от пояса в колодец тянулось длинное толстое тело змеи.

— Змеедева Ехидна, — не менее пораженный, пробормотал Потехин.

— Что? — переспросил Петров.

— Ева, Евочка, — продолжал глухо рыдать в углу стариk.

* * *

— Расскажи кому, не поверят, — уже сидя в уазике, говорил Клюев. — Товарищ капитан, может, возьмем поллитровочку? Я до сих пор не могу прийти в себя.

— Сейчас не до этого, — сказал Петров. — Шеф наверняка приедет не один. Какая уж тут поллитровочка. Хотя тоже с удовольствием жахнул бы сейчас грамм двести.

— А старуха, видать, деда-то подкармлиvalа, — заметил Клюев. — Человеченкой.

— Он же без ног.

— Да и она не с ногами. Откуда только взялась?

— Внучка земли и моря, — сказал Потехин.

— Студент все знает, — улыбнулся Клюев.

— Ладно, хватит болтать. Машина шефа, — оборвал Клюева Петров, заметив приближение «Волги» начальника горотдела. — Пошли по-новой удивляться.

Оперативники высыпали из уазика.

КОНТАКТ

— Налей мне еще, Паша.

— Я тебя понимаю, Макс. Но не могу принять твоих поступков. Плюнь на нее. Бросила и бросила. Велика беда! Не успеешь и глазом моргнуть, как возле тебя появятся десятки других. И моложе, и краше. Хватит хандрить!

— Мне не нужны ни моложе, ни краше. Я всегда любил только ее.

— Ерунда! О какой любви может вообще идти речь, если она тебя кинула, как последнего неудачника.

— Неудачника? Ты посмел произнести это слово?

— А кого ж еще? Посмотри на себя. Кто ты есть?

— Я — зам. главного редактора...

— Провинциальной, мало кому известной газетенки. Будь честен с собой — ты не на виду. Журналист, каких тысячи вокруг!

— И еще писатель!

— Рассказчик. Не бросайся громкими словами. Сколько томов вышло из-под твоего пера? О тебе говорят на всю страну? Ты известен за рубежом?

— Я не стремлюсь за славой.

— Твоя изданная за свой счет десять лет назад единственная книга незаметно рассосалась по друзьям. Но и они совсем не оценили твоего таланта.

— Ты жесток.

— Я реалист. И никогда не вру ни себе, ни людям. Тебе сорок лет, и ты неудачник. Клеймо, с которым лучше смириться. Лермонтов ушел в двадцать семь, Пушкин не дотянул до сорока, Гоголь едва перетянул за них.

— А Шоу только начал в тридцать с хвостиком.

— До этого написав несколько пусть и неприметных, но объемистых романов, набив руку!

— Крашевский накропал шестьсот томов, а Достоевский двенадцать романов. Но их и рядом не поставишь.

— А Сименон писал не только о Мэгре. Но кто его знает иначе, чем короля детективов? Разве что узкий круг французских филологов.

— И что ты предлагаешь?

— Выкинуть Татьяну из головы и попробовать просто жить.

— Но ты сам сказал, что у меня кроме нее ничего больше нет.

— Ерунда! Живи одним днем, пиши в свое удовольствие. Откуда знаешь, вдруг в один из дней ты станешь знаменитым. Как античный автор,

оставшийся в веках единственной сохранившейся строкой. Надо признать, не такой уж и гениальной.

- За это стоит выпить.
- Выпьем. И ты выбросишь ее из головы. Поверь, она тебя не стоила.
- Уже выбросил.
- Тогда твое здоровье.
- И твое тоже.

Павел оставил друга на диване вдрызг пьяного.

Макс, почувствовав, как его повело, тяжело плюхнулся на подушку, и все вокруг закружилось с бешеною скоростью.

- Ты избран нами, - вдруг услышал он негромкий бархатный голос. Раскрыл глаза. Он по-прежнему лежал на диване, но возле дивана толпилось не менее десятка небольших расплывчатых существ, отдаленно похожих на людей. Рассмотреть их более четко Макс не мог – мешало яркое сияние, исходившее от стены напротив. Вернее, от того места, где должна быть северная стена комнаты.

Макс посмотрел туда и увидел обширную даль, пейзаж, мало напоминающий земной и огромную – в четверть неба – луну на горизонте справа, в легкой белесой дымке, скрытую линией горизонта до половины.

– Это наша планета, – сказал один из тех, что окружали его. – Ее визуальный образ. Тебе надлежит донести все это до землян.

«Что за ерунда, – подумал Макс. – И почему именно я?»

«Только твое сознание раскрылось, – сообщил инопланетянин телепатически. – Почему именно твое, нам самим неизвестно. Но это не столь важно. Главное, контакт произошел».

«И что же мне теперь делать?»

«Жить, как и жил, дальше, но постараться донести о нашем прямом контакте всем остальным людям. Подготовить их к нашему появлению».

«И когда оно состоится?»

«Ты узнаешь об этом первым. Нас разделяют еще десятки тысяч световых лет, если следовать вашим единицам измерения. Пока мы преодолеем это расстояние, на земле может пройти и десять, и двадцать, и пятьдесят лет. При хорошем раскладе».

«Какой-то бред», – Макс поверить не мог в происходящее.

«А пока мы будем тебе рассказывать о себе, о своей галактике, о наших расах и обычаях, обмениваться через тебя информацией. Ты готов?»

«Как пионер», – сказал Макс, и все исчезло в черном пространстве.

Макс проснулся.

Занималось утро. В окна просачивались первые лучи солнца. Где-то гудело авто.

«Надо же так нажраться», – подумал Макс, выбиравшись с постели.

Под теплым душем он начал постепенно приходить в себя. Что вчера было? От него ушла Татьяна. После трех лет совместного проживания. Она хотела детей. Хорошо, хоть у них не появились дети. Это был безболезненный разрыв. Так хотелось ему все представить. Но он любил ее, чего-то все равно не понимая. Почему не сложилось? Как он в сорок, вроде, не дурак, не алкоголик и не наркоман, растерял в жизни все, за что еще стоило держаться. За юбку? Нет. В сорок уже вряд ли. В сорок уже и одному неплохо. Лень чего-то искать, за чем-то бежать. Смиряешься и опускаешь руки. В сорок.

«Разве возраст сорок два? Мог бы жить да жить», – всплыли вдруг отчего-то строки из песни о Высоцком.

Завтрак. Возвращаемся к яичнице с ветчиной. Как в холостяцкие годы. Как до знакомства с Татьяной.

«Ну и пусть. Пусть ушла. Она и так долго терпела. Говорила, что я тяжелый человек. Мытарь по натуре. Но разве я виноват в том, что жизнь для меня стала в тягость, что мне недостаточно бездумного блуждания по жизни, бездумного подчинения однажды заведенному ритму «дом – работа, работа – дом, семья, друзья, коллеги, надо». Надо, надо, надо – до бесконечности, до гробовой доски, пока смерть не оборвет ниточку твоей жизни, которую каждый день ткет неутомимая мойра Клото»...

В редакции сегодня затишье. Необходимые материалы сдали вчера, народ после обеда потихоньку рассасывается кто куда. Главный тоже улизнул. Один Макс никуда не торопился. Некуда было идти. Дома, может быть, было бы еще хуже. А так проверенный способ от хандры – непрестанная работа.

Макс стал перебирать на столе бумаги, но сосредоточится никак не мог. Бросил все. Откинулся на спинку высокого кожаного кресла, развернулся на девяносто, вперился в светлый прямоугольник окна.

Одна из старых, но крепких берез выпустила маленькие свежие листья. Весна проснулась. А Макс будто еще спал. Инопланетный пейзаж и огромная белесая луна за горизонтом не давали покоя.

«Глубокий каньон зеленоватых скал, легкое марево у вершины холма, лилово-фиолетовый закат», – записал Макс на одном из листков. Что еще бросилось в глаза? Серебристая речка. Не синяя, не темная. Серебристая. Какие вещества наполняют ее? Нечто похожее на деревья вдоль пологих берегов, только гораздо ниже, чем на земле и причудливее. Стволы, как накачанные жидкостью резиновые трубки. Вместо листьев – иглы, густо облепившие крючкообразные ветви.

«Зачем я это пишу? – подумал Макс. – Чтобы донести до человечества? Громко сказано. Кому нужны твои нелепые сны? У кого-то они гораздо ярче и красочнее. И разве можно верить в такие сны?»

Макс еще раз перечитал свои записи. В его видениях внеземной пейзаж был и живее и натуральне. Из написанного же нельзя было составить определенный образ. Человеческое сознание не воспринимало подобного колорита. Может, описать самих пришельцев? Труднее, чем представить их.

Ночью несколько знакомых существ явилось снова. Один из них повел Макса бродить по неизвестной планете. И они бродили до самого утра.

«Запиши все, что ты увидел здесь, – сказал пришелец на прощание. – Люди должны привыкнуть к нам и нашему окружению».

Макс дотошно записал. И снова, перечитав написанное, нашел, что его описанию не хватает образности. Человеческому мозгу, привыкшему к земному, невозможно представить подобное. Так же и явившиеся ему существа мало общего имели с человеком. Макс пытался форме, возникшей перед ним, придать человеческий облик, увидеть в ней какие-то окончания, нечто похожее на руки и ноги, но и это давалось с трудом. В конце концов он оставил неудачные попытки осмыслить увиденное и стал просто записывать то, что являлось ему во снах.

«Они просят, чтобы я донес все это людям. В какой форме? – размышлял Макс. – В форме записок или видений? И кто опубликует этот бред? Здесь сплошные неопределенности».

Макс попытался сложить рассказ, но полученное просто убивало бесцветностью и дилетантизмом. Наркоман, наверное, придумал бы краше.

«Ничего не буду писать, – разъярился Макс. – Чего пыжиться, раз не дано. Когда-то кончатся эти сны».

Но через неделю они пришли снова.

«Ничего я не буду...» – хотел было сказать Макс, но его мозг будто кто-то сдавил железным обручем.

«У тебя нет выбора. Пиши. Мы не оставим тебя в покое».

На следующий день голова Макса раскалывалась, как после глубокого похмелья.

«Что они сделали со мной? Зачем?» – никто ответить ему не мог. Макс стал писать. Из дня в день. Из месяца в месяц. Когда его рукопись достигла увесистого объема, он отправил ее в несколько издательств, публикующих фантастику. Одно из них согласилось напечатать с условием, что гонораром Максу будет сотня экземпляров. Макс и тому был рад.

После выхода книги, пришельцы больше не посещали его. Макс скончался рукописный вариант. А в книгу и заглядывать не смел – боялся,

что видения начнут его преследовать. Да и книга по сути получилась ни о чём.

Прошло десять лет. Потом еще двадцать. Наука продвинулась вперед с невероятной скоростью. На планете стали подумывать о серьезных поисках внеземных цивилизаций.

Макс вышел на пенсию и доживал жизнь в одиночестве, так ничего и не достигнув. Жизнь давно потеряла для него смысл.

Но однажды голоса в голове раздались снова: «Мы уже здесь. Готовы ли земляне встретить нас? Готовы ли к общению?»

Макса это нисколько не обрадовало. Тридцать лет никто его не беспокоил, теперь кошмары возвращаются. Он вряд ли выдержит их...

Первыми приближающуюся флотилию инопланетян заметили астрономы. Новость в мгновение ока облетела весь мир. Земляне в разных предчувствиях ждали встречи с представителями внеземной цивилизации. Наконец их корабли достигли орбиты Луны. На Землю пошли первые послания.

В ответ земляне слали радушные приветствия и кучу вопросов: «Кто вы? Откуда? Каков ваш мир?»

Пришельцы радиорвали, что сведения о них давно переданы на Землю через одного из землян и отражены в книге, которую он под их руководством написал.

Земляне были немало удивлены. В таком неисчислимом объеме литературы разве могла заурядная книжка по фантастике привлечь чье-либо внимание? Бросились разыскивать автора. Но на поверку оказалось, что он не так давно умер – покончил с собой. По словам соседей, в последнее время был замкнут и нелюдим.

«Нам очень жаль», – отправили земляне пришельцам сообщение, за несли Макса в разряд непризнанных гениев, а его неприметную книгу незамедлительно переиздали миллионными тиражами.

Но Максу от этого уже было ни холодно, ни жарко.

2007

ИЗЛОМ

— Ну-ка, посмотри, посмотри на себя в зеркало. Какая ты у нас красавица. Правда, папа? — Анна повернула дочку к зеркалу, чтобы той самой было лучше видно, как она хороша в этом сиреневом пальто.

Петр тоже не мог налюбоваться дочкой.

— Нравится? — Анна присела на корточки возле дочки. Девочка слегка качнула головой. В новом пальто она сразу преобразилась, стала как будто светлее и выше. — Будем брать?

Маленькая Леночка еще раз кивнула головой и улыбнулась.

— Мы берем, — сказала Анна продавщице.

— И еще оно теплое, — сказала Леночка на улице.

— И капюшон есть. Можно накрыть голову, если пойдет дождь, — Петр в шутку набросил дочке на голову капюшон.

— Папа! — скинула капюшон Леночка, но не обиделась на отца — новое пальто ей очень нравилось.

— Ну вот, — улыбнулась Анна. — Не зря погуляли: папе купили новые туфли, Леночке — пальто.

— Может, на ужин взять чего-нибудь вкусненького? — спросил Петр.

— Торт, — сказала Леночка.

— Почему бы и нет?

— А хлеб? Про хлеб совсем забыли, — только сейчас вспомнила Анна. — Оставшегося на обед не хватит. Постойте здесь, я заскочу в булочную.

Анна глянула по сторонам — нет ли машин — и быстро перебежала дорогу — булочная находилась на другой стороне улицы.

Петр с Леночкой остановились у яркой витрины антикварного магазина, где на красном бархате расположились серебряные кувшины на подносах, старинные кинжалы на подушках и кальян из черного дерева.

Анна пристроилась в хвост небольшой очереди. Полбуханки серого будет достаточно, а торт, наверное, лучше взять со взбитыми сливками — прошлый раз такой же пошел на ура.

Сквозь стекло магазина Анна посмотрела на улицу. На другой стороне Петр о чем-то серьезно разговаривал с дочкой. Леночка не по годам развитая и любопытная. Но простыми отговорками от нее не отделаешься, в свои шесть с небольшим она считала себя вполне взрослой.

Вид мирно беседующих мужа и дочки наполнил сердце женщины теплом.

— Что вам? — продавщица уставилась на Анну.

— Полбуханки черного, пожалуйста, и торт со взбитыми сливками.

Анна расплатилась за продукты и, взяв торт, хлеб и кошелек, направилась к столу для покупателей.

Убирая кошелек в сумочку, мельком взглянула в окно, но не увидела в нем своих.

Анна вышла из магазина и остановилась в растерянности. На прежнем месте мужа с дочкой не было. Вместо вывески «Антиквариат» золотом горели строчные «Диамант», а в витрине под буквами на манекенах шей радугой сверкали ювелирные украшения. И еще она заметила, что пропали все звуки, тишина закупорила уши.

Анна недоуменно посмотрела по сторонам и тут слева на другой стороне улицы увидела, как к ювелирному магазину неторопливо приближаются ее муж и дочка. Только в муже она не признала прежнего жизнерадостного Петра. Этот Петр был весь какой-то поникший, осунувшийся. Пиджак висел на нем как на плечиках, брюки, будто сто лет не гладены. Она ведь только утром оттуюжила их так, что об стрелки муха могла пораниться. А Леночка? Что за грязное пальто на ней? Правое плечо в мелу, засаленный капюшон на голове. Десять минут назад купили!

Анна закипала — где можно так выпачкаться? Собралась уже было перemetнуться через дорогу, чтобы отчитать их по первое число, но что-то невидимое удержало ее на месте, не дало сделать ни шагу.

Меж тем Петр с Леночкой приблизились к витрине с золотом и остановились. Петр поднял голову, и их глаза встретились. Но складывалось впечатление, что он совсем ее не видит. Взгляд, направленный в никуда. Но Анна видит мужа хорошо, и ее не радует увиденное. Небритое потемневшее лицо, ввалившиеся глаза... Что случилось?

Анна обеспокоено посмотрела вправо, но когда опять повернула голову в сторону родных, пропавшие звуки будто взорвались в ушах, невидимые путы ослабли, и она ступила на проезжую часть.

Вывернувшая из-за угла машина сбила ее на полпути. Анна успела заметить только новенькое пальтецо дочки и растерянное лицо Петра...

* * *

— Пап, — семилетняя Леночка дернула отца за рукав. — Ты почему стал, пойдем домой.

— Пойдем, родная, пойдем, — почти онемевшими губами произнес Петр, отворачивая от дочки лицо. Пусть она не видит его слез.

– Я где-то выпачкалась, – заметила Леночка на плече пятно мела.

– Давай, вытру. – Петр стал своим рукавом стирать мел.

– Купиши мне мороженое? – спросила Леночка.

– Конечно, куплю.

Они стали удаляться от ювелирного магазина. Плохо выбритый мужчина в мятом костюме и маленькая девочка в коротком сиреневом засаленном пальтишке.

2007

ТЕЙМУРАЗ – ЮНОША-БОГОМОЛ

– Ерунда! – заведенный горячим спором, Теймураз вскочил с места. – Клянусь бородой пророка, за три года бродячей жизни я добился такой хватки в своем деле, что даже сам багдадский вор мне в подметки не годится. Едва шевельнув пальцем, я теперь могу вытащить кошелек у любого скупердяя, стянуть с лотка торговца самый бойкий товар, облегчить сундук даже сборщика податей, как сделал это пару недель назад в Бальсопе.

– Да врешь ты всё, – никак не хотел соглашаться с талантами Теймураза Хаким, вечный брюзга, жирный, осоловелый, едва ворочающий языком.

Теймураз чувствовал, что тоже немножко захмелел, поэтому у него так развязан язык и он сам скоро поверит в свои уникальные способности. Впрочем, его товарищи сами могли убедиться в них. За три дня пребывания Теймураза в их компании по вечерам он приносил в общак больше всех монет, а сегодня пожаловал на очлег с крупной голенью молодого барашка, ловко стибренной им в лавке мясника и насытившей теперь всех его новых приятелей.

– Видишь того человека в углу? – Хаким показал сальным пальцем в темный угол таверны. – Попробуй у него свиснуть кошелек, тогда поверим, что ты настоящий принц воров, а не очередной болтун, на которых мы здесь насмотрелись немало.

– Но это же Гассан! – испуганно вскрикнул один из шайки. – Даже за попытку украсть у него что-нибудь, он тебе голову оторвет.

– Или превратит в осла.

– Или в пыль, гонимую ветром.

Хаким ехидно улыбнулся.

– Да, это наш известный на всю округу колдун Гассан, советник самого калифа. Про него говорят, что он читает чужие мысли, лед превращает в пламень, а человека в животное.

– Э-ка невидаль, превратить человека в животное, – усмехнулся Теймураз. – Оглянись вокруг – добрая половина караван-сарай давно превратилась в свиней.

Сидящие за столом единодушно подхватили смех.

– И все-таки докажи нам свои слова, стащи у него хоть платок. Он как раз собирается уходить, – стоял на своем Хаким.

Все посмотрели в сторону Гассана и резко отвернули головы, когда Гассан бросил колючий взгляд в их сторону.

– Нельзя смотреть ему в глаза, – сказал один из них, потупившись. Остальные тоже сжались в комок. По спине Теймураза пробежал холодок (взгляд Гассана даже издалека, казалось, испепелял), но он еще пытался храбриться – стоит хоть на секунду упасть в глазах новых товарищей, нормальной жизни в дальнейшем не будет. Именно сейчас, как понял Теймураз, решалось, примут его в свою шайку местные воюшки или нет.

– А что, могу и у Гассана, он даже шагу не сделает, как распрощается со своим тугим кошельком, – Теймураз с беспечностью ухаря отмел от себя окружающие страхи.

Толпой все двинулись за ним. Но держались на расстоянии, чтобы не спугнуть недоверчивого колдуна. Опустившиеся сумерки не могли помочь Теймуразу. Одно дело стащить кошелек на многолюдной площади, другое – у одинокого прохожего. Есть масса способов сблизиться с намеченной жертвой: броситься к нему, как к дорогому земляку, с крепкими объятьями, или походя «случайно» задеть плечом, или устроить поблизости какой-нибудь кавардак, чтобы отвлечь внимание. Но что можно было придумать здесь, в полутемных узких улочках, где каждый шаг эхом разносится по окруже и вокруг ни души? К тому же Гассан как нарочно петляет в безлюдных местах, то ускоряясь, то внезапно сдергивая шаг и оборачиваясь, как будто заманивает куда-то. Неужто чует за собой слежку?

Теймураза такая манера ходьбы Гассана раздражала. В другом случае он давно бы плонул на подобного клиента и нашел нового, но кучная тень сзади, вынуждает неуклонно следовать за ним. Но вот, слава Аллаху, Гассан свернулся на уличку, ведущую к мечети. Тут возле домов еще сидели люди, и Гассан задержался у одного из них. Теймураз ускорил шаг и, приблизившись к колдуну, нарочно споткнулся, чуть не упав ему на плечи. Со стороны все выглядело вполне натурально: неловкий рассеянный юноша, впервые приехав в Багдад, засмотрелся на выступающую над домами в конце улицы башню минарета и ненароком оступился. Теймураз извинился перед Гассаном и человеком, разговаривающим с ним, отряхнул с колен пыль и как ни в чем не бывало двинулся дальше, продолжая сохранять на лице глупое выражение. Гассан пристально посмотрел на него, и, как показалось Теймуразу, в уголках его тонких губ проскользнула насмешка. Но это не была насмешка над глупцом. Скорее насмешка коварства.

Теймураз на секунду стушевался, но тут же взял себя в руки. Он не должен был ничем выдать себя. Тем более его карман уже оттягивал тяжелый кошелек Гассана. Сколько в нем, интересно, монет? Надо признать,

столько Теймуразу стащить еще не приходилось. Краденных денег наверняка хватит и на новое платье, и новые туфли, и может даже, на добротного скакуна, увиденного им недавно на базаре.

Теймураз не снижая шага, быстро завернув за угол и побежал что было мочи. Но сзади его не преследовали крики «лови вора», как обычно преследуют после обнаруженной пропажи. Гассан не почувствовал пропажу? Тем лучше для Теймураза. Он успеет уйти подальше. Или вообще улизнуть из города. Такой добычей стоит ли делиться с малознакомыми, пусть даже и коллегами по ремеслу? Он уже достаточно взросло, чтобы самому позаботиться о себе. И достаточно искусен в ремесле (как показал сегодняшний удачный день), чтобы ни от кого не зависеть. И все же интересно, сколько там в кошельке? Теймураз нырнул в переулок. Прижалвшись к стене, выудил из-под халата тугой кошелек Гассана и, не теряя времени, расшнуровал его. Каково же оказалось удивление, когда в кошельке Теймураз не обнаружил ничего. Тяжелый кошелек, а внутри только едва уловимый сладкий аромат благовоний. Как такое может быть? Этот Гассан наверняка настоящий колдун, если смог свои монеты превратить в воздух. Может, поэтому такой коварной показалась Теймуразу его последняя улыбка. Но что за дивный запах? Теймураза так и тянет вдохнуть его снова и снова. И он прижал к носу кошелек Гассана и вдохнул чудесный аромат полной грудью. В голове все быстро закружилось, и Теймураз упал на землю без сознания.

Когда очнулся, увидел себя в богатой палате, в распахнутые окна которой просачивался легкий прохладный ветерок. Первой мыслью было: «Где я? Что со мной?» Потом он вспомнил свою удачную проделку. Что-то, видно, пошло не так, раз он оказался здесь. Его, наверное, поймали и побили. Ужасно ломило спину, и отяжелели руки.

Теймураз выпростал их из-под покрывала и... онемел. Вместо рук у него оказались зеленые конечности насекомого. Он поверить не мог. Откинул покрывало и посмотрел на себя. Телом его было тело богомола! Что за наваждение! Теймураз вскочил с постели, не находя места, беспорядочно заходил по комнате. «Я богомол. Что за бред!» – разрывало виски. «Может, это сон? Я ведь всегда был человеком. Еще недавно был им. С нормальными человеческими руками и ногами. Откуда этот хитин, крылья, уродливые кривые ножки насекомого? А мое лицо? Что стало с моим лицом?» Теймураз заметил на стене зеркало. Начищенная до блеска бронза отразила, однако, его человеческое лицо, искривленное гримасой ужаса. «Значит, я – человек с телом богомола?» Представить было невозможно. До сегодняшнего дня. Проклятый колдун, наверняка это его злые проделки! Теймураз удрученно опустился на пол. Дверь открылась, и в пала-

ту вошел Гассан, как и в прошлую встречу весь в черном, прямой, величественный, несокрушимый.

– Доброе утро, маленький воришка. Как тебе твой новый вид? Ты думал, можно безнаказанно шарить по чужим карманам и таскать чужие кошельки? Посмотри, в кого ты превратился? В жалкого, умоляющего всех о пощаде богомола. В глупое, уродливое создание, не способное теперь даже показаться на людях. А все твоя самонадеянность, бахвальство и беспечная неосмотрительность. Ты не умеешь грабить, потому что не того грабишь. Теперь расплачиваешься за это.

Теймуразу нечего было сказать. Он только спросил колдуна, возможно ли обратное превращение насекомого в человека.

– Возможно, – ответил Гассан. – Но сначала надо заслужить его.

– Что я должен буду сделать для этого?

– Овладеть приемами уличных акробатов и научиться грациозно танцевать.

– Только и всего? Да лучше меня никто не жонглировал мячами в нашем селении. Редко кому удавалось более минуты удержаться на канате, а я мог стоять часами!

– Вот и покажешь свое мастерство через неделю в одной из комнат дворца. Понравишься хозяину, будешь вознагражден. Нет – останешься в уродливом облике насекомого вечно.

Теймураз согласился и про себя возблагодарил Аллаха за спасение. По крайней мере, его не лишали жизни. К тому же, насколько он знал, богомол – единственное из всех насекомых, способное вращать головой. А это уже кое-что. И потом, многие на Востоке считают богомола священным и утверждают, что его ножки всегда обращены в сторону Мекки. На этом можно будет сыграть, если удастся отсюда выбраться. Хотя все же лучше было оставаться человеком. Таким, каким создала тебя природа.

В конце концов неунывающий Теймураз утешился мыслью, что ему недолго предстоит пребывать в теле насекомого. Аллах не допустит зла своему преданнейшему рабу.

Его оставили в тех же палатах. Всю неделю Теймураз упражнялся кидать шары, крутить их на тонких ножках, перекатывать из одной лапки в другую, постепенно привыкая к новому телу и новым ощущениям.

А в двенадцатое число месяца рамадана Гассан ввел его в великолепную залу, пол которой был покрыт гигантским ковром, стены украшены полотнищами голубого сукна, окаймленными золотым шнуром и кистями и повешенными на серебряных крюках. В глубине залы на узорчатых

подушках сидел человек в затканном золотом пурпурном халате и красивых красных туфлях.

– Поклонись калифу, – приказал Теймуразу Гассан, и Теймураз почтительно, насколько позволяло тело богомола, склонился перед калифом в знак приветствия.

Калиф от восхищения не усидел на месте, быстро вскочил с подушек и подбежал к Теймуразу.

– Клянусь гробницей пророка, ты великий колдун, Гассан, раз сумел создать такое удивительное существо.

– Мне помогли Священные книги, мой повелитель. И желание доставить вам радость.

– Мне то что, лишь бы она осталась довольна, – промолвил калиф и снова обратился к Гассану:

– Надеюсь, он все понимает?

– И понимает, и воспринимает. Мало того, он научился искусно владеть шарами и кольцами, как уличный акробат.

– Хорошо. Это развлечет ее. Ну-ка покажи, на что ты способен, мой друг.

Калиф вернулся на место. Гассан кивнул Теймуразу, чтобы тот начал. Теймураз взял шары и ловко стал подбрасывать их в воздух, хватать на лету и перекидывать из одной ножки в другую.

– Великолепно! – захлопал в ладоши калиф.

Теймураз оставил шары, подхватил кольца и, умело жонглируя ими, задвигался по зале.

– Чудесно! Чудесно! – не скрывал восторга калиф. – Веди его скорее к Халиме. Пусть моя роза порадуется.

Гассан дал Теймуразу знак двигаться за ним.

– Куда мы идем? – не удержался, чтобы не спросить Гассана Теймураз.

– В покой дочери Повелителя Верующих.

– Но ведь она умерла, как было объявлено по всему халифату.

– Для всех – умерла. Для нас – жива. И ты сам вскоре убедишься в этом.

Гассан толкнул Теймураза в полутемную комнату.

– Это твое последнее испытание. Выдержишь его – останешься жив. Нет... Халима сама решит, что с тобой будет.

Гассан закрыл за юношей дверь. Теймураз застыл на пороге и с любопытством посмотрел вокруг. В скучном свете из решетчатого окна он увидел великолепные шитые золотом подушки, узорные ковры, позолоченный кальян, сосуды из граненого хрустала с вкусным шербетом и спелы-

ми фигами. Где-то за занавесками должна была быть Халима, прекрасная Халима, дочь калифа, заоблачная мечта каждого юноши. О ее красоте слагались легенды, ее красоту воспевали поэты. Когда весть о ее смерти облетела страну, многие молодые люди покончили с жизнью. Но, оказывается, она жива. Почему тогда калиф скрывает Халиму от всех, держит в мрачных спальнях, где даже солнечный луч может затеряться?

Теймураз сделал несколько шагов и тут заметил, как на постели что-то слегка зашевелилось.

– Госпожа? – сказал Теймураз. – Не пугайтесь, меня прислал ваш отец, и я буду рад доставить вам хоть какую-то радость. В былые времена я замечательно играл на лютне, но сейчас, думаю, струны не послушаются меня. Этими ножками я научился только бросать шары и крутить кольца. Но если вы не хотите смотреть на это, могу почитать вам прекрасные стихи. Я знаю немного из Имруулькайса, чья знаменитая муалакка была записана золотыми буквами и подвешена к стене Каабы. Люблю стихи Ахтала, хотя сейчас мне ближе, наверное, Аль-Валид:

«Пускай кажусь еще живым, но я – безжизненная тень...»

– Госпожа Халима? Вы слышите меня?

Теймураз пристальнее взглянул на постель. Покрывало, лежащее на ней, слегка сдвинулось вниз, и на свет показалось маленькое светлое лицо Халимы, обрамленное черными косами.

– Госпожа, – онемев от восхищения, Теймураз скрестил на груди тонкие ножки и низко поклонился. Люди не лгали – Халима могла затмить красотой любой цветок.

«К тебе приблизилась весна, улыбкой солнечной даря,
Она любуется тобой, о первом счастье говоря», –

забормотал Теймураз, не зная, что делать. И побежал по строчкам дальше, стараясь не смотреть на принцессу. Но последние строки стихотворения Халима закончила сама:

«Как нежно ветер шевельнул листок молоденький куста –
Иль это тронул тихий вздох влюбленных робкие уста?»

– Вы знаете Аль-Бухтури? – взволнованно спросил Теймураз, поднимая глаза. Но лучше бы он этого не делал. Халима стояла неподалеку, и – о, Аллах! – ее тело как две капли воды напоминало его тело. Халима – богомол? Вот почему калиф во всеуслышанье объявил, что его дочь умерла! Но как она стала богомолом? Не превратил же ее в жалкое насекомое черный колдун Гассан?

Теймураз почтительно опустил голову. Но Халима приблизилась к нему, обняла, как может только обнять самка богомола своего избранника, и губы их слились в долгом поцелуе. Теймураз и мечтать о таком не мог. Он и дочь калифа! Он и несравненная Халима! Прекрасная Халима, божественная...

Они и не заметили как оказались в постели. Пылкость, с которой Халима набросилась на Теймураза, поразила. Она крепко сжимала его ножками, вонзаясь зубами в шею, кусала в губы. Но, ослепленный красотой девушки, которая, казалось, стала еще краше в минуты любви, Теймураз старался не обращать внимания на подобные проявления ее страсти. И уж, конечно, совсем позабыл о том, какой ненасытной может быть самка богомола во время спаривания. Поэтому, когда Халима откусила у него кусок левого плеча и стала жадно пережевывать, Теймураз сильно удивился, но остановиться не смог – каким-то слишком безвольным он стал. В следующее мгновение Халима впилась ему в горло и вырвала кадык. Затем легко оторвала голову и откинула ее в сторону за ненужностью. Оставшееся же тело Теймураза, тело жука-богомола, продолжало услаждать Халиму до последнего...

2007

ПРИЗРАКИ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Можно было сойти с ума. Жара стояла несусветная. Ртуть из термометра за окном вот-вот, казалось, выползет наружу. Андрей выхлебал из холодильника все пиво, смочил в холодной воде майку и натянул ее на раскаленное тело, но все напрасно – майка в считанные минуты высохла, а на лбу, волосатой груди и в подмышках вновь выступила испарина. Терпеть было невозможно.

Чтобы как-то отвлечься, он включил телевизор и сразу наткнулся на программу новостей. Диктор как раз рассказывал об очередной – второй за этот день – мощной вспышке на солнце, ставшей причиной сильных магнитных бурь.

«Вот тебе, матушка, и Юрьев день!» – подумал Андрей, поняв, отчего у него так страшно болит голова. Тут до него донесся шум льющейся из крана воды. Неужели он, смачивая майку, забыл закрыть кран? Он вроде никогда не отличался забывчивостью. Наверное, так плохо действует на него жара.

Андрей пошел в ванную и завернул вентиль до упора. Последняя капля звучно плюхнулась в раковину. Андрей успокоился, вернулся обратно на диван, но не успел и глазом моргнуть, как вновь услышал из ванной шум льющейся воды. Что за черт! Он сорвался с места и поспешил обратно, но едва переступил порог, замер, как завороженный – его ванная комната совершенно изменилась: стала обширнее, светлее; стены засияли розовой керамической плиткой, краны заблестели никелем, отражая свет яркой люминесцентной лампы (а ведь у него в ванной была обыкновенная голая «стоваттка»), вокруг появилось множество зеркал, в каждом из которых отражалась стоящая под душем очаровательная незнакомка.

Андрей потерял дар речи. Что это? Галлюцинация? Мираж, возникший непредсказуемым образом? Он не знал, и так и стоял в дверях истукан-истуканом, забыв, кто он есть и где находится. Между тем девушка смыла с головы пену, открыла глаза, обернулась и, увидев Андрея, истощно закричала. Только оглушающий крик ее, неожиданно раздавшись, тут же смолк, и вслед за ним стихли все остальные звуки: шум льющейся воды, громкая музыка из другой комнаты, голоса улицы, доносившиеся из открытой форточки. Тишина стала такой плотной, что Андрею показалось, будто его барабанные перепонки внезапно лопнули, он словно оказался в вакууме.

Ошарашенный увиденным, Андрей машинально отступил назад в коридор и прислонился к стене. Как раз вовремя, потому что через минуту в ванную на голос жены быстро примчался ее муж.

Еще удивительным было то, что он пронесся мимо Андрея, совсем не заметив его. Может, из-за того, что коридор был слабо освещен, а мужчина сильно встревожен? Но ведь стоило только протянуть руку, и он прикоснулся бы к нему. Стоило только повернуть голову, и Андрей прямо перед ним. Почему же он ничего не видит? Зато Андрей видит все (хотя и ничего не слышит).

Девушка, наспех прикрыв свое тело ванной шторкой, испуганно рассказывает мужу о том, что с ней случилось. Тот приходит в негодование.

Андрей ясно видит, как начинает вздуваться и опадать его широкая грудь, перекатываться на лице желваки, а руки сворачиваются в огромные жилистые кулаки.

С дикой решительностью он снова, на удивление, не заметив Андрея, проносится мимо, резко открывает дверь кладовки и через минуту высакивает оттуда с блестящим «винчестером» в руках.

Андрей в испуге срывается с места и быстро бежит в гостиную, не соображая, что делать. В гостиной он неожиданно спотыкается и летит прямо на журнальный столик, расположившийся посреди комнаты возле широкого пышного дивана. Однако не ударяется об него, а проваливается сквозь столешницу на пол, ослепленный мыслью, что это совсем не его гостиная, и что она делает на месте его квартиры, непонятно.

Муж незнакомки тем временем врывается в гостиную и с «винчестером» наперевес настороженно замирает на пороге.

Андрея вновь охватывает паника, он стремительно подхватывается с места и пытается домчаться до широкого окна, чтобы, разбив собой стекло, вывалиться в него, спасаясь от преследования разъяренного верзилы.

Его движение, очевидно, не осталось незамеченным, мужчина быстро вскidyвает ружье и стреляет в направлении Андрея.

Андрей в отчаянии бросается грудью на окно, но окно отчего-то в одно мгновение превращается в глухую стену, и Андрей в порыве больно бьется об нее и без чувств оседает на пол.

Когда спустя несколько минут он приходит в себя, то видит, что снова находится в своей старой квартире и знакомая мебель как прежде окружает его.

Андрей пытается найти разгадку происшедшего, но никакого разумного объяснения не находит. Вероятнее всего, от перегрева и магнитных бурь, его сознание на несколько минут помутилось, и странное видение ворвалось в разгоряченный мозг. Надо просто пойти сейчас в ванную и ополоснуться под душем. Так Андрей и сделал. И все равно, несмотря на знакомую обстановку, дверь ванной открывал с опаской, боясь опять стол-

кнуться с наваждением. Но опасения были напрасны – ванная оказалось его ванной, зеркало на стене, как и прежде, висело одно, полотенца, туалетные принадлежности и аксессуары – те же самые. Значит, действительно незнакомка под душем и ее взбешенный муж с винтовкой были всего-навсего иллюзией распаленного жарой воображения!

Андрей успокоился и залез под душ. Прохладная вода освежающе заструилась по телу. Андрей слегка ополоснулся, насухо вытерся полотенцем и пошел обратно в комнату, чувствуя, что еле держится на ногах.

Но едва он вошел в гостиную, как ноги словно налились свинцовой тяжестью – Андрей увидел, что в углу комнаты, на расстоянии не менее полутора метров от пола, в двух местах слегка выворочена штукатурка.

Приблизившись и рассмотрев выщербленные места внимательнее, Андрей увидел, что в центрах углублений торчат застрявшие пули.

Андрей безвольно опустился на диван. Увиденное не укладывалось в голове. Неужели все произошло с ним на самом деле? Он не знал, что ответить, однако одна поразительная мысль, как ток, пронзила его: «Выходит, в этом пространстве, в этот момент времени параллельно существует еще один мир? Или несколько миров?»

От мысли, что здесь он может быть не один, стало страшно. Андрей почувствовал, что теперь так просто жить не сможет. Призраки не дадут ему покоя.

2004

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕНЧИВЫХ ВЕТРОВ

Глядя на проходивших, как тени, мимо меня людей, на мой несчастный народ, ставший теперь изгоями, еще раз задумываюсь, поступил ли я правильно, превратив их некогда светлые свободные души в души темных, беспросветных чудовищ?

Теперь мы – те, кто разделился, и мы – те, кто должен вернуться, чтобы идти по Священному пути.

Теперь нашей едой будет не сладкий маис и дикие плоды сумаха и юкки. Мы вынуждены будем вечно скрываться в мрачных ущельях глухих каньонов, сливаться с красным песчаником, уходить в тень высоких пихт и ждать появления круглой луны.

Но разве было бы лучше совсем уйти в Священную долину и увести за собой весь свой род? Думаю, нет.

Древние говорили: «Когда мы идем по матери-Земле, мы всегда ставим ноги внимательно, потому что знаем, что лица наших будущих поколений смотрят на нас вверх из-под земли. Мы никогда не забываем о них».

Наше будущее поколение... Именно из-за него я заставил Танцующего Койота превратить всех нас в чудовищ, чтобы сохранить хоть кого-нибудь.

Верю, наша владычица Ахсоннугли простит меня, потому что нельзя было допустить, чтобы и мое племя исчезло в тени веков, как некогда исчезли племена анасази и юха. Это, по-моему, была правильная, хоть и вынужденная мера...

Мы уже давно знали, что племя Белых бородачей в ослепительных панцирях, на фыркающих монстрах и с огнедышащими драконами движется по земле нунка. Их страстью было золото, их целью – земля. Кто не отдавал им землю или не приносил золото – лишался жизни.

Но мы никогда не говорили, что земля принадлежит нам и мы можем делать с ней все, что хотим.

Единственный, кто может забрать ее – тот, кто создал.

Белые бородачи не могли понять этого, потому жаждали крови, если не было золота, и топили в крови тех, кто не хотел уходить с насиженных мест.

Не было, наверное, большего бедствия на наших землях с тех пор, как много тысяч лет назад койот украл у спящего черного бога огня пламя и принес его людям. Не было большего несчастья с тех пор, как с неба в виде огненного столба спустился бог и уничтожил все вокруг.

Я пришел к своему отцу, вождю нашего народа, Солнечному медведю и сказал ему:

— Отец, видишь, что творится вокруг. Пришла пора подумать о нашем роде. Белые бородачи топчут наши земли. Их намерения черны, их души — мрачная бездна. Неужели мы не сделаем ничего, чтобы остановить их? Если нам суждено умереть, мы умрем, защищая наш народ. Разве не ты мне часто повторял: «Когда придет время умереть, не будь подобен тем, чьи сердца наполнены страхом смерти и умри как герой, идущий домой»?

Солнечный медведь посмотрел на меня задумчиво, но ничего не сказал, лишь закурил священную трубку и мысленно унесся к богам.

Когда его душа вернулась обратно, Солнечный медведь помрачнел.

— Боги молчат, мой сын.

— Значит надо поступать так, как велит нам разум.

Я не хотел верить, что Солнечный медведь сдался.

— Разум, сын мой, дают нам тоже боги.

Я покинул жилище Солнечного медведя, не смея ослушаться вождя. Сотни лет мы поступали так, как советовали нам боги, но сейчас боги молчали, а промедление было смерти подобно. Из Низкой долины шли страшные вести: Белые бородачи не щадили ни старых, ни малых, если им не подчинялись. Стоило ли ждать послания богов?

Через два дня Солнечный медведь собрал Совет старейшин, и было решено выслать навстречу отряду Белых бородачей золото и подарки. Быть может, подношения заставят их пройти мимо наших краев.

Меня и в этот раз не стали слушать, а с подношениями решили посыпать моего младшего брата Играющего ветра, более сдержанного, как они считали, и рассудительного.

К вечеру следующего дня оставшийся в живых Цепкий коготь привез в селение отрубленную голову Играющего ветра. Белые бородачи неудержимо двигались в нашу сторону.

— Боги молчат, — сказал мне Солнечный медведь, когда я в который раз пришел к нему в жилище. — А разум сыграл с нами злую шутку.

Я готов был разметать все идолы. Но Солнечный медведь негромко сказал:

— Бирюзовая женщина Ахсоннутли не оставит нас.

Но на рассвете Белые бородачи коварно ворвались в селение. Горстку оставшихся после кровавой резни мужчин, женщин и детей заперли в клетки. Невиданные доселе фыркающие монстры наводили на всех страх, огнедышащие драконы Белых бородачей заставляли воинов показывать пятки.

Я вынужден был опять обратиться к Солнечному медведю:

— Отец, видишь, что творится вокруг. Наши дома сгорели, воины убиты, жены становятся невольницами Белых бородачей. Мое сердце

от печали за народ, от осознания страшного будущего его превратилось в холодный тяжелый камень. Я не могу видеть зарезанных женщин и детей, разбросанных по всему ущелью. Доколе кровь будет пятнать нашу землю? Надо отдать им все, чего они хотят, и спасти остатки рода.

Солнечный медведь не мог ничего возразить, но и выдавать тайники не собирался – не одно поколение копило богатство Священной горы.

Белых бородачей съедало нетерпение. Еще троих мужчин и двух женщин зарезали на глазах всего нашего племени.

– Есть только один выход, отец, – обратился я к Солнечному медведю. – И ты знаешь какой. Белые бородачи не пощадят никого, даже если отдать им все золото Священной горы. Они превратились в чудовищ. Значит и мы теперь, чтобы их истребить, должны стать чудовищами. Как великий бог Найе Несгани – истребитель чудовищ.

Тень печали легла на изборожденное временем лицо Солнечного медведя.

– У народов Севера есть легенда, – сказал он, – рассказывающая о том, как в далекие времена, когда люди и звери жили вместе в полном согласии, на землю пришла суровая зима. Потянулись тогда все, чтобы согреться, поближе к небу. Но это не понравилось медведю, который был правителем неба. Он собрал все тепло в огромный мешок, но животным удалось похитить его. Во время ночлега, когда все звери уснули, мышка, чтобы починить свою изорвавшуюся при бегстве обувь, вырезала из мешка маленький кусок кожи. Этот поступок вызвал великое бедствие. Тепло вырвалось наружу и в считанные секунды растопило толстый слой снега, покрывавшего землю. Страшное наводнение погубило всех.

– Но многим тогда удалось спастись, отец.

– Исключительно по воле бога. Ты же просишь меня открыть мешок с бедами, когда боги молчат. И ты должен понимать, что мы больше не останемся людьми, а навсегда превратимся в кровожадных волков.

Я все еще пытался переубедить Солнечного медведя.

– Волки были посланы нам как хранители наших духов. Наш народ и волки одно и то же.

– Волки, а не чудовища.

Солнечный медведь был непреклонен.

На следующий день он встретился с вождем Белых бородачей и сказал ему так:

– Я нищий и нагой, истерзанный и загнанный, но я еще вождь своего народа. Земля – наша мать, и она не принадлежит нам. Мы принадлежим

земле. Мы не хотим богатств, богатства не приносят добра. Мы не можем взять их с собой в другой мир. Мы хотим только мира и любви.

Это было утром. Вечером отрезанную голову Солнечного медведя бросили к нам в клетку.

— Я знаю, что у вас еще есть тайники с золотом, — сказал вождь Белых бородачей. — Солнечный медведь отдал нам маленькую толику. Может, вы будете благоразумнее.

«Что такое жизнь? — вспомнил я изречение наших предков. — Это вспышка светлячка в ночи, дыхание бизона зимой, маленькая тень, пробегающая по траве и теряющаяся в закате».

Вождь Белых бородачей пообещал вырезать всех до единого, если мы не откроем ему наши остальные хранилища, и ушел, оставив нас в размышлениях до восхода солнца.

Но мне больше не нужно было размышлять. Как старший сын Солнечного медведя, став вождем, я приказал Танцующему койоту готовить священную мазь. Все необходимое у Танцующего койота всегда было с собой. Полынь, запах которой изгоняет нечистое из жилищ и тела человека, росла повсюду, только руку из клетки протяни. Кровь мертвого отца и наша живая кровь станут основой мази. Нам же оставалось только молиться. И мы молились всю ночь, натирая себя священной мазью и наблюдая, как Танцующий койот, окуривая клетку полынью, заводит свой последний ритуальный танец.

— О Великий Дух, чей голос я слышу в ветрах, я прихожу к тебе, как один из множества детей, — забубнили справа и слева от меня мои воины. — Мне нужны твоя мудрость и сила. Сделай меня мудрым и сильным не для того, чтобы превзойти своих братьев, но чтобы победить моих злых врагов...

Танцующий койот распался все сильнее и сильнее. Поднимались с колен и другие воины и присоединялись к пляске Танцующего койота. Мазь начинала действовать. Я чувствовал ее колдовскую силу. Мышцы наливались, грудь распирало, сознание прояснялось.

Белые бородачи всполошились, не понимая, что происходит в нашей клетке. В дрожащих отсветах тусклых факелов им были видны только странно дергающиеся тела, издающие ритмичные однообразные звуки, усиливающиеся с каждой последующей минутой.

— Они сошли с ума, — заголосили Белые бородачи.

— Убить всех, — отдал приказ их предводитель.

Но было уже поздно — дух Найе Несгани вселился в нас!

Наши лица вытянулись в оскаленные волчьи морды, руки стали ложматыми лапами, спины округлились в мощные каменные горбы, деревянные прутья клетки больше не были препятствием.

Вырвавшись на волю, мы с яростью набросились на врагов, перегрызая им глотки, вырывая их сердца, отрывая головы...

Это было в Месяц переменчивых ветров. Мы уходили с места наших предков к Глубоким каньонам, чтобы навсегда исчезнуть из памяти человечества, как исчезли из их памяти племена анасази и юха. Теперь наши дети и внуки также станут чудовищами, как стали ими мы, отдавшись во власть Великого Духа.

«Правильно ли я поступил, – в который раз терзаю себя навязчивой мыслью, глядя на проходивших мимо меня людей, втаптывающих равнодушно в грязь золото, на мой народ, ставший теперь изгоем, – превратив оставшихся соплеменников в чудовищ?» И сам себе отвечаю: «Правильно. Ибо я сохранил наших мужчин, женщин и детей – наш род»...

2007

ПРЕДЧУСТВИЕ

Мы не виделись с Романом уже более года, пока однажды я не получил от него встревожившее меня донельзя письмо.

Год назад Роман, без видимой причины беспечно оборвав все связи и знакомства, уехал в свой родной небольшой городишко и не давал о себе ничего знать вплоть до сегодняшнего дня. Чем он там занимался, на что жил, никому не было известно. Я знал только, что у него там остался старый, больной отец в однокомнатной квартире и бабушкин дом с огромным участком, позволявший двоим при скромных запросах безбедно существовать всю зиму и лето. И хотя отец Романа был отставной военный с приличной пенсией, я не одобрял поступка друга, фактически сидевшего у отца на шее. И также не понимал причин, побудивших Романа оставить должность редактора отдела одной из наших крупных областных газет, порвать с женой и друзьями и полусуществовать анахоретом вдали от общества и цивилизации.

Он писал:

«Дорогой Константин, если б ты знал, как я рад снова поговорить с тобой, пусть даже и заочно. Мне так не хватает наших теплых встреч, долгих сближающих нас задушевных бесед, особой дружеской атмосферы, которая неизменно при этом устанавливалась вокруг. Ты один был всегда способен правильно понять меня, один мог чувствовать и воспринимать то, что чувствую и воспринимаю я. Поэтому и сейчас я снова обращаюсь только к тебе, моему близкому другу, товарищу, брату.

Чтобы долго не тянуть быка за рога, сразу скажу тебе, что я уже давно – около полугода – живу один. Отца похоронил, близко ни с кем не сошелся. Ты же знаешь меня, что сердцу не любо – мне не по душе. Но я не о том. Умирая, отец заронил во мне мрачное предчувствие конца света. Ты улыбнулся? Я тоже улыбнулся про себя, когда на смертном одре отец рассказал мне о своем предчувствии. С тех пор, как вернулся домой, я ни разу не видел отца улыбающимся или хотя бы радостным. Я списывал это на своеобразный образ жизни отца, его одиночество, замкнутость, нелюдимость, старость, – на что угодно, только не на то, что он носил в душе: темноту и страх, которые в конце концов и сгубили его. Я бы, может, легко отмахнулся от них, от его бессвязной и непонятной речи перед смертью, если бы буквально на второй или третий день похожие предчувствия не охватили и меня. Как будто какой-то материальный густок

присутствовал в квартире и со смертью отца никуда не исчез. Я вдруг почувствовал нечто неотвратимо приближающееся, уму непостижимое, неземное, страшное, не поддающееся описанию. Апокалипсис. Только так я могу назвать это «нечто».

Тут ты опять снисходительно улыбнешься. Раньше и я бы улыбнулся с тобой. Мы, трезво глядящие на историю, уж столько знали различных примеров предчувствий гибели всего сущего. Ни одно из них не сбылось. Но это, я верю, обязательно сбудется, потому что оно, я чувствую, движется, приближается к нам день за днем, час за часом. И я даже знаю приблизительную дату его начала. Начала Апокалипсиса!

Не знаю, как я ее определил, мне просто пришла она в голову. И как только она всплыла в мозгу, вселенский (не побоюсь этого слова) ужас тотчас обуял меня. Я ужаснулся, как может ужаснуться только путник, случайно забредший в ночь на заброшенное кладбище и увидевший в свете яркой луны заросшие холмы с накренившимися крестами. И этот ужас по мере приближения возникшей в моем мозгу неминуемой даты только возрастал. Еще плотнее и гуще становился черный туман в душе. Плюс еще то, что я, сам понимаешь, не мог никому ни открыться, ни довериться. Разве только тебе одному, да и то с некоторой долей сомнения – поймешь ли, примешь? Сомневался. Поэтому не писал. Но теперь не могу не попрощаться с тобой. Уж сильно ты мне дорог как друг. Осталось всего несколько дней, может быть, часов. И как бы я скептически не относился к той зловещей дате, она разъедает мой мозг. Прощай мой милый друг, авось на том свете свидимся. Роман».

Сначала я не знал, как отнестись к этому известию. Назвать Романа сумасшедшим, было бы необоснованно. Я всегда знал его как умного, грамотного и начитанного товарища. Но последние его слова отнюдь не производили впечатления, что их писал нормальный, трезво оценивающий окружающее человек. Мне претила подобная смесь паранойи и апокалипсичности. Роман явно был не в себе. И, как мне казалось, в любую минуту мог сделать с собой что угодно. Я решил поехать к нему. Может, я поступал неправильно, наивно и беспечно, но кроме меня, я в этом был убежден, помочь Роману в данной ситуации было некому. Я боялся только одного: чтобы мой приезд не был слишком поздним – письмо все-такишло дня два-три, за это время многое могло произойти. Я рисковал вообще не застать своего друга живым. Суициdalный характер подобных настроений слишком очевиден. И все-таки поехал. На следующее же утро.

Дряхлый сине-белый «Паз» прибыл на автостанцию N. ближе к полуночи. Микрорайон с посеревшими девятиэтажками, в одной из которых

теперь жил Роман, виднелся за поредевшей зеленью городского сквера. Стояла невыносимая духота. Воздух вокруг словно застыл – ни ветерка, ни звука. Если откуда-то и доносился грохот колес проезжавшего самосвала или детский крик, они звучали особенно резко и плотно, не рассеиваясь и не растекаясь, как обычно. Жара.

Я прошел через густо заросший сквер, разыскал подъезд дома Романа, поднялся к нему на седьмой этаж, позвонил. Он долго не открывал. Может, еще спал, утомленный ночным бдением, хотя пора бы уже и подняться – двенадцать на носу. Наконец за входной дверью послышались шаркающие звуки, затем сухой лязг замка. Роман почти равнодушно, без тени удивления (может, знал, что я поспешу к нему) полуприкрытыми от сна глазами посмотрел на меня.

– Все-таки приехал? – сказал. – Проходи.

Я потянулся за ним, похудевшим – кожа да кости, – ссугулившемся, в одной майке и трусах, в тапочках на босу ногу.

– Зачем? – спросил он опять, тяжело опускаясь на серую смятую холостяцкую постель и закуривая свежую сигарету. Полная окурков алюминиевая кружка стояла на старом деревянном табурете рядом с кроватью. – Я же тебе обо всем написал.

– Не мог по-другому, извини, – сказал я, бегло осматривая убогую комнаташку друга. Тут словно сто лет не убирались. Повсюду в беспорядке валялась разная одежда, на столе возле монитора чернела сковорода с остатками яичницы, окно было задернуто выцветшей, давно потерявшей свой вид ситцевой занавеской. Плотно набитый всевозможными книгами старый сервант уныло покосился в дальнем углу. Воздух пропитался табаком и крепким мужским потом.

– Тогда располагайся, – сказал Роман. – Милости прошу.

Я подошел к окну, отодвинул занавеску.

– Позволишь?

Роман слабо пожал плечами: «Как знаешь».

– Как ты тут только живешь? – спросил я, распахивая настежь окна. – Немудрено нахвататься таких мыслей.

Я замер у окна. Происшедшая в Романе перемена сильно поразила меня. Его взгляд, как мне показалось, был совсем потухший, мертвый. И хотя он пытался как-то придать ему радостного, веселого блеска, быстро набегающие морщинки на лбу говорили о том, что Роман до сих пор упорно сосредоточен над чем-то, тем, что ни на минуту не оставляет его, ни на секунду не дает покоя. Приятного было мало.

Легкий летний ветерок освежающе дохнул на меня. До голубизны чистый небосвод, казалось, был совсем рядом.

– Итак, может, растолкуешь мне все? Что за мрачные настроения? Какой конец света? Ты совсем из ума выжил?

Роман улыбнулся краем губ. Так снисходительно улыбается взрослый, видя, как ребенок неумело складывает из кубиков пирамиду.

– Боюсь, ты меня не поймешь, – сказал он чуть погодя.

– До этого же, кажется, понимал. Или, по крайней мере, старался понять.

– Но в этом случае я и сам ничего не понимаю. Только чувствую. Как это объяснить? Может, выпьем?

– Выпьем, а потом ты мне все-таки обо всем подробно расскажешь.

– А рассказывать, собственно говоря, и нечего, – сказал Роман, поднимаясь с кровати и туша сигарету в кружке. – Ты всегда можешь разумно объяснить собственные чувства? А предчувствия еще более неуловимы. И необъяснимы. Только от одних мыслей о них у меня рождается страх. Даже не знаю, перед чем. И это еще больше пугает.

Роман оставил меня одного. Я не придал серьезного значения его словам. Общие рассуждения. Обычное самокопание, которое я также списывал на его одиночество.

– Может, ты преувеличиваешь? – стал спрашивать я дальше, когда Роман с почтой бутылкой водки и двумя изрядно потускневшими стопками вернулся в комнату.

– Поначалу и я так думал. – Роман наполнил рюмки. – Потом перестал. Мысли о конце света стали все чаще лезть в голову. Сами по себе. Даже в снах. Я чувствую его, он уже близко.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

– Я уже успокоился, смирился. Давай, выпьем, теперь уже все равно.

Я в упор посмотрел на Романа. Он был как никогда серьезен. Раньше я бы посмеялся над его словами, теперь просто не смог. Мне стало больно за него. С такими тревожными мыслями долго не протянешь. Жизнь потеряла для него смысл. И это было страшно.

Мы выпили. Роман поднялся:

– Пойду, чего-нибудь приготовлю. Хоть в последний день поем с удовольствием.

Я пропустил его слова о последнем дне мимо ушей.

– Может, сходить чего-нибудь купить в магазин?

– Не надо, я спустил вчера на еду все оставшиеся деньги. Они мне больше не понадобятся. Открывай холодильник и режь все, что под руку попадет. Умрем, как довольные жизнью мужики – на сытый желудок.

Роман рассмешил меня. Надо было знать его. Только он так с размахом мог закончить день. Что будет завтра, его никогда не тревожило. Но

чтобы так беспечно спустить последние гроши, надо было, наверное, совсем рехнуться.

Я открыл холодильник. Сыр, ветчина, балык, красная икра.

– Доставай и режь все без зазрения совести. Гудим!

Я неодобрительно покачал головой.

– У тебя точно конец света.

Всю нарезанную снедь мы снесли в комнату, разложив на нескольких табуретках. «По-холостяцки», как сказал Роман.

– Больше ни о чем этом не спрашивай, – бросил он небрежно.

Через час мы были уже хорошо навеселе. Роман только мрачнел. Через два он уже сидел чернее тучи. Мы опорожнили еще одну бутылку.

– Все, – сказал он и тяжело поднялся с кровати. – Прощай, друг.

Я удивленно посмотрел на него.

– Осталось совсем немного. Но я, пожалуй, ждать не стану. Прости, не могу.

– Да ладно ты, Роман, брось, – попытался я усадить его обратно.

– Как хочешь, а я ушел, – сказал он, решительно подошел к окну, посмотрел на яркое летнее солнце, сильно зажмурился и... вывалился через подоконник на улицу. Я даже ахнуть не успел. Во мне сработал какой-то тормоз. Не веря своим глазам, я, как потерянный, с испариной на лбу, поднялся, с трудом перебирая ноги, дошел до распахнутого настежь окна, высунулся из него наружу и со страхом посмотрел вниз. Неловко скрюченное тело Романа зловещим пятном выделялось на асфальте.

«Боже, Роман, что ты наделал?» – первое, что возникло у меня в мозгу. Я был в шоке. Его поступок не укладывался у меня в голове. Мало того. В двух шагах от того места, где упал Роман, я увидел милиционский «уазик». Милиционеры, садившиеся в него и уже собирающиеся уехать, как по команде одновременно вскинули вверх головы и впились в меня острыми, колючими взглядами. Я отшатнулся от окна. Кровь ударила мне в лицо. Они же решат, что это я выбросил Романа из окна! Они видели! Что делать? Бежать? Менты наверняка уже на лестничной клетке. Прыгать в окно? Безрассудство – седьмой этаж, костей не соберешь... Попробовать что-то толково объяснить? Я не знал, что и думать. А в дверь уже ломились: стучали, дергали ручку, орали благим матом: «Открывай, твою!» Я и сообразить ничего не успел, как входная дверь треснула, шумно распахнулась и в комнату с пистолетами наголо ворвались стражи порядка. Лишь только когда уложили меня на пол и защелкнули на запястьях наручники, они постыли.

– Ну, говнюк, рассказывай! – уставился на меня в упор один из них – толстомордый. Другой, похудее, маленький, с рыжими усами и колю-

ним взглядом уже крутился у окна, внимательно осматривая подоконник и оконные рамы.

– Что рассказывать? – спросил я, с трудом поднимаясь и усаживаясь на кровать. – Все равно не поймете.

Я как-то сразу потерял к ним интерес. Что было мое несчастье по сравнению с гибелю Романа?

– Ах ты, падла! – подскочил ко мне толстомордый и со всего маху залипил щечину. – Умничать вздумал!

Я свалился набок, но поднялся, тыльной стороной ладони утер выступившую в уголке губ кровь (видно, хорошо зацепил мордатый) и посмотрел на него с вызовом.

– Я тебя! – замахнулся он еще раз, но маленький, с рыжими усами, осадил его:

– Погоди, Михалыч.

Он сел на один из свободных табуретов и с хитрым прищуром посмотрел мне в глаза.

– Куришь?

Я отрицательно покачал головой.

– А я закурю. Позволишь?

– Еще спрашивать его, – вновь набычился толстомордый.

– Погоди, Михалыч, дай разобраться. Молодой человек, как видно, не из дураков. Так, может, и не будем упорствовать, расскажем обо всем сразу. Зачем ты убил своего друга? Он ведь был твоим другом, не так ли?

– Я его не убивал, – проциедил я сквозь зубы.

– Ладно, ладно, – сказал рыжеусый, закуривая сигарету так, как будто ничего необычайного сейчас не произошло. – Он сам случайно выбросился из окна.

– Не случайно, – едва слышно произнес я.

– Что?

– Я говорю – не случайно. Но я даже не догадывался об этом.

– Что он выбросится из окна?

– Да.

– Интересно получается. Вы отдохнули, расслаблялись, – рыжеусый поднес поближе к глазам недопитую поллитровку и покрутил ее, разглядывая, – а потом твой друг ни с того ни с сего вдруг выпал из окна. Так я понимаю?

Я кивнул.

– Даже не предупредив тебя?

Мне нечего было ответить. Рыжеусый, прищурив левый глаз, пристально посмотрел на меня.

— Что-то лицо мое незнакомо. Я тут почти всех знаю. Ты не местный? Документы есть?

— В заднем кармане.

Я попытался встать.

— Сиди, сиди, — приподнялся рыжеусый, — сам достану.

Он перегнулся через меня и вытащил из заднего кармана моих джинсов паспорт.

— Так, любопытно. Стало быть, не местный. Давно приехал? С какой целью.

Я не стал ничего скрывать и все рассказал, как было.

— Прочтите сами его письмо. Оно у меня с собой. Что бы вы на моем месте сделали, получив такое от близкого друга?

— Ну, ну, — пробурчал рыжеусый, вытаскивая из конверта письмо Романа, а толстомордый, оторвавшись от окна, снова нетерпеливо брякнул:

— Что ты панькаешься с ним, Григорыч, потащили его в отделение!

— Погоди, Михалыч, любопытно же. Не каждый день у тебя под носом из окна вываливаются.

Рыжеусый углубился в чтение, по мере которого он изредка шмыгал носом и ухмылялся.

— Да, интересно. Сынок весь в батеньку пошел. Взгляни, Михалыч, — протянул он толстомордому письмо, — и тот туда же.

Толстомордый брезгливо взял мятый лист письма и быстро пробежал по нему глазами. Через минуту и он, как и рыжеусый, криво усмехнулся:

— Они все тут посходили с ума. Батя его был помешанный, и этот туда же.

— Ладно, — сказал, поднимаясь рыжеусый, — поехали в отделение. Там с тобой разберутся.

Мне было все равно. Я никак не мог отойти от увиденного.

— Конец света, — вновь ухмыльнулся толстомордый и небрежно толкнул меня в плечо. — Иди вперед, ангелочек, и не вздумай брыкаться, в один мах голову сверну.

Мы стали спускаться по ступеням. Нелепая смерть Романа не выходила у меня из головы. Почему же так? Зачем? Ответов не было. Но когда мы вышли из подъезда, странное чувство тревоги внезапно охватило и меня. Я остановился, взволнованный, и высоко задрал голову. Тревога шла откуда-то сверху. Сочилась из застывшего над нами ярко-ярко голубого пятна на небе. Ее, скорее всего, почувствовало и мое сопровождение. Они так же, как и я, нерешительно остановились и вперились в это яркое пятно. Беспокойство на их лицах вскоре переросло в

некрываемый страх. Сверху мелко-мелко посыпалась мошкова. Много мошкы. Она падала к нашим ногам, черным-черно усыпая все вокруг. Потом за нею стали падать мертвые птицы. Затем по окруже разнеслись истошные бабьи крики, и один, другой, третий человек из распахнутых настежь окон полетели вниз. Разбивающиеся на наших глазах люди привели милиционеров в ужас. Я слова не мог произнести. А люди все падали и падали вниз, как мошкова, покрывая возле нас асфальт еще не остывшими трупами. Но я больше не смотрел на них. Сочащаяся сверху энергия полностью поглотила меня. Я не знал, что шло в наш мир оттуда. Или это наш мир стал разваливаться на части. Но одно я ощущил наверное – желание, чтобы этот невидимый источник никогда бы не угас, и я полностью растворился в нем...

2008

Содержание

Ловушка для призрака (повесть) 3

Рассказы

Счастливчик	63
Русалка	67
Нияз	71
Красные руки	82
Происшествие на дороге	88
Моя Мэрилин	91
Жители тьмы	96
Если верить в чудеса	101
Евочка	105
Контакт	112
Излом	117
Теймураз	120
Призраки параллельного пространства	127
Время переменчивых ветров	130
Предчувствие	135

Литературно-художественное издание

Бéзрук Игорь Анатольевич

Ловушка для призрака
(повесть, рассказы)

Отзывы на книгу отправляйте по адресу:

bezruk1@mail.ru

Подписано в печать 22.07.2009. Формат 60x84 1/₁₆.
Усл. печ. л. 8,37. Изд. № 7. Заказ № 130. Тираж 100 экз.

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»
153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, оф. 307
Тел.: (4932) 30-42-91, 30-43-07
E-mail: pressto@mail.ru

ISBN 978-5-903595-32-7

9 785903 595327